

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

На правах рукописи

Яо Цзясюй
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ
(на материале российских СМИ 1990-х–2020-х гг)

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор И. Т. Вепрева

Екатеринбург – 2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Моделирование концептуальной метафоры <i>политика – это грязь</i>	18
1.1. Теоретические основы структурной организации концептуальной метафоры.....	18
1.2. Концептуальная метафора <i>политика – это грязь</i> : фреймо-слотовая организация области-источника.....	22
1.3. Концептуальная метафора <i>политика – это грязь</i> : фреймо-слотовая организация области-мишени.....	50
Выводы.....	68
Глава 2. Смысловое развертывание базовой метафорической модели <i>политика – это грязь</i>	71
2.1. Кластеры на основе парадигматических отношений.....	73
2.1.1. Кластер «Грязь» на основе синонимических связей.....	73
2.1.2. Кластер «Грязь» на основе метонимических отношений.....	76
2.1.3. Кластеры тематической однородности, выделенные на основе родовидовых отношений.....	78
2.1.3.1. Кластер «Отходы человеческой жизнедеятельности».....	80
2.1.3.2. Кластер «Мусор».....	85
2.2. Кластеры на основе ассоциативной когнитивной смежности.....	103
2.2.1 «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека».....	103
2.2.1.1.Кластер «Артефактные локусы».....	104
2.2.1.2. Кластер «Природный локус нечистот».....	113
Выводы.....	114
Глава 3. Кластер «Бестиарий как составляющая грязи и мусора».....	117
3.1. Первая группа – дикие животные.....	119

3.2. Вторая группа – домашние животные (свинья).....	122
3.3. Третья группа – мелкие животные-грызуны (мыши и крысы).....	127
3.4. Четвертая группа – птицы (ворона).....	131
3.5. Пятая группа – насекомые.....	134
Выводы	147
Заключение	150
Список использованной литературы	153

Введение

Диссертационное исследование выполнено в русле лингвоаксиологии и когнитивной лингвистики, посвящено анализу аксиологического потенциала политической концептуальной метафоры. Политическая деятельность – одна из важнейших социокультурных сфер общественной жизни страны – обычно получает в публицистическом дискурсе эксплицитные оценки этического характера. Одним из языковых средств выражения оценки являются метафоры, среди которых особое место занимает конвенционально закрепленная в языке оценочная метафорическая конструкция *политика – это грязь* с ярко выраженным пейоративным аксиологическим компонентом.

В русском языке исторически сложилась устойчивая система непрямого означивания – образного, метафорического, которая используется для выражения значимых для культуры аксиологических доминант [Алефиренко 2002: 61—62; Красных 2003: 298; Шестак 2003: 7]. Метафора грязи, имея глубокие корни в различных культурах, является продуктивным механизмом оценочного смыслопорождения в современном русском языке.

Актуальность диссертационной работы обусловлена социально-политическими факторами. В современных условиях при радикальной трансформации российского социума важной является опора на базовые ценности и традиционные моральные основы. Проблема морально-нравственного осмысления социально-политических процессов в России и в мире активно обсуждается в средствах массовой информации. Актуальными являются проблемы взаимодействия политики и морали. Ведущую роль в процессах ценностной интерпретации нравственных границ политической деятельности играет концептуальная метафора, в рамках которой обсуждаются все участники социально-политического взаимодействия с точки зрения морально-нравственных норм и установок, которые позволяют им согласовывать свои интересы и цели. В основе согласования лежат моральные ценности.

Требование моральной чистоты политической деятельности и безнравственного поведения политиков в реальной действительности – вечная проблема и общее место в риторике политического дискурса. Истоки осмысления вопросов взаимосвязи морали и политики связывают с итальянским мыслителем

Николло Макиавелли и его работой «Государь» (1532 г.) [Макиавелли 1990]. Макиавелли выступал за сильную государственную власть, считая высшей моральной ценностью патриотизм, и допускал применение любых оправдательных средств для сохранения и укрепления государства. Макиавеллиевский лозунг «Цель оправдывает средства» носит амбивалентный характер. С одной стороны, характерной чертой политических приемов, которые предлагал Макиавелли сильному миру сего, был призыв в подчинении средств целям, отделении политики от нравственности. С другой стороны, Макиавелли движет его искреннее желание подготовить лучшее будущее своему отечеству, его преданность общему благу.

Макиавелли «не только не отождествляет, но и разделяет политику с моралью (которая в его время была исключительно религиозной), но и приветствует политический аморализм. Он считает, что в политике допускается ложь, коварство, насилие, предательство для достижения целей. Заслуга Макиавелли состояла не в освобождении «науки» от морали, а в освобождении ее от непререкаемых догм и излишнего морализирования. Но историческая практика показала, что в политике нормы морали важны хотя бы потому, что для политиков важно, что о них думают и как относятся к ним люди, и поэтому все проблемы должны решаться в пределах этики и морали» [Маркарян 2020: 255].

Исследователи трудов Макиавелли видят недостатки проведенного им функционального анализа: Макиавелли «остался на уровне эмпирии, а на теоретический уровень систематизации и обобщения не поднялся. Его предложения для политика вести себя аморально, поступать безнравственно по отношению к своим подданным, оказываются опровергнутыми им самим» [Сидоренко 2015: 185].

Индивидуальная и государственная мораль могут расходиться. Политика ориентируется на могущество и силовые методы, и государственные цели могут иметь приоритет перед правами человека. Поиски ответа на вечный вопрос о нравственности в политике приводят исследователей к выводу, что политика не исключает нравственность, но не может целиком и полностью определяться ею. «Это связано с тем, что моральные ценности имеют абстрактную природу, тогда как политика всегда носит конкретный и ситуативный характер. Если мораль исходит из определённых идеалов, то политика – из конкретных интересов

социальных групп. Поэтому транзитивное противоречие между ценностями морали и целями политики является одновременно условием их взаимосуществования, развития, столкновения, сообразно с требованиями моральных императивов» [Руженцев 2020: 19].

СМИ по своей природе являются публичной сферой и могут оказывать важное политическое влияние: «политика, в основном, и есть та сфера жизни, в которую “погружены” тексты и массмедиа» [Бегун, Салимовский 2009: 33]. СМИ участвуют во всех сферах политической жизни и играют ключевую роль в формировании политической культуры, осуществлении политического надзора, влиянии на государственную политику, изменении политических отношений и т. д. По мнению Н.И. Клушиной, отношения между СМИ, властью и народом похожи на пирамиду, где власть находится наверху, а народ внизу [Клушина 2012: 262]. При этом журналисты, выступая как посредники между властью и народом, «являются своеобразными «агентами влияния», способствующими формированию общественного мнения» [Шейгал 2000: 25].

Проблемы взаимодействия СМИ и политики получают свою интерпретацию в российской науке, см. работы [Баранов, Караулов 1991, 1994; Баранов 2003б, 2004; Воробьева 2011; Демьянков 2001, 2003; Ермакова 1996, 1997; Земская 1996; Карасик 2002, 2009, 2012; Костомаров 1971; Кожина 2008; Крысин 2001; Лунцова 2003; Паршин 2000, 2007; Почепцов 2003; Савинова 2008; Северская 2012; Скворцов 2011; Солганик 2012; Чудинов 2001, 2003, 2008, 2016; Шейгал 2000; Язык СМИ и политика 2012 и др.].

Разработанный в рамках функциональной стилистики публицистический стиль традиционно отождествляется с языком СМИ [Купина, Матвеева 2013: 232]. Современные исследователи, не отказываясь от выявленных ранее принципов публицистического стиля (чередование стандарта и экспрессии [Костомаров 1971], социальной оценочности [Солганик 2012] и поуровневого описания его речевой системности в рамках функциональной стилистики [Кожина 2008]), считают возможным дополнить известное знание современными принципами изучения феномена медиа [Клушина 2018].

Одним из результатов деятельности СМИ является популяризация всех аспектов общественной деятельности и включение ее в сферу общественного

обсуждения, что может привести к важнейшим изменениям в общественной жизни и общественном сознании, см.: [Клушина 2018: 49]. В современной медиалингвистике получил распространение термин *медиатизация (mediation)*, который впервые ввел известный исследователь Дж. Томпсон [Thompson 1990: 241] для обозначения влияния масс-медиа на общественное сознание и современное жизненное пространство в целом, см., также развитие идей теории медиатизации в [Брэди 2008; Brants, Praag 2006; Cottle 2006; Hjarvard 2008; McQuail 2006; Robinson 2001]. СМИ включены в национальную систему управления и являются четвертой властью, помимо законодательной, административной и судебной власти, а также являются одним из важных инструментов реализации политического процесса.

СМИ, среди прочих функций, выполняют функцию морального ориентирования. Знания граждан о государственной власти формируются на основе журналистских текстов, в которых дается моральная оценка конкретным политическим действиям и поступкам действующих властных структур. Озабоченность СМИ упадком нравственности в политике обращает внимание журналистов на выбор ориентиров поведения государственного деятеля, обладающего острым чувством гражданского долга. Политик в своем управлении обществом в идеале должен опираться на существующие моральные правила. СМИ считают своей обязанностью указать на то зло, которое проистекает из безнравственного отношения к общественному делу. Развертывание концептуальной метафоры *политика – это грязь* в современном медийном дискурсе проецирует макиавеллиевские рассуждения на все политические институты в целом.

Аксиологическая составляющая данной метафоры определяется проблемой выявления критериев нравственности в политике. «Смысл морали как социокультурного феномена – в сообразовании частных интересов во имя блага индивидов и социума» [Апресян 2014: 79]. Обсуждение интересов осуществляется с помощью апелляции к моральным ценностям. «Мораль можно представить как систему ценностей. Мораль утверждает ценность блага другого человека, других людей, социума. ...моральные ценности вменяют ответственность за благо Другого. Для понимания морали важно принимать Мы-проекцию» [Там же: 80–81]. Моральные требования противостояния злу могут приниматься личностью по

внутренним мотивам, но могут иметь и надличностный характер, в широком социальном контексте, поскольку содействовать благу людей – задача не только для отдельной личности, но и для общественных групп и общества в целом. Беря на себя эту задачу, общество становится объектом морального отношения, и таким образом задается пространство общественной морали. Ценности начинают конкретизироваться в ценностях общего блага и интересов отдельного человека.

Переносное значение лексемы *грязь* – ‘безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях’ – носит конвенциональный характер и закреплено в лексикографических источниках. Активный интерес к категориям *грязи* / *чистоты* в гуманитарных науках прослеживается с конца XX века. Но истоки образного значения заложены в истории культуры. Исследователи [Завьялова 2011, 2012, 2013; Яковлева 2000 и др.] обращаются к анализу данных культурных универсалий и связывают их, с одной стороны, с космологическими учениями ранних греческих философов, которые искали «грязную» первооснову мира: в древних моделях мира среди первоэлементов – воздуха (эфира), огня, воды, земли – наиболее грубыми, субстанциональными были вода и земля. Также древнегреческие мыслители «с «нечистой» субстанцией традиционно связывают телесное, бренное, материальное, но несущее в себе колоссальное потенциальное начало» [Завьялова 2011: 249]. С другой стороны, начиная с раннехристианских писателей конца I – начала II века, II–III вв. тленный земной мир противостоит нетленному небесному, «грязь грешников – чистоте праведников» [Завьялова 2012: 177]. На сакральность понятия «чистый» в значении «святой», сопрягаемого «со своей противоположностью – «нечистым», которая также называет некую сакральную область, но с обратным знаком» [Яковлева 2000: 204] указывают тексты Ветхого и Нового Завета. В дальнейшем ходе развития этих категорий смысловая передача нечистого происходит с помощью слов *грязный* и *грязь*. Сама предметная сфера, относящаяся к *грязи*, стала отличаться от древнерусской, сопрягаясь с ментальной сферой, «слова *грязь*, *грязный*, *грязно* стали соотноситься с «человеческим» (а не «природным») контекстом» [там же: 213].

Степень разработанности проблемы. Изучение метафоры многоаспектно и связано как с философским осмыслением метафоричности мышления [Ортега-и-Гассет 1990; Гегель 1972; Кассирер 1990; Мамардашвили 2002; Ницше 1912; Рикер

1990; Ричардс 1990], так и с лингвистическим подходом, четко разделившим метафору как предмет стилистики и лексикологии [Арутюнова 1990, 1999; Гак 1972, 1988; Складеревская 1993; Телия 1977] и как предмет когнитивной лингвистики. Когнитивный разворот в исследовании метафоры обусловлен активизацией антропоцентрической парадигмы в языке во второй половине XX в., «экспансионизмом» [Кубрякова 1995: 206–211] современной лингвистики. Общим местом в когнитивных работах является ссылка на классическое исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980], благодаря которому концептуальная метафора приобрела научную легитимность как способ познания объективной действительности. Современных когнитологов [Баранов 2003а, 2003б; Баранов, Караулов 1994; Будаев 2007; Болдырев 2004, 2014, 2018; Демьянков 1995; Заботкина 2019; Кибрик 2015; Кубрякова 1997; 1999; Резанова 2003; Попова, Стернин 2007; Чудинов 2001; Ху Чжуанлинь 2004; Шу Динфан 2009] объединяет понимание метафоры как ментальной операции, как инструмента мышления в осмыслении сложных абстрактных понятий в разных областях жизни общества – в политике, экономике, культуре, науке.

Метафора – это способ категоризации, концептуализации и объяснения мироустройства. Познавательная деятельность человеческого мышления тесно связана с ценностным отношением индивида к осмысляемым фактам действительности. Процесс концептуализации действительности сопровождается стремлением языковой личности к характеристике и оценке явлений окружающего мира [Аксенова 2014; Арутюнова 1982; Ахренова 2021; Болдырев 2008, 2012; Ван 2021; Вепрева 2019; Вэнь 2019; Иоанесян 2020; Красильникова 2005; Кузнецова 2019; Малышева 2016; Радбиль 2015; Чистякова 2015]. «Метафора, являясь полифункциональной единицей, наряду с инструментальной, когнитивной и моделирующей функциями обладает богатым прагматическим потенциалом – способностью воздействовать на адресата, подсказывать и настраивать на определенный тип решения и поведения» [Юдина 2009: 2].

Сфера политической деятельности получает наиболее полное научное отражение в исследовании политической метафоры как на российской почве, так и в зарубежной лингвистике. По запросу «политическая метафора» электронная

научная библиотека elibrary.ru выдает следующий результат поисков: 2534 публикации, посвященные разноаспектному изучению политической метафоры.

Если характеризовать этот исследовательский материал в самом первом приближении, то можно выделить два пути изучения политической метафоры. Первый путь связан с инвентаризацией политических метафор по сфере области-источника. В работах прослеживается стремление к полноте и тщательности описания концептуальных структур, многие работы представляют собой диссертационные исследования сопоставительного плана, см., например: [Вершинина 2002; Зарипов 2015; Керимов 2005; Кропотухина 2011; Мингалеева 2018; Ольховикова 2009; Сальникова 2013 и др.]. Второй путь – выявление прагматического потенциала политической метафоры, которая становится инструментом манипуляции общественным сознанием: «прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле “метафоры определяют сознание”» [Бугаева 2012: 74]. При изучении политической метафоры этот путь исследования достаточно продуктивен, см., например: [Пескова 2006; Погребняк 2019; Празян 2011; Ряпосова 2002; Селиванова 2019; Храброва 2010; Цзэн 2021 и др.]. Метафора «вводит адресата в контекст современной политической и культурной жизни и концептуализирует ценностные ориентиры современного российского общества: свободу, право, мораль, духовную, интеллектуальную жизнь» [Чудакова 2005: 18].

Внутри исследовательского поля изучения прагматических смыслов определенной сферы-источника и их корреляций с политическим дискурсом возникают дискуссионные вопросы. Так, в ряде своих публикаций А. Мусолф [Musolff 2000; 2004 и др.] ставит вопрос о конвенциональности прагматических смыслов, считая, что пейоративные или мелиоративные смыслы жестко не привязаны к одной и той же сфере-источнику, на функционирование политической метафоры, кроме языковых и когнитивных факторов, оказывает влияние и экстралингвистическая среда. Метафорические модели, обладая оценочно-характерологическим потенциалом, представляют область политики как сложный функциональный механизм. Способность метафоры влиять на восприятие

реальности – это особый инструмент для пропаганды определенных мыслей и манипулирования общественным сознанием [Михалева 2004: 123].

Особое место в исследовательском поле занимают научные школы политической метафоры. Не обращаясь к полной характеристике направлений, складывающихся в российской и зарубежной лингвистике, остановимся на уникальном опыте уральской школы политической метафорологии, во главе которой стоят яркие представители этого научного направления – А.П. Чудинов и Э.В. Будаев. Их широкий эрудиционный потенциал и важная просветительская функция проявляются в целой серии полновесных аналитических обзоров, посвященных российской и зарубежной политической метафорологии, освещению основных этапов развития этой отрасли науки, методологии и многоаспектным подходам к анализу метафоры [Будаев, Чудинов 2007; 2012; 2013; 2017; 2018; 2020a]. Эти работы позволяют ориентироваться в широком потоке исследований как сопоставительного плана, так и научных изысканий в рамках одного языка. В частности, Э.В. Будаев говорит о сложившихся аспектах сопоставительных работ по метафорике политического дискурса: 1) межкультурном; 2) социально-дискурсивном; 3) диахроническом; 4) мультимодальном [Будаев 2010]. В одной из последних работ А.П. Чудинов и Э.В. Будаев отмечают актуальные тенденции в развитии отечественной политической метафорологии: «Исследования, синтезирующие достижения когнитивной лингвистики и дискурсивного анализа (когнитивно-дискурсивный подход), стали ведущим направлением в российской политической метафорологии. Одновременно обнаружено, что в последние годы все более заметна тенденция к преодолению строгого разграничения когнитивного и риторического направлений в исследовании метафоры» [Чудинов, Будаев 2020б: 110]. Анализ метафоры в современных российских исследованиях объединяет описание метафоры, категоризирующей и концептуализирующей политический мир, с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации. Положение о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры – одна из продуктивных идей российской политической метафорологии.

Объектом исследования является политическая концептуальная метафора, представленная в текстах современной российской прессы и реализуемая в виде метафорического выражения *политика – это грязь*.

Предмет исследования – языковые средства и система метафорических моделей, манифестирующих базовую концептуальную метафору.

Цель исследования – представить концептуальную метафору *политика – это грязь* в аспекте ее структурной организации, аксиологического потенциала и моделирующих возможностей в русской языковой картине мира.

Достижение поставленной цели позволяет решить ряд конкретных **задач**:

- определить роль метафоры в политическом дискурсе;
- охарактеризовать теоретические основы структурной организации концептуальной метафоры;
- провести анализ концептуальной метафоры *политика – это грязь* с точки зрения фреймо-слотовой организации области-источника и области-мишени, установив характер связей между ними;
- выявить смысловое и оценочное развертывание базовой метафорической модели *политика – это грязь* на основе когнитивного признака отклонения от нормы, охарактеризовать языковые средства репрезентации метафорического материала.

Реализация целевой установки вызывает необходимость поэтапного решения групп задач. В соответствии с конкретным этапом исследования уточняются его объект и предмет.

На первом этапе исследования с опорой на корпус собранных метафорических высказываний из современных СМИ проводится качественный анализ концептуальной метафоры *политика – это грязь*, включающий все этапы построения метафорической модели: моделирование области-источника и области-мишени на основе фреймовой семантики; установление межфреймовых связей между ними.

В задачу исследования входит выявление на основе анализа сочетаемостных свойств существительного *грязь* и его контекстных сопроводителей сущностных признаков концепта, участвующих в метафорическом моделировании политической сферы.

На втором этапе исследования проводится анализ корпуса метафорических высказываний, связанных с исследуемой метафорой базовым, лежащим в основе понятия *грязь*, когнитивным признаком отклонения от нормы. Анализ проводится методом кластеризации метафорического материала, во-первых, на основе: а) синонимических связей; б) метонимических отношений; в) тематической родовидовой однородности; во-вторых, на основе ассоциативной когнитивной смежности.

В задачу исследования входит выявление языковой репрезентации выделенных кластеров, установление концептуально-семантической и аксиологической преемственности с базовой метафорой *политика – это грязь*.

Материал и его источники. Эмпирической базой исследования являются контексты, собранные с использованием электронной базы данных Интегрум (Integrum.ru), которая содержит 3544 источника русскоязычных СМИ. Хронологические рамки выборки – с 90-х годов XX века по 20-е годы XXI века. Данный корпус является полезной базой данных языковых метафор, поскольку дает возможность изучать взаимосвязь метафоры с политическим дискурсом. Корпус собранных текстов составляет свыше двух тысяч метафорических высказываний. **Единицей анализа** является текстовый фрагмент разного объема.

Методология исследования обусловлена поставленными в диссертации целью и задачами. В диссертационном исследовании используется метод комплексного лингвистического анализа, включающий приемы наблюдения, классификации и интерпретации языковых фактов. Метод дефиниционного анализа семантики единиц, входящих в состав метафорических моделей, сочетался в работе с методами корпусной лингвистики, которые используют количественные методики, учитывающие частотные характеристики исследуемых единиц.

В работе использован метод концептуально-метафорического анализа, основанный на некоем предположении о частичном воспроизведении структуры источника в структуре цели. Это метод, который опирается на понятие семантического потенциала слова, позволяющего прогнозировать, что можно извлечь из исходного значения слова и связанной с ним ситуации и на что (какие новые ситуации) можно распространить знак. При построении метафорической модели главным приемом, подчиняющим себе все остальные, является анализ

сочетаемости языковых единиц, репрезентирующих область-источник. Когнитивный подход к сочетаемости базируется на том, что сочетаемость отражает существенные характеристики, связанные с образами конкретных предметов в естественном языке.

Степень достоверности результатов исследования определяется репрезентативностью изученного языкового материала, комплексом методов анализа, адекватных целям, задачам и рассматриваемому объекту, опорой на авторитетные теоретические источники.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в рамках лингвоаксиологического подхода последовательно и целенаправленно исследуется оценочная составляющая концептуальной метафоры *политика – это грязь*; изучены ее основные компоненты, охарактеризована система фреймов и слотов; в процессе исследования концептуально-семантической преемственности метафоры *политика – это грязь* выделены и описаны кластеры «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор».

Теоретическая значимость диссертационной работы обусловлена возможностью использования ее результатов в работах по лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, в междисциплинарных исследованиях. В работе апробирована методика кластеризации метафорического материала, которая может быть применена к другим метафорическим полям с аналогичными характеристиками. Анализ метафорических моделей с ценностной составляющей представляет собой очередной этап решения проблемы последовательной инвентаризации фонда ценностно нагруженных метафорических моделей, используемых в современной политической речи.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике (при подготовке словаря политических метафор); в практике вузовского преподавания русского языка и риторики, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по лингвоаксиологии. Отдельные положения и выводы, содержащиеся в данной работе, могут быть полезны сотрудникам СМИ и авторам политических текстов.

Положения, выносимые на защиту

1. Концептуальная метафора *политика – это грязь* построена на эмпирически постигаемых признаках и явлениях неживой природы, которые языковое сообщество использует для морально-этического оценивания объектов политической сферы.

2. Анализ сочетаемости существительного *грязь*, репрезентирующего область-источник когнитивной метафоры *политика – это грязь*, выявил смысловые характеристики, которые играют важную роль при их перенесении в область мишени. Специфический признак грязи в политическом дискурсе – *трудность очищения* – важен для конструирования оппозиции *чистота – грязь*, где *грязь* определяется как когнитивное отклонение от нормы. Система перцептивных характеристик, выделенная в концептуальной сфере области-источника метафоры *политика – это грязь*, является языковым триггером, провоцирующим приращение отрицательно оценочных семантических компонентов. Фреймо-слотовая структура донорской базы включает 3 фрейма: *Консистенция грязи; Перцептивная характеристика грязи; Специфические свойства грязи*.

3. Сущностные признаки концепта *грязь*, объединенные в три фрейма, легли в основу морально-этической оценки деятельности политических акторов области-мишени. Выделенные два фрейма *Процессы речевого взаимодействия* и *Характеристика политической деятельности* метафорически характеризуют негативные ситуации сферы политики: через образы покрытия грязью – получение негативной и лживой информации из некачественных источников, очерняющей честь и достоинство политического реципиента и превращающей его в аморальную личность; через интерпретацию грязи как объемного вместилища – пребывание в неблагополучной политической среде, безнравственное и нечестное поведение политических акторов в общественных отношениях.

4. Исходный образ грязи лежит в основе кластеризации других образных средств вокруг базовой концептуальной модели. Кластеризация метафорического материала на основе синонимических связей расширила объем номинаций, закрепленных за концептуальной метафорой *политика – это грязь*, и интенсифицировала ее аксиологический модус. Кластер на основе метонимического сдвига образуется совокупностью перцептивных прилагательных,

атрибутивов концепта *грязь*, которые напрямую оценивают область-мишень (*черная / мутная / вонючая / затхлая / вязкая / ядовитая политика*).

5. Кластеры «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор», выделенные на основе тематической родо-видовой однородности метафорического материала, находятся в прямой концептуально-семантической и аксиологической преемственности с базовой метафорой. Регулярная реализация аксиологического потенциала лексических заполнителей кластеров добавляет к оценке морально-нравственных деструктивных изменений политической действительности деформацию профессионально-деловых качеств политических акторов.

Ядерные когнитивные смыслы выделенных кластеров вербализуются синонимически-градуальными группами лексем. Структурная организация кластера «Мусор» имеет иерархическую организацию; лексические репрезентанты видовых разновидностей мусора объединены в группы по признакам темпоральности, технологических остатков, предметно-бытовых и виртуальных отходов.

6 Кластеры «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека» и «Бестиарий как составляющая грязи и мусора», выделенные на основе ассоциативной когнитивной смежности, расширяют круг сегментов базовой метафорической модели *грязи* в политическом дискурсе. Бестиарий демонстрирует расчеловечивание политического мира путем приписывания политикам зооморфных черт.

7. Концептуальная метафора *политика – это грязь* является точкой отсчета, относительно которой отмеряются другие концептуальные кластеры, объединенные семантической категорией когнитивного отклонения от нормы. Семантическое согласование выделенных кластеров говорит о когнитивной проницаемости границ между взаимодействующими при метафоризации концептуальными областями. В результате концептуального сопряжения ментальных пространств образуется новое интегрированное пространство с открытым рядом новых компонентов.

Апробация результатов исследования. Материалы и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УГИ Уральского

федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Материалы по теме диссертации были представлены на четвертом международном молодежном конвенте «Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации» (Екатеринбург, 2020); XXVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2020); XVIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Актуальные проблемы русского языка и методики преподавания: традиции и инновации» (Москва, 2020); Международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований» (Екатеринбург, 2020); X Международном конгрессе по когнитивной лингвистике «Когнитивные исследования текста и дискурса» (Екатеринбург, 2020); Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: выдающиеся имена Герценовской русистики (к 125-летию Надежды Павловны Гринковой, к 120-летию Сергея Ивановича Ожегова и 90-летию Александра Владимировича Бондарко)» (Санкт-Петербург, 2021); в пятом международном молодежном конвенте «Трансформация реальности: стратегии и практики» (Екатеринбург, 2021), XXVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2021); международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2021, 2022, 2023). Содержание работы отражено в 17 публикациях, 3 из которых опубликована в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы соответствует поставленным задачам и соотносится с избранными аспектами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка цитируемой литературы.

Глава 1. Моделирование концептуальной метафоры *политика – это грязь*

Цель настоящей главы – дать описание фреймо-слотовой структуры концептуальной метафоры *политика – это грязь*.

Цель главы определяет решение следующих задач:

1. выявить теоретические основы структурной организации концептуальной метафоры;
2. провести анализ концептуальной метафоры *политика – это грязь* с точки зрения фреймо-слотовой организации области-источника;
3. провести анализ концептуальной метафоры *политика – это грязь* с точки зрения фреймо-слотовой организации области-мишени;
4. установить характер связей между фреймами области-источника и области-мишени.

1.1. Теоретические основы структурной организации концептуальной метафоры

Как мы указывали ранее, в основе теории концептуальной метафоры лежит идея взаимодействия между структурами знания. По мнению Дж. Лакоффа, М. Джонсона, метафора – «это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида. Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности» [Лакофф, Джонсон 2004: 27].

Концептуальные метафоры существуют одновременно в двух концептосферах. Область, из которой берутся определенные представления, называется областью-источником (source-domain); область, на которую переносятся представления из области-источника, называется областью-мишенью (target-domain) [Лакофф 2004: 158]. Эта продуктивная точка зрения получает широкое распространение у других когнитивистов, см.: [Baldauf 1997; Jäkel 1997; Kövecses 2002; Liebert 1992 и др.]. Эти две области или сферы получают в работах различные терминологические вариации, например: «Herkunftsbereich» («сфера происхождения») и «Zielbereich» («сфера-цель») [Liebert 1992]; «Ursprungsbereich» («исходная сфера») и «Zielbereich» («сфера-цель») [Jäkel 1997]; «Ausgangsbereich» («исходная сфера») и «Zielbereich» («сфера-цель») [Schippan 1994]; «bildspendendes

Feld» («поле, которое жертвует образ») и «bildempfangendes Feld» («принимающее образ поле») [Weinrich 1976]; «Ausgangsmetaphernfeld» («исходное метафорическое поле») и «Empfangsmetaphernfeld» («принимающее метафорическое поле») [Rigotti 1994] и др.

Когнитивисты аргументируют необходимость выделения этих сфер в силу их специфических особенностей. Так, ученые пишут, что по сравнению с областью-мишенью область-источник обычно интуитивно понятнее, конкретнее, известна через непосредственный физический опыт или сенсорный опыт – зрение, слух, осязание и пр., известна более детально, легче передается одним человеком другому [Ченки 2002: 352], «концептуальная сфера – это любая целостная организация опыта» [Kövecses 2002: 4]. Российская когнитивная наука из предложенных пользуется такими терминами, как: *сфера-источник*, *область-источник*, *сходная сфера*, *донорская зона*, с одной стороны, и *сфера-мишень*, *область-мишень*, *сфера-магнит*, *конечная сфера*, *реципиентная зона*, с другой.

По мнению А.П. Чудинова, «метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: ‘X – это Y’. Например, *Политическая деятельность – это Война...* Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: ‘X подобен Y’, *Политическая деятельность подобна Войне*» [Чудинов 2003: 64]. «Стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт» [Пименова 2004: 15], соединяет конечную и начальную сферы. Если связь между двумя сферами связана с метафорическим переосмыслением, то тогда реализуется метафорическая модель.

В дескрипторной теории, которая разработана А.Н. Барановым, процесс метафоры анализируется также как отображение элементов сферы источника в элементы сферы цели. Сфера источника и сфера цели понимаются как структурированные сферы знаний. Они описываются специальным метаязыком семантических дескрипторов – денотативных для сферы цели и сигнификативных для сферы источника человека, в целом составляя метафорическую модель (М-модель). «Метафорической моделью в данном случае оказываются однородные

сферы источника – однородные, с позиции опыта человека, и частично семантики» [Баранов 2004: 12].

Чтобы вскрыть когнитивный механизм, позволяющий человеку экономить мысленные усилия при передаче или усвоении нового знания, необходимо четко представлять модель передачи этих знаний.

Сложившееся представление о ментальной модели передачи знаний в когнитивной лингвистике находит свои истоки во фреймовой теории М. Минского.

Изложение этой теории можно найти в трудах двух известных американских ученых – М. Минского [Минский 1979] и Э. Гоффмана [Goffman 1974], благодаря которым термин *фрейм* прочно вошел в научный обиход. По мнению М. Минского, понятие *фрейм* должно учитываться при изучении визуального распознавания и представления знаний: модель фрейма знаний – это когнитивная модель человеческой памяти, и каждый фрейм связан с конкретными концепциями в памяти и информацией, полученной из реальности. С помощью фреймов можно понять визуальный образ, понять текст (семантический фрейм), рассуждения или действия (фрейм-сценарий), повествование (фрейм-рассказ) и т. д. [Минский 1979: 1–25]. «Суть данной теории заключается в том, что человек, сталкиваясь с новой ситуацией, действует на основании фрейма – структуры знания, основанной на стереотипной ситуации» [Пахомов, Ерофеева 2018: 56].

Следует отметить, что фреймовая теория организации знаний широко используется в исследованиях XXI века, о чем свидетельствуют многочисленные работы последних лет, выполненные в рамках данного подхода в различных сферах гуманитарного знания, см., например, работы: [Акулич 2002; Алиев 2003; Некрасов 2009; Озонова 2003; Рыскина 2004 и др.].

В когнитивной лингвистике фреймы широко используются для моделирования семантико-когнитивной структуры и отношений языковых единиц всех уровней, см. работы: [Бабина 2008; Баранов 2004, 2014; Болдырев 2004; Буренкова 2009; Жаботинская 1999; Караулов 1991; Куликова 2007; Никитин 2003; Чудинов 2001; Шейгал 2000 и др.].

Термин *фрейм* образован путем метафорической транспозиции значения английского слова *frame* (рус. *основа, рама, рамка*). «Фрейм структурирует не только сам объект (онтологическая функция фрейма), но и способ его восприятия

субъектом (гносеологическая функция фрейма)» [Морозова 2010: 269]. Фрейм может не только конструировать объекты с пространственными характеристиками, но и конструировать события с временным измерением, вызывая ассоциации с пространственными изображениями, «например: приветствие и прощание представляют собой темпоральную «рамку», отделяющую определенное коммуникативное событие от предшествующего и последующего» [там же].

Фрейм определяется как «структурированный фрагмент знания мира на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Никитин 2004: 62]. В то же время фрейм как средство, инструмент организации когнитивной структуры является «когнитивной моделью, передающей знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2004: 29], «тип взаимодействия между концептами, способ (форма) организации ментального пространства» [Тарасова 2004: 2].

Фрейм – это «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации» [Болдырев 2001: 36]. Структура фрейма характеризует не любое знание: фрейм является «моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания» [там же].

Для лингвиста важным свойством фрейма является организация когнитивного пространства. Умение строить фреймы или структурировать представления о функционировании мира и устройстве во всем многообразии аспектов является одной из когнитивных способностей человека [Fauconnier, Sweetser 1996: 5].

Если мы понимаем когнитивный фрейм как «шаблонное» обобщенное знание о множестве конкретных объектов и ситуаций в человеческой памяти, которое «накладывается» на полученную информацию, а затем структурируется, то в этом случае фрейм сопоставим с понятиями схемы [Bartlett 1932] и скрипта [Schank, Abelson 1977].

Как отмечает Е.В. Лукашевич, «в научных описаниях фреймовая структура чаще представлена иерархически: вглубь от верхних уровней к нижним, глубинным уровням, а концепт изображается больше в виде полевой модели с ядром и периферией» [Лукашевич 2002: 71].

Как сложная система, фрейм на самом деле представляет собой концептуальную иерархию. «Фрейм изображается ученым в виде условной сети, в состав которой входят узлы и связи между ними. Выделяются верхние узлы (слоты), значение и понятие которых всегда четко определено и справедливо для референтной ситуации, и терминальные узлы (терминалы), заполняющиеся частными знаниями в зависимости от условий и компонентов ситуации» [Александрова 2018: 12–13]. Слоты – это атрибуты, связанные с узлами в системе, основанной на фреймах. Слоты, входящие в этот верхний уровень, имеют, как правило, низкую степень образности и высокую степень абстракции. Каждый слот может иметь один или несколько связанных с ним процессов, и эти процессы выполняются при изменении значения слота, см.: [Капусткина 2011; Самарин 2012].

1.2. Когнитивная метафора *политика* – это *грязь*: фреймо-слотовая организация области-источника

В нашем исследовании донорская база метафоры относится к миру неживой природы – это вещественное существительное *грязь*. Лексико-грамматический класс вещественных существительных (наряду с конкретными, собирательными и абстрактными) обозначает вещество, или однородную материальную субстанцию, которая обладает особым свойством: «“Разложить на части” можно всё, кроме самого вещества – носителя наиболее важных качественных признаков любого объекта» [Калинина 2009: 244]. Ученые отмечают парадоксальность значения вещественности, которое может развивать переносные значения. Метафоризация «происходит в результате выхода на первый план одной из сем, называющих характерный признак вещества. Этот признак затем субстантивируется и становится символом абстрактного понятия» [Соколова 2016: 85]. Кроме того, в семной структуре вещественного существительного «присутствуют семы, потенциально сообщающие веществу оценочное значение» [там же].

Обратимся к данным толковых словарей, которые являются основой при построении фреймо-слотовой структуры донорской базы. В современном русском языке лексема *грязь* имеет следующие прямые вещественные значения.

Грязь – «1. Размякшая от воды почва. 2. То, что пачкает, грязнит» [ТСРЯ 2008: 175].

Грязь – «1. *только ед.* Разрыхленная, размякшая от воды земля, почва; слякоть. 2. *только мн.* Озерный или лиманный ил как лечебное средство. Лечиться грязями. Принимать грязи. || Лечение этим средством. || Место, где лечатся грязями. 3. *только мн.* Топкие места, топи (*обл.*). 4. *только ед.* Нечистота, то, что пачкает. || Сор, отбросы» [ТСУ. Т.1: 632].

Грязь – «1. Размякшая от воды земля, почва; слякоть. 2. *мн. ч.* Морской или озерный ил как лечебное средство. || Место, где лечатся этим средством. 3. Нечистота, пыль, сор» [МАС. Т.1 : 354].

Современное толкование совпадает с дефиницией слова в словаре Даля: «Размокшая почва, земля с водою; слякоть или мокредь по земле; нечистота, прилипшая к вещи; пыль; нечисть» [ТСЖВЯ Т.1: 997].

Концептуальная сфера донорской базы упорядочена при помощи фрейм-слотовой структуры, включающей 3 фрейма, каждый из которых формируется слотовыми конкретизаторами.

Фрейм «Консистенция грязи»

В данном фрейме можно выделить 3 слота, которые характеризуют разные агрегатные состояния грязи.

Слот 1. «Грязь как жидкость»

Жидкое состояние грязи передается за счет сочетаемостных свойств существительного *грязь* с глаголами *лить* и его производными, см. толкование глагола *лить*: «Заставлять вытекать, течь **какую-л. жидкость**» [МАС. Т.2: 254].
Например:

*Государственные средства массовой информации день и ночь **льют грязь** на российское руководство, а силовики «сдают» бывших защитников Приднестровья молдавским спецслужбам!* (Патриот; 17.11.2011);

*Зато теперь, когда потоком **льют грязь** на наше прошлое, без конца упоминая пакт Молотова-Риббентропа, о Мюнхене вообще не вспоминают* (Красная звезда; 21.03.2007);

*Выносить сор из избы военные не любят, а сами проворовавшиеся широколампасники, когда об их делишках начинали писать газеты, тут же громко кричали: «Опять **льют грязь** на армию!»* (Московский комсомолец; 30.11.2000);

*Видимо, и нам стоит принимать подобные же меры в отношении некоторых украинских политиков, которые постоянно **льют грязь** на Россию (Комсомольская правда; 13.05.2008);*

*За телепокаяниями, как мы помним, в 70-х следовала широкая пропагандистская кампания: вот, даже те, кто еще вчера **лил грязь** на достижения великой советской державы, осознали – это из телепрограмм тех лет (Новая газета; 21.05.2001).*

Толкование глагола *литься*: «1. Течь **струей**» [ТСРЯ 2008: 410].

*Мы это уже наблюдали в 1990-х годах, когда не без участия иностранных агентов на Российскую армию потоками **лилась грязь** (Красная звезда; 01.03.2017);*

*И снова **льется грязь** на коммунистов-депутатов, хотя они не имеют никаких льгот и преимуществ по сравнению с депутатами других фракций. Рабочая трибуна (Москва; 16.10.1998).*

Толкование глагола *полить* // несов. *поливать*: «1. Начать **лить**» [ТСРЯ 2008: 687].

*Когда с политиком трудно спорить, его **поливают грязью**. И чем труднее спорить, тем сильнее будет поток грязи (Новая газета; 20.12.2001);*

*Параллельно с этим в Корякии в лучших предвыборных традициях появилась свежезарегистрированная за пределами округа газета, призванная **поливать грязью** губернаторское окружение и восхвалять неутомимого борца с коррупцией Чуева (Новая газета; 11.03.2004);*

*Интересно совсем другое: зачем Доренко понадобилось **поливать грязью** Примакова и подвязывать к этому Лужкова? (Московский комсомолец; 08.10.2001);*

*Большие десятилетия СМИ, иные политики **грязью поливали** человека в погонах, понижая престиж, унижая его достоинства, а власти посадили офицерский корпус на голодный паек (Российская Федерация. Сегодня; 26.07.2004);*

*Тут, правда, и Ельцин догадался, что лишку хватил: ладно, говорит, вы парни крутые, вас мы не тронем, если, конечно, из своих телерадиопечатных орудий вы нашу новую политику **грязью поливать не станете** (Московский комсомолец; 15.06.1998);*

Толкование глагола *облить* // несов. *обливать*: «1. Обдать, покрыть со всех сторон или сверху **чем-н жидким**» [ТСРЯ 2008: 538]:

Еще один результат выборов – поражение Партии демократического социализма. До сих пор ПДС на всех выборах только набирала голоса. Эту партию обливали грязью, о ней отказывались писать в прессе, ее пытались изолировать, а число ее сторонников только росло (Новая газета; 26.09.2002);

*Почти уверен, что и сейчас недруги Немцова будут двигать в том числе и «денежную версию». К примеру, вспомнят «дело СПС» о якобы краже средств на избирательную кампанию партии, где Немцов был одним из руководителей. Но еще скорее найдут «руку госдепа», которая направляла руку убийц в Москве через Украину, куда Немцов в последнее время часто ездил. **Не стоит обливать политика грязью сразу после его гибели** (Комсомольская правда; 28.02.2015).*

Толкование глагола *вылить*: см. *лить* [ТСРЯ 2008: 151].

*Помните, сколько **грязи было вылито** на Юрия Лужкова, когда он осмелился покритиковать американские куриные окорочка, распухшие от анаболиков?* (Московский комсомолец; 26.09.2002);

*Можно говорить о банальной попытке в выборный год дискредитировать власть, **вылить** как можно больше **грязи*** (Известия; 03.11.2011);

*Таких хлебом не корми, дай только возможность **вылить** на мэра побольше **грязи*** (Новая газета; 14.05.2001).

Толкование глагола *вылиться*: «1. **О жидкости**: выйти наружу» [ТСРЯ 2008: 131].

*Из политиков наибольший урон помимо Чубайса и Немцова был нанесен лидеру «Яблока» Григорию Явлинскому, что для либеральной оппозиции особенно плохо. Наконец, нетрудно предположить, что скандал уже поднадоел и президенту: слишком много **грязи вылилось** и с экранов телевизоров, и с газетных страниц – пожилому и не очень здоровому человеку это вряд ли по вкусу: и так все болит, а тут его еще дрязгами на части раздергивают* (Новая газета Понедельник; 08.12.1997);

*Сколько тогда в Европе **вылилось грязи** на Россию* (Комсомольская правда; 05.03.2018).

Помимо глаголов *лечь, лечь, полить, облить, вылить, вылиться*, есть и другие глаголы, которые также указывают на грязь как жидкость, например, *купаться* – «погружаться **в воду** (для смывания, освежения)» [ТСРЯ 2007: 390]:

*Любое снижение планки, любое снижение морали и правил пупл будет хавать, но тогда в один прекрасный момент мы обнаружим себя просто **в грязи купающимися**, как свиньи, и будем хавать друг друга вместе с грязью, и ниже опуститься уже будет нельзя* (Новая газета; 21.11.2014);

*Грязные приемы, сопровождающиеся обвинениями в адрес оппонентов, в том, что именно они **купаются в грязи**, в течение многих лет были отличительной особенностью Клинтонов* (Коммерсантъ; 26.02.2007);

*Почему же никто из чиновников не сидит в одной клетке с Ходорковским и Лебедевым, почему покровителям и пособникам подсудимых предоставляется возможность **купаться в грязи** и выходить из нее чистенькими, словно из Сандуновских бань?* (Арсеньевские Вести (Владивосток); 25.11.2004).

В жидкой политической грязи можно *барахтаться*, т. е. «делать беспорядочные движения, лёжа или находясь **в воде**» [ТСРЯ 2008: 30]:

*Надеемся, они окажутся полезны тем, кто, осознавая, что политика – это грязь, все же желает **в этой грязи** немного **побарахтаться*** (Со-Общение; 15.03.2000);

*Он прибыл в Москву в самый пик очередного раунда властных разборок, когда вся наша политическая элита с каким-то сладострастием **барахтается в грязи** взаимных обвинений в коррупции, измене, подготовке убийств, переворотов и еще чего-то* (Красная звезда; 19.09.1996);

*В. Матвиенко о выборах на пост губернатора: Я не особенно ждала подмоги со стороны, сама **барахталась в грязи**, которую старательно **лили** на мою голову* (Итоги; 24.05.2010);

*Гусинский играл по этим правилам, балансируя на компромиссах и срываясь в политические игры. Он был бизнесмен — и хотел зарабатывать деньги. В России для этого надо вертеться возле власти — то есть ежеминутно **барахтаться в грязи*** (Континент; 15.01.2003).

На жидкое состояние грязи указывает сочетаемость с глаголом *макать* – «Опускать во что-н. **жидкое**» [ТСРЯ 2008: 425] и *топить / утопить* – «Бросая,

погружая **в воду**, уничтожать» [там же: 990]:

*Как отнестись ко всем этим заказным публикациям, **макающим в грязь** чистых и хороших кандидатов?* (Арсеньевские Вести; 13.12.2001);

*За что **купают-макают в грязь** на страницах газеты депутатов?* (Город (Таганрог); 20.09.1997);

*Журналисты делают все возможное и невозможное, чтобы **утопить в политической грязи** кандидата от партии «Единая Россия» Галушкина В. И. как потенциального лидера предвыборной кампании* (Волгоградская правда; 12.05.2007).

Жидкой грязью можно *мазать*, т. е. «покрывать слоем чего-н **жидкого** или жирного» [ТСРЯ 2008: 424]:

*«Крики о том, что мы подали 100 жалоб, а суд закрыл на них глаза, подрывают доверие ко всей власти, – считает депутат Госдумы, единоросс Александр Сидякин. – Критиковать должно иметь право профессиональное сообщество, давшее моральное обязательство **не мазать грязью** избирательную систему. От этого выиграет общество: чем выше доверие – тем крепче власть»* (Московский Комсомолец; 17.04.2014);

*Почти все отрицательные новости, которые сегодня **мажут грязью** власть, заявил Жвачкин, идут из-за рубежа* (Независимая газета; 23.04.2020);

*Обличений не было, а Боровой просто честно отработывал общую установку: **мазать грязью** Думу* (Советская Россия; 16.10.1997).

Помимо глаголов, на жидкое состояние грязи указывает и сочетаемость с прилагательным *густой*, см. толкование прилагательного *густой* – «2. **О жидком**: с ослабленной текучестью, насыщенный чем-н.» [ТСРЯ 2008: 177].

*Однако проблема в том, что отсутствие нижнего порога на вылизанном крыльце европейской демократии и то же самое в условиях нашего политического климата – совсем не одно и то же. Здесь можно так оступиться, что в лучшем случае **полетишь** лицом **в густую грязь*** (Российская газета; 14.11.2006);

*Никого не должны удивлять яростные нападки Доренко на «семью» Лужкова, ведь он всего-навсего цепной пес Березовского и готов пойти во все тяжкие, чтобы **облить густой грязью** московского мэра и его команду* (Советская Россия; 12.10.1999);

Думские коммунисты, правда, настаивают на пятидневном сроке, но избиркомовцы считают, что это может привести к пиаровскому беспределу – чувствуя свою «пятидневную безнаказанность», соперники в это время начнут поливать друг друга густой грязью (Московский комсомолец; 26.10.2001).

Слот 2. «Грязь как твёрдое вещество»

Твёрдое состояние грязи передается за счет активной сочетаемости существительного *грязь* с глаголом *швырять*, см. толкование глагола *швырять* // однокр. *швырнуть*: «С силой бросать» [ТСРЯ 2008: 1104], т. е. заставить или дать полететь, выпустив из рук нечто твердое, например: *швырять камни, снежки* и др.

В полемическом угаре иные коллеги–журналисты пытаются швырнуть грязью в тех, кто непосредственно исполнял политические планы, замыслы и установки (Красная звезда; 25.01.1996);

Как антикоммунист стопроцентный, г-н Сорокин прямо-таки трясётся от желания швырнуть грязь в Маркса и Энгельса (Патриот; 06.07.2004);

Наконец, лидеру блока «Медведь» удалось удержаться в рамках приличий и не дать втянуть себя в популярную сегодня предвыборную игру под названием «швырни грязью в соперника» (Рабочая трибуна; 09.12.1999).

Помимо глаголов *швырять* / *швырнуть*, выявить твёрдое состояние грязи помогают менее частотные глаголы *бросать* – «Выпустив из рук, заставить или дать полететь и упасть» [ТСРЯ 2008: 62] / *кидать* – «То же, что бросить» [там же: 333]:

Это – депутаты Госдумы Лев Рохлин, боевой генерал, отказавшийся получать орден из рук ЕБН, смелый, деятельный человек и Татьяна Астраханкина, умная, честная, обаятельная женщина, в которую не посмел бросить грязь даже бульварный проельцинский «МК» (Дуэль; 14.04.1998);

Александр Андреевич, как же вас, православного патриота, угораздило взять интервью у олигарха? ...Не боитесь, пропагандируя Ходорковского, скомпрометировать газету и все патриотическое движение? – Она уже давно скомпрометирована. В нее кидали грязь, расстреливали из автоматов ельцинисты (Комсомольская правда; 12.09.2005).

Усиливает значение твердого состояния грязи указание на возможное представление грязи в виде кома, т. е. ‘уплотненного округлого куска’ [ТСРЯ 2008: 352], например:

*Вы походя **бросили ком грязи** в вашего деда, политука советской армии* (Вечерняя Москва; 30.11.2006);

*Я не собираюсь **кидаться** в «Справедливую Россию» **комьями грязи**, я ее критикую абсолютно содержательно* (Московский Комсомолец; 31.10.2013);

*Коммунисты, отсиживавшиеся в кустах в то время, пока главные соперники кидались друг в друга **комьями грязи**, вполне могут получить голосов не меньше (если не больше), чем на прошлых выборах* (Коммерсантъ-Власть; 03.12.2007).

Слот 3. «Грязь как вязкое вещество»

Грязь в исследуемом материале может быть представлена как вязкое, тягучее вещество, поскольку в грязь человека можно *втоптать*: «Топча, вдавить» [ТСРЯ 2008: 122] → *вдавить*: «Давя, заставить углубиться, вогнать вовнутрь» [там же: 76]:

*О причинах прихода в политику говорил так: мы не имеем права сидеть и ждать, пока нас кто-то **будет втоптывать в грязь*** (Новая газета; 31.07.2003).

Близко по семантике и значение глагола *затоптать*: «1. Топча, заровнять или вдавить во что-н.» [ТСРЯ 2008: 269]:

*Вчерашний пропагандистский тезис об «империи зла» остаётся актуальным и сегодня. Только давно уже чернят не советский коммунизм – **затаптывают в грязь** Россию* (Газета «Слово»; 22.05.2009);

*Ветераны войны и труда нашего района 23 марта 1997 года единогласно избрали В.А. Стародубцева губернатором, мы верим ему и никому не дадим **затоптать в грязь** честное имя Василия Александровича* (Тульские известия; 08.07.1999).

Глагол *вылепить* (см.: *лепить* – «Изготавливать или сооружать из мягкого пластического материала» [ТСРЯ 2008: 403]) и производное существительное *вылепливание* указывает на грязь как на мягкий, клейкий материал, из которого создается объект-артефакт:

*Фальшивкой, подделкой является и та псевдооппозиция, **вылепливанием** которой из всякого рода **политической грязицы**, скрепляемой слюной финансовых*

вливаний, власть неутомимо, хотя, по сути, безрезультатно, занимается с целью украшения своего якобы демократического фасада – начиная с создания ЛДПР во главе с политическим клоуном Жириновским, а потом – «Родины» (Правда; 25.08.2006).

На агрегатное состояние вязкости грязи может указывать и семантика глагола *прилипнуть*, в значении которого выделяется сема специализированного субъекта или объекта: «Крепко пристать (о чём-н липким или к чему-н. липкому)» [ТСРЯ 2008: 733]:

Вывод прост: пока больше всего шансов у меня, поскольку окружающая меня как политика грязь ко мне не прилипает (Коммерсантъ; 09.09.1997);

Собчак считал, что политику, коим он стал пусть и случайно, волею судеб, негоже уходить в сторону от власти и от борьбы за власть – это его профессиональная, если хотите, функция. При этом неизбежно прилипает грязь, от политики неотделимая? Разумеется. Но надо, говорил Анатолий Александрович, показать, что мы умеем не только говорить, но и что-то делать (Российская газета; 16.08.2007).

Обобщим количественную характеристику материала, заполнившего первый фрейм «Консистенция грязи» в табл. 1.

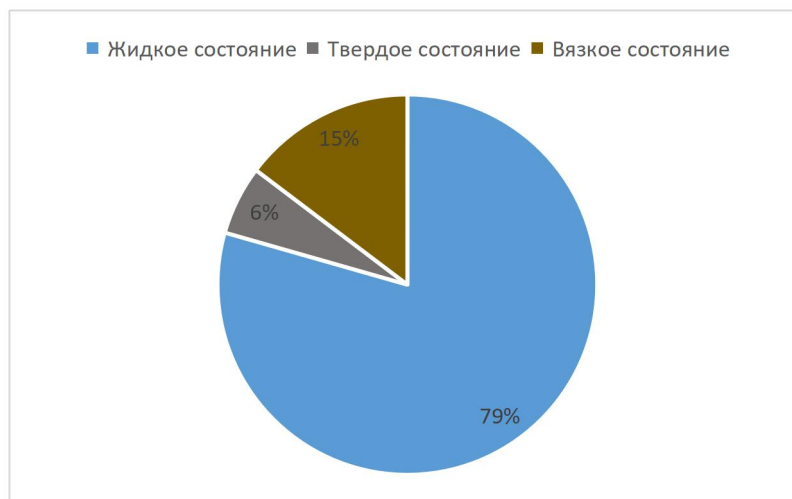

Таблица 1. Консистенция грязи

Процентное соотношение контекстов, вербализующих разное агрегатное состояние грязи, показывает, что из трех состояний наибольшая доля приходится на грязь как жидкость (79%), грязь как вязкое вещество представлена в 15% контекстов, грязь как твердое вещество в 6%.

Фрейм «Перцептивная характеристика грязи»

С психологической точки зрения, восприятие (перцепция) – это процесс отражения предметов, ситуаций и явлений реального мира в их целостности. Этот процесс происходит с помощью органов чувств, которые участвуют в формировании общего образа (предметов, действий, явлений). Лингвистические исследования, посвященные чувственному восприятию, объединяются в особую ветвь изучения языка перцепции, называемую лингвосенсорикой [Харченко 2012] или лингвистической перцептологией [Мещерякова 2011].

Традиционно выделяют пять видов восприятия в соответствии с ведущим анализатором, участвующим в построении перцептивного образа (по модальности восприятия): визуальное; аудиальное; осязательное (тактильное); вкусовое; обонятельное осознание.

Слот 1. «Хроматологическая (зрительная) перцепция грязи»

Грязь обычно бывает черного цвета:

*Г-н Бастрыкин в своем письме измазал **черной грязью**, по сути, всех депутатов Госдумы (Наша Версия (Москва); 23.11.2009);*

*Это все подлые СМИ. Освещают как попало, льют **черную грязь** на белые одежды нашей совместной борьбы за счастливое будущее человечества. Так, во всяком случае, сказал недавно Сергей Лавров. У нас, у политиков, дескать, все хорошо, разногласий нет, а вот журналисты пишут неправильно. Сеют раздор, ухудшают отношения (Независимая газета; 27.02.2007);*

*Присосались к экрану / Старики и молодежь / Им теперь по всем программам / Что захочешь, то вольешь / **Черной грязью** поливают / Имя Родины моей / Разобцают, растлевают / Наших внуков и детей (Советская Россия; 12.08.2004);*

*Послушные слуги коварных программ / Вредить очень дружно пытаются нам / И льет на Грудинина «желтая» мразь / Свою ядовитую **черную грязь** (Советская Россия; 05.12.2019).*

Черный цвет грязи может быть представлен оттенками:

На исходе XX века, казалось, несокрушимая энергия России была передана клоунами политики, погашена и залита наводнением придуманных реформ; возник устойчивый запах гнили; круто затормозилось общественное развитие, перерождаясь в клубное шоу; культура ужасает своим падением,

пошлостью, **фиолетово-черной грязью**, пахнувшей общественным туалетом (Советская Россия; 28.08.1999).

Кроме чёрного цвета, грязь бывает желтого цвета:

Не люблю бульварной прессы, а пуще – таких газет, которые одной ногой стоят в «жёлтой» грязи, а другой – на благопристойной общественно-политической тверди и тем самым как бы размывают границу между двумя сферами, решительно несовместными (Новая новгородская газета; 01.05.2013);

Мол, уж если Путина начали, не дожидаясь его ухода, валять в «желтой грязи», то что ждет всех остальных чиновников? (Мир новостей; 15.04.2008);

«Обо мне говорили всякое, поливали и черной, и желтой грязью. Наверное, это типичная доля всякого иммигранта», – говорит Светлана Аллилуева, дочь Сталина (Труд; 06.11.2001).

Заключенное в кавычки прилагательное *желтый* указывает на метонимическое употребление данной цветовой характеристики, поскольку в вышеуказанных контекстах речь идет об одной из разновидностей современной прессы – таблоидной, (бульварной, *желтой*): *желтая грязь* – это грязь желтой прессы. Основными параметрами таблоида являются резкое сужение содержательной тематики («сенсации, сплетни, скандалы из личной жизни известных людей» [Лозовский 2007: 65]), нарушение этических и этикетных норм. «Маркирующей тональностью таблоидной прессы можно назвать тональность фамильярности, которая посягает на неприкосновенность личности, стимулирует общение на сокращенной социальной и психологической дистанции между партнерами помимо воли собеседника» [Смирнова М.П. 2009: 7].

Речеповеденческая модель подобных публикаций охарактеризована как грязная, она может быть присуща российской периодике в целом и представлять «рассеянное множество высказываний» [Серио 1999] в дискурсивном пространстве прессы. Поэтому метонимическая цветовая атрибуция грязи как желтой ассоциативно отсылает к негативному восприятию этого цветового оттенка.

Жидкая грязь получает свою цветовую характеристику через прилагательное *мутный*: «1. О жидкости: непрозрачный, нечистый» [ТСРЯ 2008: 467].

Тем, кто благодаря неэффективной работе законодательного органа государства и мутной грязи в действующем законодательстве сколачивает свои

капиталы, разворовывая Россию и ее богатства, созданные трудом многих поколений трудового народа (Экономическая газета; 14.08.2001);

Из телеэкрана льют потоки мутной грязи и лжи на всенародно избранного многонациональным народом Калмыкии Президента Кирсана Илюмжинова (Известия Калмыкии; 16.10.2002).

Слот 2. «Ольфакторная перцепция грязи»

Запах как перцептивное свойство присущ всем предметам реального мира и выступает в качестве одной из важных характеристик этих объектов. «В то время как большинство перцептивных признаков непосредственно связаны со своими носителями (цвет, форма, вкус), запах представляет собой летучую субстанцию, фактически существующую отдельно от своего источника. Иными словами, запах наименее объектен по сравнению со всеми остальными воспринимаемыми качествами предметов» [Павлова 2006: 33].

В ходе научных исследований запахи были разбиты на пять функциональных групп: цивилизация (искусственные запахи повседневной среды), природа (запахи естественной среды); человеческие запахи; пища и напитки; иные запахи [Шаал, Руби и др. 2003: 91].

Запах грязи, с одной стороны, привязывает человека к природе, см., например: *Он чувствовал все запахи земли — запах грязи, опавших листьев, речной тины* (Вокруг света; 15.02.1993); *Я был по-настоящему счастлив, когда почувствовал запахи Земли: травы, воды, даже запах грязи радовал* (Ежедневные новости–Подмосковье; 18.01.2011); *Мы с мамой двигались по бескрайней равнине, пропитанной запахом грязи и нескошенной ржи* (Наша Пенза; 23.06.2011).

С другой стороны, «запахи принадлежат к природному и социальному мирам одновременно» [Леви-Стросс 2000: 163], обозначают границу, отделяющую его от природы, подчеркивая его социальность. Запахи, которые рассматриваются в сфере естественнонаучного знания, являются и частью социальных наук.

Таким амбивалентным является и запах грязи. Одновременно это и природный запах (контекстный материал показывает, что обычно этот запах приближается к запаху земли), и в то же время социальный, так как грязь – это «то, что пачкает, грязнит» (2-е прямое значение лексемы) какие-либо социальные

одушевленные и неодушевленные объекты: человека, предметы окружающего повседневного быта, помещения и др.

Какую перцептивную характеристику обычно получает грязь социального характера? Опираясь на контекстный материал, мы выявили наиболее частотные характеристики: *затхлый запах грязи, перегара и сигарет доносился из квартиры; Неизменный запах грязи, пахнувшей гнилыми арбузными корками, отчаянной кислотой бьет мне в нос; Невыносимый запах грязи и старых вещей, противный запах грязи и нищеты*. Обоняние – это «чувство, рассчитанное на меньшее расстояние по сравнению со зрением и слухом» [Зиммель 2003: 32], поэтому для человека более значимы те запахи, которые находятся в непосредственной близости от него, – запахи помещений, где живет человек, окружающих предметов быта, запах продуктов питания и др., т. е. так называемые «малые запахи» (Зиммель).

Запах грязи обычно характеризуется с помощью прилагательных сенсорно-чувственной оценки [Васильев 2000: 101]: эти оценки возникают в нашем сознании при восприятии чего-либо органами чувств, ориентируют человека в природной и социальной среде [Арутюнова 1988: 84–92]. Запах грязи может быть *едким* ‘резким, вызывающим раздражение’; *резким* ‘чересчур сильным’; *застоявшимся* ‘испортившимся от долгого пребывания в неподвижности’; *тошнотворным* ‘вызывающим тошноту’.

Наиболее типичным запахом, связанным с грязью в политике, является вонь, зловоние, см. толкование лексемы *вонь*: «Отвратительный запах, зловоние» [ТСРЯ 2008: 109] и *вонючий*: «(разг.) Издающий вонь» [там же]:

Так, например, со сладострастием развел вонючую грязь в «МК» и на ТВЦ (кстати, уже давно), но не взял в голову, что она может быть использована как образчик для подражания хотя бы одним общероссийским телеканалом; беззаветно навалился на кремлевскую Семью, запоматовав, что у самого есть Семья, да еще какая, и т. д. В общем, Лужков изнежил, расслабился, потерял форму (Неприкосновенный запас; 15.01.2000);

Наши демократы вываливают на всеобщее обозрение, не смущаясь тем, как в такой ситуации выглядят они сами и их господин. А впечатление такое, что

*Чубайс, как жирный боров, ворочается в **вонючей грязи** кремлевских политических интриг и хрюкает от удовольствия (Липецкие известия; 16.02.2000);*

*Но Некляев не вернулся ни через месяц, ни через два, вылив за это время на своих защитников, покровителей, друзей и президента не один ушат **вонючей грязи** (Завтра; 14.03.2000).*

См. также другие неприятные запахи:

***Запахло грязью:** скоро выборы. Вот почему страницы самых бойких газет становятся как бы липкими и начинают **дурно припахивать**. Газеты предвкушают большую **грязь** и большие деньги предвыборных разборок (Новый Компаньон; 17.03.1999);*

*Культура ужасает своим падением, пошлостью, фиолетово-черной **грязью**, пахнувшей общественным туалетом (Советская Россия; 28.08.1999);*

*Только теперь, чтобы отделить ельцинского продолжателя от **зловонной грязи**, которая навсегда прилипла к имени первого президента, Путина преподносят нам как нечто таинственное и вместе с тем многообещающее (Правда; 23.03.2000);*

*Но впечатление, что и уши залиты воском, а ноздри заткнуты ватой – иначе как объяснить, что правосудие так равнодушно воспринимает свидетельскую ложь и так равнодушно к **дурным запахам грязи**, разлитой у ее ног? (Вечерняя Москва; 23.08.1997);*

*В минувшую предвыборную кампанию брянский электорат чуть не задохнулся от **миазмов грязи** и лжи в адрес губернатора (Парламентская газета; 11.07.2001).*

См.: *миазмы* (устар.) – «Гнилостные испарения, запахи» [ТСРЯ 2008: 446].

Иногда в высказывании нет характеристики запаха грязи, но с помощью контекстного окружения осуществляется наведение семы отрицательной оценки запаха: *Такие вот запахи в московском метро в последние годы. **Запахи грязи и коррупции**. Поэтому и примешиваются к ним так часто **запахи крови и беды**. Светлая память невинно убиенным в терактах в московском метро (Деловой Петербург; 02.04.2010).*

Слот 3. «Глюттотонимическая (вкусовая) перцепция грязи»

Грязь идентифицируется в контекстах как пища, употребление которой способствует формированию нечестного человека, способного на безнравственные поступки.

*Кроме того, вероятно, г-н Несис **наелся столько грязи**, сертифицируя свои вагоны, и научился такому количеству административных кунистюков, что, изучив все тонкости мучившего его гигантского механизма по производству сертификаций, он решил попользоваться этот механизм хоть немного себе на пользу* (Новая газета; 13.08.2014);

*Замечено, что вы не любите журналистов. Почему? – Не люблю сереньких, бездарненьких, которые не уважают людей, врут и **питаются грязью*** (Аргументы и факты; 03.12.1996);

*Если выборы скоро – не стоит идти в правительство; за год сделать толком ничего не успеешь, а **грязи нахлебаешься*** (Московский комсомолец; 31.03.2000);

*И теперь господину Городницкому на восьмом десятке лет, возможно, придется **выхлебать политической грязи** куда больше, чем он выпил спирту в своих многочисленных геофизических экспедициях* (Версия в Питере; 06.10.2003);

*Любое снижение планки, любое снижение морали и правил пипл будет хавать, но тогда в один прекрасный момент мы обнаружим себя просто в грязи купающимися, как свиньи, и **будем хавать друг друга вместе с грязью**, и ниже опуститься уже будет нельзя* (Новая газета; 21.11.2014).

Грязь представляет собой несъедобную ядовитую пищу, имеющую свойственный ей неприятный вкус:

*Единственное, что могу сказать точно, они оставили **стойкое послевкусие политической грязи** и бьющего все рекорды лицемерия* (Вечерняя Москва; 20.01.2016);

*Послушные слуги коварных программ / Вредить очень дружно пытаются нам / И льет на Грудинина «желтая» мразь / Свою **ядовитую черную грязь*** (Советская Россия; 05.12.2019).

См.: *ядовитый* – «Являющийся ядом (в 1 знач.), отравляющий» [ТСРЯ 2008: 1134] → *яд* – «1. Вещество, вызывающее отравление» [там же].

Слот 4. «Аудиальная перцепция грязи»

Слуховой канал в нашем материале практически не задействован и представлен единичными примерами:

*Итак, начнут в Калининградской области охмуриж с массирующей кампанией, в ходе которой нам подробно расскажут, как нам плохо жить, и жить плохо только потому, что мы слишком тесно связаны с Россией, которая не понимает наших растущих европейских запросов. Когда вокруг нас останется только **шипящая зловонная грязь**, придут разнообразные благотворители (Хроники Амбера (Советск); 10.03.2005)*

*Если даже попытаться стереть с лица Родины глубоко, со знанием дела вьезиющую и **чавкающую грязь**, именуемую «демократией», то по морщинам и слезам прорежется не святая послевоенная клятва памяти героев, а президентская универсальная инструкция по конспирации беспредельщиков и изуверов: «не имеет лица, национальной и конфессиональной принадлежности» (Патриот; 03.05.2005).*

Слот 5. «Осязательная (тактильная) перцепция грязи»

К тактильным характеристикам относятся сенсорные ощущения температурного режима, давления, сухости–влажности, шероховатости и др. Кроме того, к сфере тактильных переживаний относятся и болевые ощущения. Все тактильные ощущения составляют предмет гаптики, научной области, которая исследует физический и физиологический процесс тактильного восприятия [Human haptic perception... 2008: 15–39].

Если оценивать собранные нами контексты с точки зрения тактильной характеристики, то мы может сказать, что языковые средства передачи информации о тактильно воспринимаемых характеристиках анализируемого объекта, представлены разными частями речи. Прямым языковым средством выражения тактильного восприятия являются гаптические прилагательные, которые должны характеризовать объективные физические характеристики объекта (температуру, влажность, мягкость, текстуру поверхности). Нам встретилось одно тактильное прилагательное *липкий*, характеризующее вязкое состояние грязи – «Легко прилипающий, покрытый чем-н. липнущим, клейкий» [ТСРЯ 2008: 409], которое входит в пятьдесят наиболее релевантных

характеристик гаптических прилагательных [Лексика и сценарии тактильного восприятия... 2019: 53]:

Западные газеты полны клеветы и мерзости, обрушивают на Путина водопады липкой грязи (Известия; 09.09.2014);

Какие они, к черту, политики, если не понимают ее простейших правил? Они тут же будут измазаны липкой грязью (Московский Комсомолец; 14.08.2012).

В русском языке учеными отмечается относительная бедность собственно предикативных лексем, обслуживающих ситуацию тактильного восприятия. «Глаголы семантического поля тактильного восприятия обладают смысловым набором, свойственным лексике других полей, маркируя динамику процессов семантической деривации, которая связана с обозначением зрительного, слухового восприятия, ментальных процессов» [Борейко 2006: 6].

При восприятии природных объектов принято различать пассивное осязание – всей кожной поверхностью и активное осязание – рукой. В анализируемом материале для обозначения ситуации пассивного тактильного восприятия используются глаголы перемещения по поверхности, в семной структуре которых выделяются смысловые компоненты движения, а именно давления на объект – глаголы *вдавливать*, *месить*, которые идентифицируют объект с легко деформирующей поверхностью, глагол *вязнуть* – ‘входить в тесное соприкосновение с тем, что мешает свободному перемещению’. Эти же глаголы эксплицируют одно из агрегатных состояний грязи – вязкое состояние:

Идет поиск «болевых точек» в государственной политике, перестраивается и усиливается пропагандистская работа, месится грязь несправедливых обвинений (Орловская правда; 10.04.2007);

*Иногда всё обходилось достаточно скромно, просто выдёргивались слова и фразы из контекста и из них формировалась негативная сторона **вдавливаемого в грязь** оппонента, а иногда буквально за уши притягивалось всё, что только можно было использовать, – слухи, домыслы. Речь идет о своеобразном аналоге инсценировки покушения на кандидата, только в отличие от нее здесь речь идет об угрозе не жизни, а имиджу **политика*** (Взгляд (Саратов); 24.11.2011).

*И в то же время, пока курские чиновники «жируют» и творят, что хотят, делая всё для себя любимых, наша область всё сильнее **вязнет в грязи** и коррупции, во вранье и приписках. Такая **политика** приведет к полнейшему обнищанию народа, окончательному развалу промышленности и безвозвратному скатыванию Курской области на самые низкие позиции в Центрально-Черноземном регионе! (Друг для друга (Курск); 27.04.2010).*

Косвенно глаголы, указывающие на жидкое состояние грязи – *лить / полить / вылить*, а также *купаться, барахтаться*, обозначают и мокрое состояние объекта, поскольку признаки сырости и влажности относятся к тактильным характеристикам.

Обобщим количественную характеристику материала, заполнившего второй фрейм «Перцептивная характеристика грязи» в табл. 2.

Процентное соотношение контекстов, вербализующих разные перцептивные характеристики грязи, показывает, что из пяти характеристик наибольшая доля приходится на осязательную (тактильную) перцепцию грязи (38%), ольфакторная перцепция грязи представлена в 25% контекстов, хроматологическая (зрительная) перцепция грязи – в 24%, глоттонимическая (вкусовая) перцепция грязи в 10%, аудиальная перцепция грязи – в 3%.

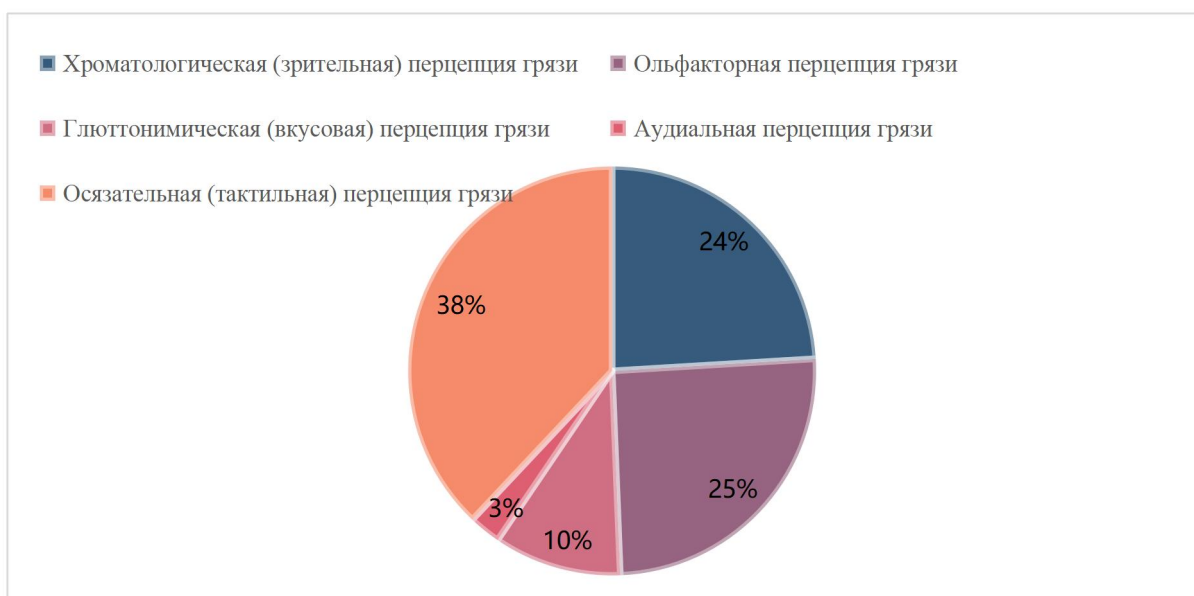

Таблица 2. Перцептивная характеристика грязи

Фрейм «Специфические свойства грязи»

Слот 1. «Большие объемы вещества»

Вещественные существительные как лексико-грамматический разряд характеризуются отсутствием соотношения числовых форм со значением «единичность – множественность». В то же время эта группа существительных соотносится с понятиями меры и величины и регулярно развивает конкретные значения, выраженные в форме множественного числа. Семантические трансформации вещественных существительных сводятся к четырем типам: «‘сорт вещества’, ‘порция вещества’, ‘изделие из вещества’, ‘большое количество вещества, заполняющего, организующего или составляющего пространство’» [Захарова 2022: 945].

Малый академический словарь и словарь Ушакова указывают на одно из прямых значений лексемы *грязь*, которое употребляется только в форме множественного числа. Оно соотносимо со значением сорта вещества: *лечебные грязи*, которые в грязелечении, в свою очередь, делятся на сульфидные, сапропелевые, торфяные, сопочные.

В нашем материале мы обнаружили реализацию у лексемы *грязь* значения ‘большого количества вещества, заполняющего, организующего или составляющего пространство’. Категориальное значение множественности может выражаться не только грамматической категорией множественного числа, но и лексическими средствами [Берестнев 1999].

К лексическим единицам выражения большого количества вещества относятся слова разных частей речи, в значение которых включается компонент ‘много’: прилагательное *безбрежный*, существительные *поток*, *куча*, глагол *облить*:

Странно получается: коррупция стала главной угрозой национальной безопасности страны, а ЮКОС в этой безбрежной грязи остался чистым? (Новая газета; 24.01.2005).

Толкование прилагательного *безбрежный*: «Такой широкий, что не видно берегов, простирающийся на **необозримое** пространство, **безграничный**» [ТСРЯ 2008: 35].

*Заведомо извращая мотивы инициаторов установки памятника «большой тройке», один из лидеров меджлиса крымскотатарского народа, депутат Верховной Рады Украины Рефат Чубаров не только **вылил на них кучу грязи**, но и*

договорился до того, что заявил: «Приверженцы установки памятника тирану приводят аргумент о том, что Сталин является исторической личностью» (Красная звезда; 03.02.2005).

См. толкование лексемы *куча*: «2. Нагромождение чего-н., **множество** кого-чего-н» [ТСРЯ 2008: 394].

Из телеэкрана льют потоки мутной грязи и лжи на всенародно избранного многонациональным народом Калмыкии Президента Кирсана Илюмжинова (Известия Калмыкии; 16.10.2002);

Как только Запад увидит, что Горбачев не разваливает советское общество, а выходит из кризиса, кончится здесь слава Горбачева и на него будут лить потоки грязи (Комсомольская правда; 23.09.2013);

«Пора закончить войну компроматов, прекратить потоки грязи, которые унижают страну, общество и избирателей», – заявил лидер «Единства» и призвал всех участников выборов вести корректную, ясную борьбу идеологий и программ (Красная звезда; 05.10.1999);

Основные потоки грязи на кандидатов пока еще не вылиты, однако очевидно, что к этому уже все готово (Коммерсантъ; 13.04.2005).

См. толкование лексемы *поток*: «1. Стремительно текущая водная масса. 2. Движущаяся масса чего-н» [ТСРЯ 2008: 708], где *масса* – «2. Совокупность чего-н., а также что-н. **большое**, сосредоточенное в одном месте» [там же: 432].

Это и понятно: мэр, которого по указке Кремля с головы до ног облили грязью, имел на это право (Московский комсомолец; 11.10.2000);

Александр Викторович объяснил цель своего прихода в редакцию. Правду о том, как его преследуют, он никогда не скрывал, избирателей информировал на сайте мэрии, но поскольку в понедельник, 19 февраля, его могут посадить по сфабрикованному обвинению и с телеэкранов облить грязью с головы до ног, решил высказать журналистам свою точку зрения (Новая газета; 19.02.2007).

См. толкование глагола *облить* // несов. *обливать*: «1. Обдать, покрыть со всех сторон или сверху чем-н жидким» [ТСРЯ 2008: 538]; толкование фразеологизма *с головы до ног*: «полностью, совершенно» [там же: 158].

«Вещественные ...существительные могут обнаруживать способность квантитативной актуализации в определенных коммуникативных ситуациях»

[Захарова 2015: 87]. В роли количественных актуализаторов используются слова-кванторы, или «слова-квантователи» [Борщев 1990]: *ушат* и *ведро* (помимо указанных выше *потока* и *кучи*). Рассмотрим их.

В качестве устойчивого словосочетания, измеряющего объемы грязи в русском языке, используется коллокация *ушат(ы) грязи*. См. толкование слова *ушат*: «Небольшая кадка с ушами. *Ушаты грязи, клеветы вылить на кого-н.* (перен.: оскорбить, оклеветать; разг.)» [ТСРЯ 2008: 1043], где кадка – большая деревянная бочка, в которой традиционно хранили муку и зерно. Закреплению в современном русском языке устойчивого выражения *ушат грязи* в переносном значении способствовало функциональное предназначение деревянного сосуда на Руси: обычно воду из колодца или речки носили в ушатах, а также их использовали в бане, наливая прохладную воду для ополаскивания после парной.

*На пролетарскую диктатуру, установленную в России в октябре 1917 года, с тех пор и по сей день **вылиты ушаты грязи**: это де диктатура невежественных хамов (булгаковских шариковых), она обгажена кровью жертв Гражданской войны и неисчислимых якобы жертв теплоснабжение по доступным для населения ценам* (Правда КПРФ; 02.06.2014);

***Ушаты клеветы и грязи, выплескиваемые** ежедневно главными СМИ на противоборствующие стороны, по мере приближения выборов все больше напоминают канализационные стоки* (Новая газета Понедельник; 29.11.1999);

*Ему и не надо с нами судиться, ему достаточно было **вылить ушат грязи**. Он больше никому из влиятельных политиков не нужен. Да Ковалев никогда и не был политиком, вся его политика сводилась к набиванию собственных карманов* (Новая газета Понедельник; 08.02.1999);

*Оба, **вылив** в ходе предвыборной борьбы друг на друга **ушаты грязи** и компромата, имеют весьма неприглядный вид* (Красная звезда; 07.11.2016).

Единицами измерения объема грязи могут быть и другие крупные сосуды:

*Сама же избирательная кампания проходит по всем классическим канонам. Кандидаты **выливают**, не стесняясь, друг на друга **ведра грязи**, от которой порой пахнет совсем дурно* (Российская газета; 04.12.2009);

*Задача была весьма деликатной, учитывая те **ведра грязи**, которыми Билл Клинтон **обливал** господина Обаму в период борьбы двух сенаторов за право стать кандидатом в президенты от демократов (КоммерсантЪ; 29.08.2008).*

Целый ряд предложно-падежных форм существительных, называющих органы тела человека, находящиеся в нижней либо в верхней части туловища (*колени, уши, ноздри, голова*), косвенно указывает на большой объем жидкой грязи, движение по которой представляет трудность или погружение в которую грозит гибелью:

– *по колено:*

*И если в 1919 году мы стояли **по колену в грязи** старого общества, то сегодня мы **этой грязью захлебываемся** (Экономическая газета; 06.04.2017);*

*«История идет **по колену в грязи**», – говорил и даже писал политик (Мир России; 03.04.2006).*

– *по уши в чем (разг.) – «полностью, совершенно (обычно о каком-н. нежелательном состоянии)» [ТСРЯ 2008: 1041]:*

*Мы обязаны вылезать **из грязи, в которой сидим по уши**. Главная ненормальность нашего общества сегодня в том и состоит, что честный человек не имеет возможности забыть о политике и улучшить свою жизнь в одиночку (Новая газета; 26.05.1997);*

*Это пристрелка, чтобы к истечению срока полномочий Юрий Михайлович Лужков был **залит по уши грязью**, ведь многие имеют виды на кормушку (КоммерсантЪ; 30.06.2006);*

*В самом деле, коли нет достойного соперника Трампу в их рядах, то надо максимально ослабить самого Трампа, **вылить на него по ходу процедуры как можно больше грязи, замарать по уши**, авось и сдуется (МК; 30.11.2019).*

– *по ноздри:*

***Нахлебаешься политической грязи по ноздри и выше** при этих, так сказать, заочных дебатах нашей, с позволения сказать, политической элиты (Советская Россия; 15.12.1999);*

– *с головой:*

*Вот и **окунулась** примадонна в **политическую грязь с головой** (Итоги; 06.03.2012).*

Контекстное окружение также может дополнительно включать указание на численную или параметрическую характеристику грязи, определяя ситуацию по интенсивности:

*Таких хлебом не корми, дай только возможность **вылить** на мэра **побольше грязи*** (Новая газета; 14.05.2001);

*Из политиков наибольший урон помимо Чубайса и Немцова был нанесен лидеру «Яблока» Григорию Явлинскому. Наконец, нетрудно предположить, что скандал уже поднадоел и президенту: **слишком много грязи вылилось** и с экранов телевизоров, и с газетных страниц* (Новая газета Понедельник; 08.12.1997);

***Особенно много грязи вылито** на советское командование, в первую очередь на командующего легендарной 16-й армией К. К. Рокоссовского, будущего прославленного маршала* (Красная звезда; 05.05.1996);

*В последнее время в России наблюдается какой-то всплеск «грязных информационных технологий». Как бы то ни было, но по накалу страстей сегодня этот «мутный» поток напоминает торжество демократии середины 90-х, когда **мазали грязью всех и вся*** (Наша версия; 16.12.2013);

*Государственные средства массовой информации **день и ночь льют грязь** на российское руководство, а силовики «сдают» бывших защитников Приднестровья молдавским спецслужбам!* (Патриот; 17.11.2011);

*Редактор газеты «Вести республики» Хамзат Юнусов посчитал, что Муратов назвал людоедами и живодерами весь чеченский народ, сказал, что он и подобные ему **на протяжении многих лет поливают этот народ грязью*** (Новая газета; 13.03.2008);

*С другой стороны, казачество **всячески обливалось грязью**, причем эта тенденция прослеживалась еще до 1917 года* (Красная звезда; 20.08.1994);

*Что благоприятно скажется на имидже страны, главное – не дать сегодня опознать наше прошлое, которое продажные СМИ и власть **мажут грязью ежедневно, ежечасно*** (Советская Россия; 13.05.2017).

Слот 2. «Трудность очищения»

Лингвокогнитивное моделирование анализируемого метафорического сегмента позволяет выявить историко-культурную корреляцию двух членов структуры *чистота – грязь*, которая сводится к отношениям *а – не а*. Определяя

степень маркированности членов данной оппозиции, укажем, что обычно немаркированный смысл «соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей» [Кибрик 2015: 36], маркированным будет значение, когнитивно отклоняющееся от нормального положения дел. С опорой на лексикографические источники выявляем, что когнитивным оператором нормы является отадъективная лексема *чистота*, см. лексическое значение прилагательного *чистый*: «1. **Не имеющий грязи**» [ТСРЯ 2008: 1094].

Антонимичная единица *грязь* выступает в качестве компонента лексикографической интерпретации лексемы *чистый* – ‘не имеющий грязи’. В когнитивной перспективе ожидаемо, естественно ориентироваться прежде всего на идеальный образец. Если имеется отклонение от нормы, то такое значение является маркированным. В нашем случае маркированным является второй член оппозитивной пары – лексема *грязь*. Грязь понимается как когнитивное нарушение, «если грязь удаляют, значит, она есть» [Захарьин 2007: 136].

Эту же мысль в другом развороте мы находим в работе английского когнитивного антрополога М. Дугласа: «Грязь — это по сути беспорядок. ...Грязь восстает против порядка. Устранение ее — это не негативное действие, а позитивное стремление организовать окружающий мир» [Дуглас 2000: 23]. Исследователь приходит к определению грязи как «того, что не на своем месте»: «Ботинки грязные не сами по себе, но когда их ставят на обеденный стол» [там же: 66], «нечистота, или грязь, — это то, чего не должно быть, если надо сохранить образец» [там же: 71].

При первом приближении к анализу выявленной корреляции очевидно, что при четкой противоположности семантики членов антонимической пары их морфемная структура и путь деривации различны: *грязь* — непроизводное вещественное существительное, *чистота* — производное отадъективное существительное со значением отвлеченного признака от прилагательного *чистый*.

Такие первичные наблюдения привели к сопутствующей исследовательской задаче — необходимости рассмотреть единицы в этимологическом и словообразовательном планах. Обратимся к этимологии анализируемых единиц.

Грязь — непроизводное слово, в этимологическом словаре М. Фасмера указаны однокоренные слова родственных языков: «укр. грязь — то же, словен. м.

grêz «тина, топь», grêz ж. «вязкая, глубокая грязь» [ЭСФ. Т.1. 1996: 468]. Н.М. Шанский указывает на связь лексемы со словом *груз*, которое «образовано с помощью темы -ь от той же основы, но с перегласовкой, что и грязь» [Шанский 1971: 116].

Значение прилагательного *чистый* происходит от старославянского слова *цѣдити*: «Праслав. *ĉistъ связано чередованием гласных с др.-русск. цѣстити 'чистить' (Жит. Алекс. Невск., 2 ред., 13), ст.-слав. цѣстити — то же. Родственно др.-прусск. skistan 'чистый', лит. skýstas 'жидкий', лтш. šķīsts — то же, šķīsts 'чистый', целомудренный', также лит. skaidrùs 'ясный, сияющий', лит. skáistas 'яркий', skíesti, skíedžiu 'разбавлять, разделять'» [ЭСФ. Т.1V. 1996: 366–367].

В современном русском языке слово *чистый* осознается как непроемная вершина словообразовательного гнезда, включающего 231 производную единицу [ССРЯ. Т. II. 1985: 377–379]. Разные по частеречной и этимологической характеристикам лексемы *грязь* и *чистый* в современном русском языке с опорой на реальное состояние лингвокультурной взаимосвязанности перестраивают свою этимологическую пару и выравниваются по более ясному современному языковому сознанию признаку — классификации по частям речи: *чистый* — *грязный*, *чистота* — *грязь*.

К идее чистоты и очищения в XX веке проявляется особый интерес. В СССР в 1920–1930-е годы «бытовая личная чистота стала официальной идеологией — мыло и зубной порошок преподносился агитацией и пропагандой (вместо рекламы) как достижение и дар социализма» [Faryno 1999a: 469]. Известен факт и политических чисток советского аппарата, связанных с внедрением методов критики и самокритики, см., например: [Иванов 2016; Ильиных 2007; Смирнова 2009]. Политические чистки стали одной из составляющих советской репрессивной политики, неотъемлемой частью советской повседневности. Кроме обвинений в уклонении от генеральной линии партии, провинившихся обвиняли во многих недостатках, которыми грешит и современная власть: в бюрократизме, коррупции, должностных преступлениях, моральной распущенности. «Метафора очистки оказалась очень востребованной идеологически» [Иманкулова 2012: 16].

При ольфакторной характеристике грязи (Фрейм «Перцептивная характеристика грязи», Слот 2) мы писали, что запах грязи является

амбивалентным: это может быть и природный запах, и запах социальный. Одновременно грязь также представляет собой как самостоятельную сущность, так и результат загрязнения: «то, что пачкает, грязнит» социальные объекты: человека и предметы окружающего повседневного быта.

О двойственном подходе к грязи и чистоте интересно пишет польский славист Ежи Фарыно, который на конференции «Утопия чистоты и горы мусора» (Варшава, 1999) утверждал: «*Чистота* и *грязь* имеет двойственную природу: «*чистота* отприродная (первозданность) и *чистота культурная*, вторичная (намеренно наводимая и культивируемая) — не одно и то же. Равным образом и *грязь* — первичная, отприродная не равна *грязи культурной*, воспринимаемой как порча чистого» [Faryno 1999b: 61–62], при этом чистота тяготеет к культурному, регулируемому явлению: *грязными* просто и случайно бывают, становятся, а *чистыми* делаются при помощи намеренных специальных действий: *моются, отмываются, очищаются*» (выделения курсивом авторские. – Ц.Я.) [там же].

В СМИ всегда звучат требования очистить политику от грязи:

*Жуликоватые политики, криминализация экономики, позорное бессилие государства сделать хоть что-нибудь для своих граждан – все это стоит на крепком фундаменте ненаказанного зла. У нас еще есть в запасе немного времени, чтобы **очиститься от грязи**, излечиться от тяжелой болезни неосужденного зла* (Новая газета Понедельник; 08.02.1999);

*Конечно, политика не делается в белых перчатках, а война – это продолжение политики иными средствами, но даже оружие **нужно** иногда **очищать от грязи** и засохшей крови* (Новая газета; 26.07.1996);

*Разделяя частично негативные оценки избирательного процесса в сегодняшней России, мы занимаем совершенно иную позицию: **надо** не отменять выборы, а **очищать их от грязи*** (Московский комсомолец; 23.03.2001).

Грязь в политическом контексте имеет специфические свойства: испачкавшись в грязи, ее трудно очистить или смыть. «Семантика несоответствия нормам проявляется в первую очередь в метафоре ОТМЫВАНИЯ» [Баранов 2006: 50]:

*Я знаю нескольких очень умных и порядочных людей, которые теоретически смогли бы занять пост лидера государства. Однако выдвигать их ни за что бы не стала. **Политика – это грязь, которая не смывается*** (Наша газета; 14.12.2007);

*«Ельцин поддержит его, но, если Президент увидит, что **грязь не смывается**, у Немцова возникнут проблемы», – цитирует газета слова политического аналитика Андрея Пионтковского* (Рабочая трибуна; 19.08.1997);

***Обливают** ли друг друга **несмываемой грязью** кандидаты в американские президенты* (Неприкосновенный запас; 15.12.2016);

*Но в дальнейшем те же газеты, журналы и телеканалы, что шельмовали нашу армию, историю и культуру, **залили** милицейский мундир густой **несмываемой грязью** уже сверх всякой меры* (Культура; 02.09.2016).

Представлению о несмываемой политической грязи коррелятом выступает религиозная идея исконной порочности человека и его личной ответственности перед богом.

Попытки быть чистым в политической жизни – трудно решаемая проблема:

*Международный трибунал **натужно пытается чистым выкарабкаться из политической грязи*** (Секретные материалы (Санкт-Петербург); 09.03.2009).

Политические субъекты боятся несмываемой грязи, поскольку она наносит им большой моральный ущерб:

*Да, – восклицает А.И. Лебедь, – **я не хочу**, чтобы мы **испачкались в этой политической грязи!***.. (Белгородская правда; 05.10.1999);

*Я еще во время парламентских выборов убедился в справедливости высказывания одного из сенаторов, который говорил, что очень **опасное дело** – **кидаться грязью, можно промахнуться, а на руках-то грязь останется*** (Аргументы и факты; 03.05.2000);

Желания пачкаться в политической грязи ни у кого нет (Караван + Я (Тверь); 11.09.2002);

*В этой драке **важно было не извозить лицо в политической грязи, не продать свою совесть*** (Марийская правда (Йошкар-Ола; 27.04.2001).

Безусловным авторитетом обладают политические субъекты, которые сумели в трудных условиях политической жизни остаться чистыми:

Он, пожалуй, единственный из нынешних политиков, к которому *не прилипла никакая политическая грязь* (Восточно-Сибирская правда; 08.08.2001);

У него правильная линия поведения, находясь у власти, ведет себя и разговаривает людьми, как простой человек, *не запятнал себя политической грязью* (Гумс (Гудермес); 26.02.2007).

Обобщим количественную характеристику материала, заполнившего третий фрейм «Особые свойства грязи в политическом контексте» в табл.3.

Процентное соотношение контекстов, вербализующих особые свойства политической грязи, показывает, что из двух свойств наибольшая доля приходится на большие объемы вещества (64%), трудность очищения реализуется в 36% контекстов.

Таблица 3. Особые свойства грязи в политическом контексте

Анализ фреймо-слотовой структуры области-источника выявил важные компоненты концепта *грязь*, проецирование которых на область-цель позволит определить аксиологический потенциал концептуальной метафоры. Агрегатные состояния вещества, перцептивные характеристики, объемы и особые свойства грязи легли в основу морально-этической оценки современной политической жизни России.

2.3. Концептуальная метафора *политика – это грязь*: фреймо-слотовая организация области-мишени

Область-мишень – концепт *политика* – представляет собой сложный в содержательном плане феномен, получивший многоаспектную характеристику в работах исследователей. Описание концептуальной структуры понятия в работах

ученых опирается на разные основания.

Лексико-семантические наблюдения строятся как лексикографическое описание дефиниции многозначной лексемы *политика* по данным толковых, специальных и энциклопедических словарей [Ерофеева 2022]. Содержательные сферы ассоциативного поля *политика* формируются на основе свободного ассоциативного эксперимента [Русский ассоциативный словарь 2002]. Концептуальные смыслы могут выявляться через анализ газетного дискурса [Курганова 2019]. Политическая сфера может представляться как разветвленная концептуальная система, каркас которой включает до 17 компонентов, например: «1) концепты политических реалий (*политика, власть, реформа, перестройка, коррупция, террор*), 2) концепты политических органов власти (*Дума, Рада, конгресс, сенат*), 3) концепты политических объединений – партий, движений (*компартия, движение, Наши, тори*)» [Пименова 2010: 47] и др. У Е.И. Шейгал во фреймо-слотовом варианте представлена структура концепта *политик* с полной энциклопедичностью разнообразных знаний о референте [Шейгал 2000: 93]. Диссертационные исследования встраивают концепт *политика* в русскую языковую картину мира [Трофимова 2004].

Для выполнения задач, поставленных в данном параграфе, мы оттолкнемся от обыденного понимания лексемы *политика*, вербализующей анализируемый концепт. Основное значение слова – «Деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуры страны, а также деятельность партий и других организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями» [ТСРЯ 2008: 689].

Конститутивными признаками исследуемого феномена являются 1) деятельностный характер политической сферы; 2) наличие политических акторов, «занимающихся политической деятельностью, принадлежащих к какому-либо политическому институту, выполняющих какие-либо политические функции» (базовые признаки концепта *политик* [Шейгал 2000: 93]); 3) СМИ, которые, кроме реально существующих трех уровней государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной – являются четвертой властью; 4) население страны и мира; гражданское общество; 5) властная коммуникация, под которой понимается

«речевое взаимодействие между субъектами властных отношений» [Осетрова 2004: 23].

Ключевым понятием, участвующим в интерпретации метафорического материала в сфере области-мишени, является прототипическая ситуация – когнитивная модель ситуации, с которой связано прямое значение языковой единицы *грязь*. В составе прототипической ситуации выделяется набор компонентов, который предопределяет структуру ценностной интерпретации.

Когнитивная модель области-мишени представляет аналог некоторого вида политической деятельности с полной реконструкцией компонентов, маркирующих участников и обстоятельства означаемой ситуации, связанной с использованием образа грязи.

Первая прототипическая ситуация области-мишени, объединенная глагольной семантикой, состоит из компонентов: а) субъект воздействия; тот, кто пачкает; б) объект, приводимый в определенное нечистое / грязное состояние; в) действие, производимое субъектом (перемещение); г) инструмент перемещения (грязь).

Вторая прототипическая ситуация области-мишени, объединенная глагольной семантикой, состоит из компонентов: а) субъект действия; б) действие, производимое субъектом; в) локус / место движения субъекта локализации.

На основе обозначенных прототипических ситуаций выделяем два фрейма структурной организации области-мишени: «Процессы речевого взаимодействия» и «Характеристика политической деятельности».

Каждый компонент фреймовой структуры – как отдельный слот, так и пропозиция в целом, – оказывается задействован при метафорической характеристике политической сферы. Описание структурной организации области-мишени предполагает аксиологическую интерпретацию концептуальной метафоры.

Фрейм «Процессы речевого взаимодействия»

Фрейм структурирует процессы речевого взаимодействия, при которых субъект, воздействуя на объект, целенаправленно распространяет ложную информацию, порочащую и оскорбляющую отдельную личность / социальную группу / политический институт / государство / гражданское общество. При этом происходит утрата объектом морального облика, чести и достоинства человека /

социальной группы / государства / гражданского общества в целом в результате отрицательных психологических воздействий.

Фрейд «Процессы речевого взаимодействия» включает два слота: «Участники речевого взаимодействия» и «Деструктивные действия субъекта».

Слот 1. «Участники речевого взаимодействия»

В основе речевого взаимодействия лежит структура коммуникативного акта, предполагающая участие в процессе общения двух коммуникантов – субъекта и объекта. При этом анализируемая коммуникация представляет собой одностороннее воздействие субъекта на объект (в отличие от равноправного субъект-субъектного типа отношений [Михальская 1996: 61]). При этом субъект достигает коммуникативной цели с помощью языковых ресурсов, порочащих объект. «Быть объектом речевого воздействия – значит испытывать на себе влияние [субъекта], которое осуществляется в вербальной форме» [Иссерс 2009: 24].

Опишем типы субъекта и объекта.

1.1. Субъект – СМИ, объектом могут быть:

а) политические институты:

Как только были сформулированы конкретные предложения и подготовлены проекты решений, предусматривающие предоставление льгот и выделение денег, в российской и зарубежной печати на калининградскую администрацию полился поток грязи (Московский комсомолец; 26.06.2001);

Ушаты клеветы и грязи, выплескиваемые ежедневно главными СМИ на противоборствующие стороны, по мере приближения выборов все больше напоминают канализационные стоки (Новая газета Понедельник; 29.11.1999);

Почти все отрицательные новости, которые сегодня мажут грязью власть, заявил Жвачкин, идут из-за рубежа (Независимая газета; 23.04.2020);

б) армия и флот:

Хорошо помню период в нашей современной истории, когда СМИ буквально поливали грязью Вооружённые Силы (Красная звезда; 04.12.2013);

Жителям региона, читателям навязывается мнение: не подписывайтесь на «Красную звезду», она обливает флот грязью (Красная звезда; 01.12.1998);

С разрушения армии, с обливания ее грязью в прессе, с понижения к ней уважения и доверия (Красная звезда; 05.07.1997);

Вспомните, как **поливали** (да и **поливают**) **грязью армию, людей в погонах** мгновенно «перестроившиеся» **средства массовой информации** (Красная звезда; 23.12.1998);

И многие с удвоенной, утроенной энергией с **телеэкранов, газетных и журнальных полос** **лили ушаты грязи на российские войска** (Красная звезда; 09.11.2001);

в) гражданское общество:

Редактор газеты «Вести республики» Хамзат Юнусов посчитал, что **Муратов** назвал людоедами и живодерами весь **чеченский народ**, сказал, что он и подобные ему на протяжении многих лет **поливают этот народ грязью** (Новая газета; 13.03.2008);

Как иначе охарактеризовать хотя бы ту ситуацию, которая далеко не случайно сложилась **в средствах массовой информации**, в первую очередь, в электронных, когда **представителям** неважно какой профессии, но **патриотически настроенным** или вообще не дают слова, как будто они и в природе-то не существуют, или **специально обмазывают такой чёрной грязью**, от которой совсем не просто отмыться! (Наш современник; 30.11.2013);

г) политик(и):

Из телеэкрана льют потоки мутной грязи и лжи на всенародно избранного многонациональным народом Калмыкии **Президента Кирсана Илюмжинова** (Известия Калмыкии; 16.10.2002);

Так, есть в Калининграде одно «деловое аналитическое» издание в газетном формате. В данном **СМИ** трудится один-единственный «аналитик», который позволяет себе методично, но без малейшего понимания предмета поливать **густой грязью** известных людей – **депутата госдумы и московского экономиста** (Маяк Балтики; 18.09.2003);

Из политиков наибольший урон помимо Чубайса и Немцова был нанесен лидеру «Яблока» **Григорию Явлинскому**, что для либеральной оппозиции особенно плохо. Наконец, нетрудно предположить, что **скандал** уже поднадоел и **президенту**: слишком много **грязи вылилось и с экранов телевизоров, и с газетных страниц** – пожилому и не очень здоровому человеку это вряд ли по вкусу: и так все болит, а тут его еще дрызгами на части раздергивают (Новая газета

Понедельник; 08.12.1997);

д) СМИ:

Никогда еще ни один канал так не напал на другой, а журналисты одного издания не поливали грязью другое (Московский комсомолец; 05.06.2000).

1.2. Субъект – политик(и), объектом может быть:

а) гражданское общество:

Султыгов исповедовал полное правозащитное безделье, и лишь когда его припирали к стенке и требовали что-то сотворить для защиты людей, его хватало только на то, чтобы в очередной раз полить грязью беженцев, не желающих возвращаться в военный рай, да обманывать публику, что все бесследно пропавшие в Чечне – это боевики и ваххабиты, и поэтому туда им и дорога (Новая газета; 26.01.2004);

б) политический институт:

Обличений не было, а Боровой просто честно отрабатывал общую установку: мазать грязью Думу (Советская Россия; 16.10.1997);

г) политик(и):

Еще в воскресенье местные политики рассуждали об окончательном перемирии, а США и Евросоюз аплодировали «конструктивности» переговоров. Но уже в понедельник участники конфликта снова принялись поливать друг друга грязью (Красная звезда; 02.06.2007);

Думские коммунисты, правда, настаивают на пятидневном сроке, но избиркомовцы считают, что это может привести к пиаровскому беспределу – чувствуя свою «пятидневную безнаказанность, соперники в это время начнут поливать друг друга густой грязью» (Московский комсомолец; 26.10.2001);

Кандидат Юрий Скуратов – чтобы получить трибуну для поливания грязью Ельцина (ибо Скуратову кажется, что чем больше он выльет грязи на других, тем меньше ее останется на нем самом) (Московский комсомолец; 28.01.2000);

Вместо того чтобы представлять в выгодном свете себя и свои позиции, кандидаты в президенты сверхдержавы поливают грязью друг друга (Красная звезда; 02.11.2016).

1.3. Субъект – социальная группа / партия, объектом может быть

а) государство / страна:

*В один прекрасный день, когда **антисоветчики** в очередной раз **полили грязью советскую родину**, вокруг барака одновременно раздалось шесть взрывов (Московский комсомолец; 29.04.2002);*

б) партия:

*Депутат отметил, что **оппозиция** будет принимать все меры, чтобы правовыми методами «остановить **потоки грязи и лжи**, инициированные **саратовскими единороссами**» (Коммерсантъ Daily; 02.10.2007);*

в) политический институт:

*Чем больше **на** какую-то конкретную **организацию оппозиционеры выльют грязи**, тем серьезней ее будут в провинции воспринимать местные чиновники, – рассказал «Новой» собеседник из кремлевского пиара (Новая газета; 19.11.2010);*

*Вот когда некоторые **деятели** свои личные огрехи пытаются прикрыть, **поливая грязью городскую власть**, это я не приемлю (Красная звезда; 06.07.2001).*

1.5. Субъект – СМИ и власть в целом, объектом может быть

а) государство / страна:

*Что благоприятно скажется на **имидже страны**, главное – не дать сегодня опознать наше прошлое, которое **продажные СМИ и власть мажут грязью** ежедневно, ежечасно (Советская Россия; 13.05.2017).*

1.6. Обобщенный субъект (не получивший номинации в контексте), объектом может быть

а) представитель политического института / политик:

*Но чем сильнее он старался, Тем гуще **грязью обливался Санкт-Петербургский демократ** / И вот уж жизни он не рад / Уже грозят ему решёткой, Подписан ордер на арест / Вот-вот на нем поставят крест (Искра уральская; 24.10.2006);*

*Когда с **политиком** трудно спорить, его **поливают грязью**. И чем труднее спорить, тем сильнее будет **поток грязи** (Новая газета; 20.12.2001);*

*Помните, сколько **грязи** было **вылито на Юрия Лужкова**, когда он осмелелся покритиковать американские куриные окорочка, распухшие от анаболиков? (Московский комсомолец; 26.09.2002);*

б) партия:

Еще один результат выборов – поражение Партии демократического социализма. До сих пор ПДС на всех выборах только набирала голоса. Эту партию обливали грязью, о ней отказывались писать в прессе, ее пытались изолировать, а число ее сторонников только росло (Новая газета; 26.09.2002);

в) армия:

Но значит ли это, что следует прибегать к брани, клевете, оскорблениям, поливать армию грязью и безжалостно топтать ее? (Красная звезда; 04.11.1995);

*Есть потому, что даже в те времена, когда патриотическая тема всячески замалчивалась, когда слово «патриот» было чуть ли не ругательным, когда из учебных заведений страны изгоняли начальную военную подготовку (НВП), поливали грязью наши **Вооруженные Силы**, творческий коллектив «Военных знаний» ни на шаг не отступал от своих принципов, активной жизненной позиции (Красная звезда; 18.03.2005);*

А участие воинов в наведении конституционного порядка на территории собственного Отечества – в агрессию против суверенного государства, другого народа. Вот уже действительно, поставили все с ног на голову. Оболгали, облили грязью русского солдата, офицера, выполняющего предписания верховной власти (Красная звезда; 25.08.1995).

Первый слот связан с дискредитацией акторов политического дискурса на уровне межличностной, групповой и массовой коммуникации. Современные СМИ, обладая огромными возможностями политического влияния, оказывают психологическое информационное воздействие на массовую аудиторию, распространяя предвзятое мнение с целью изменить отношение общества к личности политика, партии, власти в целом, создавая негативный образ последних.

Кроме участия СМИ в распространении негативной информации, активное участие в этом процессе принимают и сами политики, поскольку задача достижения власти через выборы является главной для политика в демократическом государстве. Конкуренция политических партий, конкретных политиков заставляет акторов политической деятельности заниматься очернением своих противников в глазах избирателей. Методы, порочащие имидж объекта, информационная война, включающая целенаправленное распространение ложной информации, получило в современном русском языке номинацию *черный пиар*:

«черный пиар – это целенаправленная деятельность, имеющая целью разрушение или ухудшение имиджа конкретного лица или организации» [Камчатная, Савенкова 2018: 50].

Реальные избирательные кампании, прошедшие в разных регионах страны, анализируются специалистами, см., например: [Ланцева, Звезда 2016; Смолыгина 2015]. В результате анализа выявляются приемы и уловки черного пиара в период предвыборной борьбы. Кроме прямой клеветы и оскорблений, к некорректным методам политической борьбы относят навешивание ярлыков, подтасовку цифр и фактов, использование слухов и сплетен, обнародование скрытой конфиденциальной информации, показывающей негативные поступки политика, широкое распространение негативной информации в популярных каналах связи.

Речевое взаимодействие политических акторов сопровождается нарушением моральных и этических норм и правил поведения, метафорически вербализуемых в процессах перемещения грязи.

Слот 2. «Деструктивные действия субъекта»

Описание данного слота позволяет установить характер связей между фреймами области-источника и области-мишени. Основным средством метафорической вербализации формируемого негативного общественного мнения, деструктивного поведения по отношению к конкурентам является **жидкое состояние грязи**, которой *обливают, поливают* объекта воздействия, *льют и выливают* на него.

Свойство грязи – «Большие объемы вещества» (см.: слот 1 фрейма «Специфические свойства грязи» области-источника), указывая на параметрические характеристики инструмента воздействия (грязь), определяет деструктивные действия по интенсивности. Перечислим выявленную совокупность лексических показателей, указывающих на большие объемы вещества – *слишком / особенно много грязи; безбрежная грязь, куча / потоки грязи; с головы до ног облили грязью; был залит по уши грязью; политическая грязь по ноздри и выше; всячески обливалось; мажут грязью ежедневно, ежечасно* и др. Наличие таких гиперболических смыслов «создает обидность для адресата» [Гловинская 2004: 69].

Усиливает негативность высказывания и скрытая, имплицитная гипербола,

которая может содержаться в глагольных лексемах, не содержащих никакой оценки со стороны говорящего, но включающих в толкование компоненты интенсивности или большого объема: *облить* // несов. *обливать* ‘обдать, покрыть со всех сторон или сверху чем-н жидким’, *швырять* // однокр. *швырнуть* ‘с силой бросать’, *нахлебаться* – ‘вдоволь, много похлебать, попить’. «Общим психологическим фоном для выбора подобной лексики может служить отрицательное отношение к субъекту в принципе» [Там же: 71].

Перцептивные характеристики создают «ментальный оценочный образ, физиологической основой которого является сенсорная составляющая» [Лаврова 2017: 44]. Модусы перцепции – цвет, запах, вкус, звук – также концептуализируют область отрицательной оценки: *грязь черная, мутная* (цветовая характеристика), *вонючая, зловонная, резкая, едкая* (ольфакторная характеристика), *ядовитая* (вкусовая характеристика), *чавкающая* (звуковая характеристика), создавая сенсорное напряжение, т.е. «обилие перцептивных проекций, нацеленных на пробуждение средствами языка перцептивных образов» [Харченко 2012: 71].

В силу антропоцентричности языка учеными доказано «доминирование зрительно-слуховой перцепции, а также факт связи этого типа восприятия с когнитивными процессами» [Брагина, Кузьмина 2019: 10]. Лексемы со значением цвета используются для обозначения оценки практически во всех языках. «На ранних этапах развития человеческого общества ценность предмета реального мира зависела от того, насколько он был необходим для поддержания жизни. Цветовая семантика в истории языка генерировалась позже оценочной, причём иногда «сливалась» с ней так прочно, так органично, что создавалось впечатление, что именно цвет определял качество предмета» [Кезина 2013: 361].

В современном русском языке отражены следующие оценочные значения прилагательного *черный*: «4. Испачканный чем-л., грязный. 6. Неквалифицированный, не требующий высокого мастерства, подсобный, чаще физически тяжёлый или грязный (о работе, труде и т.п.). 8. В дореволюц. России: принадлежащий к низшим, не привилегированным сословиям, к простонародью. 10. По суеверным представлениям: чародейский, колдовской, связанный с нечистью. 11. *перен.* Отрицательный, плохой. 12. *перен.* Мрачный, безрадостный, тяжёлый. 13. *перен.* Злостный, низкий, коварный» [МАС. Т.IV: 667–668].

Система семем цветолексемы *черный* содержит как минимум пять прямо негативно оценочных значений и два значения, косвенно указывающих на отрицательную (6, 8). Доминантные признаки у прилагательного *черный* – «грязный», «темный», «спрятанный», «интенсивный», переходя на другой уровень содержания, «рождают новые, символические смыслы. <> В этической сфере ...черный цвет – символ подлости, безнравственности» [Григорьева 2014: 87].

Атрибутивно характеризующими звучание грязи являются причастные формы звукоподражательных глаголов *шипеть* ('издавать глухие звуки, напоминающие протяжное произношение звука «ш»') и *чавкать* ('издавать при жевании характерные причмокивающие звуки'), звуковая оболочка которых включает глухие согласные, а также согласные *ш* и *ч* в абсолютном начале слова, относительно редкие в русском языке, отрицательно маркированные [Журавлев 1974] и создающие общую неблагозвучность. Фоносемантическая ассоциативная оценочность таких слов определяется, в первую очередь, их звучанием. Экспрессивный потенциал данных ономастопов связан, «с одной стороны, со сферой номинации «низменного», физиологического, рефлекторного, с другой стороны, с выраженным неблагозвучием: *храп, шмыгать, хлопнуть, швырнуть, чавкать, хныкать* и мн. др.» [Ваулина 2017: 44]. Приведенные в цитате единицы обладают пейоративно-оценочным эффектом восприятия подобного рода звучаний в социуме. При этом оценка не входит в структуру лексического значения этих слов, являясь его коннотативной частью, теми признаками, «которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159]. Негативная экспрессивность слов, основанная на имитации акустических денотатов, усиливается за счет синтагматических связей с соседними лексемами, определяемыми лексему *грязь*: *шипящая зловонная грязь; вьезишущая и чавкающую грязь*.

Запах грязи связан с прилагательными сенсорно-чувственной оценки, см.: [Васильев 2000: 101], негативной, в первую очередь, см.: *вонь* 'отвратительный запах'. Наличие оценочной семы 'отвратительный' в дефиниции ольфакторного слова при семантическом переходе в область этической оценки также стимулирует появления значения безнравственности и аморального поведения.

Прилагательное *ядовитый* в метафорических номинациях чаще

употребляется «в сочетании с существительными, называющими речевые действия», выражая негативные эмоции [Шилихина 2019: 91]. В сфере политического дискурса применительно к распространению ложной сфальсифицированной информации, передаваемой словосочетанием, распространенным атрибутивными характеристиками, *лет ядовитую черную грязь*, прилагательное *ядовитый* «гуманизирует» сенсорную оценку, переводя ее в область этической.

Все компоненты метафорической модели аксиологически заряжены отрицательной коннотацией. Они, являясь интенсификаторами, поддерживают и усиливают общий пейоративный смысл концептуальной метафоры.

Усилению негативной оценки способствует также присутствие в высказывании в однородном ряду прямых номинаций, синонимичных метафорической единице *грязь*, например:

Но значит ли это, что следует прибегать к брани, клевете, оскорблениям, поливать армию грязью и безжалостно топтать ее? (Красная звезда; 04.11.1995);

Не дай Бог, будут пытаться ставить подножку кандидатам от Аграрной партии в одномандатных округах, разливая потоки грязи и компромата, как это приключилось в 1995 году (Комсомольская правда; 29.07.1999);

Депутат отметил, что оппозиция будет принимать все меры, чтобы правовыми методами «остановить потоки грязи и лжи, инициированные саратовскими единосроссами» (Коммерсантъ Daily; 02.10.2007);

Ушаты клеветы и грязи, выплескиваемые ежедневно главными СМИ на противоборствующие стороны, по мере приближения выборов все больше напоминают канализационные стоки (Новая газета Понедельник; 29.11.1999);

Березовский использовал СМИ (в частности, ОРТ и продажного Доренко) для лжи и обливания грязью политических противников. Да и в политику он влез только для того, чтобы не допустить к власти людей с честью и совестью и таким способом остаться на свободе (Новая газета; 23.04.2001);

Оболгали, облили грязью русского солдата, офицера, выполняющего предписания верховной власти (Красная звезда; 25.08.1995).

Фрейм «Характеристика политической деятельности»

Структура фрейма фиксирует восприятие политической деятельности в аспекте нравственных требований, предъявляемых обществом политику и политике в целом; процесс утраты морального облика и достоинства субъекта, вовлеченного в политическую деятельность. Анализ данного фрейма позволяет установить характер связей между фреймами области-источника и области-мишени.

Аксиологическая составляющая данного фрейма – общая негативная характеристика политического мира, безнравственности и бесчестности политических акторов и их поступков; ставится под сомнение открытость, честность и бескорыстие политиков в ходе выполнения ими своих должностных обязанностей.

Фрейм «Характеристика политической деятельности» включает три слота: «Локальная и деятельностная характеристика политического пространства», «Обобщенная характеристика политической деятельности» и «Моральный облик политика».

Слот 1. «Локальная и деятельностная характеристика политического пространства»

Слот связан с общей характеристикой политического пространства, в котором осуществляется деятельность отдельных политиков, ветвей власти, политических институтов и государства в целом. В современном обществе политическая деятельность связана с принятием и проведением в жизнь решений теми людьми, которые наделены полномочиями со стороны общества. Политические акторы осуществляют процесс управления и функционирования государственных институтов:

*Он прибыл в Москву в самый пик очередного раунда властных разборок, когда вся наша **политическая элита** с каким-то сладострастием **барахтается в грязи взаимных обвинений в коррупции, измене, подготовке убийств, переворотов и еще чего-то** (Красная звезда; 19.09.1996);*

***Чубайс, как жирный боров, ворочается в вонючей грязи кремлевских политических интриг и хрюкает от удовольствия** (Липецкие известия; 16.02.2000);*

Почему же никто из чиновников не сидит в одной клетке с Ходорковским и Лебедевым, почему покровителям и пособникам подсудимых предоставляется возможность купаться в грязи и выходить из нее чистенькими, словно из Сандуновских бань? (Арсеньевские Вести (Владивосток); 25.11.2004);

Вдоволь навалявшись в политической грязи, политик вернулся в правительство (Stringer; 13.02.2001);

Скоро нашу молодёжь истребят, пока все мы будем драться и барахтаться в политической грязи (Литературная Россия; 21.06.2002);

Выборы коммунистического президента, по-видимому, станут лишь финишной чертой бега в мешках по уши в политической грязи (Сегодня; 08.02.1996).

Контекстный материал указывает на жидкое состояние грязи, но которой не обливают объекта и не льют на него. Грязь в данном слоте является тем веществом-вместилищем [Кубрякова 2004: 482], в котором действует политический актер: *барахтается, купается, ворочается в грязи*. Предложный падеж является «ядром локативной падежной подсистемы как падеж собственно пространственный, обстоятельственный» [Додуева 2010: 309]. Согласно Е.В. Рахилиной, существительные, употребляющиеся в конструкциях с предлогами *в, внутри, изнутри, наружу* и т. п., категоризируются в русскоязычной культуре по образу и подобию контейнера, при этом предикат понимается как «погружение в эту емкость» [Рахилина 2008: 148]. Класс веществ-вместилищ, ср.: *глубокая вода/глубокий снег/глубокий песок/глубокий ил/машина застряла в глубокой грязи*, достаточно ограничен, «так как сочетания типа *глубокий X* с веществами описывают только слой вещества на поверхности земли» [там же: 124].

Действия политиков вербализуются с помощью глагольных единиц, входящих в лексико-семантическое поле действия: *барахтаться* – ‘делать беспорядочные движения’; *купаться* – ‘погружаться в воду’; *ворочаться* – ‘шевелиться, двигаться, вертаться’; *валяться* – ‘лежа, ворочаться с боку на бок’; *драться* – ‘бить друг друга, наносить удары’; *бег / бежать* – ‘двигаться быстро’.

Базовый компонент когнитивной модели *грязь* наделен мощным пейоративно-оценочным ореолом: грязь в данном случае не просто «то, что пачкает, грязнит» политического субъекта, оставляя пятна или грязные места, грязь

– это объемный локус, в который субъект полностью погружен и вынужден действовать в предложенных обстоятельствах. В глагольные единицы также может быть впамя оценочный компонент: *барахтаться* – ‘делать **беспорядочные** движения’. Автор считает, что политические действия субъекта носят непрофессиональный хаотичный характер.

Существительное *грязь* в анализируемых контекстах характеризуется развернутой правой валентностью, «которую можно было бы назвать валентностью содержимого» [Рахилина 2008: 147], усиливающего негативную аксиологическую составляющую метафоры. В позиции родительного падежа с определительным значением [Русская грамматика 1980. Т.1: 477], со значением «носителя признака» [Золотова 1988: 33] находятся слова, семантика которых подчиняется закону семантического согласования [Кузнецова 1982: 88]. Языковые единицы в форме родительного падежа с дальнейшим синтаксическим расширением манифестируют область негативных моральных качеств и аморальных действий политиков, отсылают к перечню постыдных и недопустимых социальных пороков и преступлений: *в грязи взаимных обвинений в коррупции, измене, подготовке убийств, переворотов, в грязи кремлевских политических интриг*.

Слот 2. «Обобщенная характеристика политической деятельности»

Глагольных синтаксических конструкций, метафорически воплощающих политическую деятельность в целом, невелико. Основным средством метафорической вербализации данного слота выступают синтаксические квалификативно-оценочные модели, в которых предиктируемый субъект является носителем «кваликативного и оценочного признака» [Золотова 1988: 24], а предикатом – существительное в форме именительного падежа, выражающее оценку, «данную под тем или иным углом зрения» как «постоянный, органически присущий предмету признак» [Арутюнова, Ширяев 1983: 11], например:

*В народе толкуют, что **политика** – это **грязь**, но отмечу, люди в политике не все «грязные»* (Холмогорская жизнь; 20.11.2009);

*Когда на каждом углу слышишь, что **политика** – это **грязь**, уже ко всему оказываешься готов* (Независимая газета; 03.10.1998).

В рамках семантической классификации субстантивных предикатов [Арутюнова, Ширяев 1983] подобные предложения отнесены в группу со

значением характеристики. «В таких предложениях содержится обобщенная (вневременная) характеристика предмета» [там же: 11], чем и обусловлено употребление таких предложений в настоящем времени.

Лексема *грязь*, употребленная в предложениях «субъектно-предикативной качественности» [Воейкова, Пупынин 1996], получает дальнейшее контекстное расширение, включающее конкретную характеристику негативных феноменов политической жизни, относящихся к области социальной этики и формирующих безнравственный фундамент метафорической грязи:

Если политика – это грязь, склоки, сплетни, незаконные лишения свободы и привлечение к уголовной ответственности, если политика – это взятки и воровство – тогда это дело можно назвать политическим (Тридевятый регион (Калининград); 06.07.2007);

Тут вот что важно помнить: политика – это грязь: коррупция, махинации, «левые» деньги, шантаж, убийства (Невское время; 19.01.2008);

А вот знатоки политических интриг твердо знают: то, что называется в политике «грязью», это искусная игра на людских пороках – продажности, подлости, зависти, лицемерии, соблазнах, страхе, алчности, мстительности, меркантильности (Орловские новости; 02.08.2007);

Вы знаете, людям в погонах политических целей не объясняют. Политика – это грязь. Грязь и лицемерие (Спецназ России; 15.01.2019);

Сам Леонид Константинович считает себя «сенатором по должности, а по существу — директором Омской области» и очень обижается, когда его называют политиком, «не хочет и не будет им никогда, не хочет иметь ничего общего с этими людьми, потому что политика – это грязь, это цинизм» (Омск – XXI; 13.04.1999);

Для миллениалов, например, политика – это грязь, неискренность, коррупция, непонятные торги и пустые слова (Комсомольская правда; 06.08.2020).

Метафорическое суждение *политика – это грязь* воспринимается носителями языка как негативный стереотип, как форма массовых или групповых мнений о политике не только как о деятельности государственных органов. но и шире – как отношение к событиям «общественной и государственной жизни»

[ТСРЯ 2008: 686]. Высказывание сопровождается метаязыковыми проводниками, которые указывают на общепринятый стандарт подобного определения: *расхожая фраза, штамп, стереотип, пресловутый тезис, затасканные слова, давно известно, укоренилось, многие говорят / считают, принято говорить, все повторяют, широко распространено мнение, часто можно слышать, обычно считают, сказано много раз и всем вокруг, сложилось стойкое убеждение, часто можно слышать* и др. «Постоянное использование в дискурсе одной и той же метафоры по отношению к феномену политической жизни позволяет сформировать стереотипное представление об этом феномене. Например, если в разговорах о конкретной политике постоянно использовать метафору АКТЕРА, то можно создать стереотипное представление о нем, как о не очень серьезном человеке» [Баранов 2006: 5].

В силу «политического цинизма», «негативной мобилизации масс», т. е. массового недовольства и недоверия к властям, анализируемое высказывание «осознается или воспринимается как заведомо ценностное снижение, намеренно оскорбительное по отношению к субъекту высказывания» [Гудков 2005: 47].

Частотным вариантом суждения *политика – это грязь* выступает высказывание *политика – это грязное дело* в силу деятельностного характера понятия *политика* – ‘**деятельность** органов государственной власти и государственного управления, а также **деятельность** партий и других организаций, общественных группировок’, см. дело – «1. Работа, занятие, **деятельность**» [ТСРЯ 2008: 188].

Политика по самой своей сути нечестива и даже прямо – безнравственна; политика – это грязное дело и не может быть иной (Свободная мысль-XXI; 06.12.2004);

Основной лейтмотив наших избирателей: «политика – это грязное дело», поэтому ни о каких симпатиях к кандидату говорить не приходится, даже если избиратель отдает за него свой голос (Советская Россия; 23.09.2003);

Но у нас в России обычно считают, что политика – это грязное дело, что в политику идут ради собственных интересов, ради обогащения (Смоленская газета; 07.08.2003).

Слот 3. «Моральный облик политика»

Социальным измерением грязного фона политики является моральный облик политического субъекта. Фреймо-слотовая структура концепта *политик*, представленная в монографии Е.И. Шейгал, включает слот «обладающий какими-либо качествами». Подразделом слота является набор морально-этических качеств: «честность; принципиальность; нравственность; патриотизм» [Шейгал 2000: 93].

Одна из ведущих тем обсуждения в СМИ – специфика моральных пороков и ошибок политика, нравственное состояние политического сообщества. Выстраивается оппозиция *честный политик – аморальный политик*:

*Политик должен пользоваться теми же моральными ценностями, что и обычный человек. Говорят, что политика – это грязное дело. А в грязных руках она еще грязнее. Политика – это такое же ремесло, как и наука, как и любое другое занятие. Конечно, все зависит от того человека, который занимается политикой, для меня **честный политик** – это не абстрактное сочетание слов (Тамбовский курьер; 19.01.2010);*

*И я хочу переломить расхожий стереотип: мол, **политика – это грязное дело**. Убежден, и в нашей стране, и в Томске подавляющее большинство – **честные и порядочные люди**. Вот они-то и должны работать в городской Думе, профессионально, на деле, а не на словах, защищая интересы томичей (Красное знамя; 28.09.2005).*

*Существует мнение, что **политика – это грязное дело и среди политиков не может быть людей высокой нравственности** (Профиль; 18.04.2011);*

*Что касается политики, да, такая расхожая фраза существует, что **политика – это грязное дело**, но если в политике действуют **порядочные люди**, я не думаю, что она будет грязной (Южные новости; 15.06.2004);*

*– **Политика** считается **грязным делом**. Не боишься **испачкаться в грязи**?*

*– Смотря, какими методами действовать. **Грязной политика** считается потому, что в ней применяются **грязные методы**. Надо все поменять: систему выборов, политический класс, чиновников во всех вертикалях власти. Тогда и **политика** не будет считаться **грязным делом** (Смоленская правда; 20.11.2003).*

Анализ контекстного материала позволяет выявить круг отрицательных характеристик безнравственных политиков. Прежде всего, в современном обществе политику понимают как сферу личных интересов, а политиков как

эгоистичных людей, которые делают все для личного блага и не представляют интересы народа, например:

Бескорыстие – вот что вызывает недоумение нынешних политиканов и их злобу, для них политика, государственные посты – это способ личного обогащения и карьерного роста. Народ считает, что «политика – грязное дело», и не верит никому (Правда Москвы; 22.07.2014);

Жаль, что есть люди, которые рассматривают любые вопросы только с позиции личной выгоды. Говорят, политика – грязное дело (Наше время; 12.12.2005).

В анализируемом материале представлена коррозия власти, манифестируемая набором моральных грехов политиков, нарушающих нормы права и морали по разным основаниям. В зеркале СМИ отражается общее недоверие к властям, озабоченность масс-медиа упадком нравственности в политике:

Политика – грязное дело плутов и казнокрадов. Следует изгнать из современной российской политики карьеристов и проходимцев, закрыть в неё доступ демагогам и аферистам, искоренить из неё преступников и коррупционеров (Литературная газета; 03.11.2010);

Но я убедился в том, что политика – грязное дело не потому, что оно грязнее других, а потому, что грязь в политике виднее. Здесь тоже много глупости, корысти, местничества, сиюминутной конъюнктуры и торгашества, предательства и, если хотите, преступлений... (Новая газета; 29.07.2002);

Политика – грязное дело. Споры нет, в политике немало коррупционеров, жадных до денег лоббистов и беспринципных карьеристов (Невское время; 10.11.2012);

Так, согласно исследованию Фонда «Общественное мнение», которое проводилось в июле прошлого года, на вопрос о том, что первое приходит в голову при словах «депутат Госдумы», граждане отвечали: «бездельники», «балаболы», «дармоеды», «воры», «коррупционеры», «жулики». В России все уверены: политика – это грязное дело (Новые Известия; 18.01.2008).

Нечестный политик может получать общеоценочную характеристику: *Мне*

один очень известный и умный человек сказал: «Ты плохой политик. Потому что хороший *политик* – это *подлец*» (АиФ; 18.03.1998), где *подлец* – «подлый человек, негодяй» [ТСРЯ 2008: 667] → *негодяй* – «подлый, низкий человек» [Там же: 506] → *подлый* – «Низкий в нравственном отношении, бесчестный» [Там же: 668].

Анализ отрицательных номинаций, по мнению Е.И. Шейгал, «позволяет по принципу «от противного» вывести имплицитно <...> образ идеального политика» [Шейгал 2000: 101]. Среди прочих признаков автор указывает: «Власть для него не самоцель, он не стремится использовать ее для достижения личной выгоды. Он честен, порядочен, принципиален, инициативен, не склонен к конформизму, соблюдает нормы морали» [там же: 101–102].

Выводы

Система признаков, выделенная при характеристике области-источника метафоры *политика – это грязь*, может быть «измерена, описана и оценена в соответствии с «вещностью» предмета» [Колесов 2014. Т.2: 539].

Анализ фреймо-слотовой структуры области-источника концептуальной метафоры *политика – это грязь* выявил смысловые характеристики вещественного существительного *грязь*, которые играют важную роль при их перенесении в область мишени. Концептуальная сфера донорской базы включает 3 фрейма, каждый из которых формируется слотовыми конкретизаторами. Определение различных видов агрегатного состояния грязи (жидкое, вязкое и твердое состояние) показало процентный приоритет жидкой грязи.

Анализ фрейма перцептивной характеристики грязи продемонстрировал заполняемость контекстами всех пяти видов восприятия в соответствии с ведущим анализатором, участвующим в построении перцептивного образа: визуальное; аудиальное; осязательное / тактильное; вкусовое; обонятельное осознание. При этом осязательное ощущение синкретично, так как передается, кроме прямой адъективной лексемы, описанием агрегатного состояния грязи (вязкость, липкость, мягкость и др.).

Среди характеристик области-источника определились специфические признаки грязи, манифестированные в политическом дискурсе: большой объем вещества и трудность очищения от грязи. В связи с последней характеристикой оказалась важной для конструирования концептуальной метафоры архетипическая

оппозиция *чистота – грязь*, где грязь воспринимается как когнитивное отклонение от нормы.

Полученная заполняемость фреймо-слотовой структуры области-источника приводит к важному выводу: в содержательной структуре понятия присутствуют смысловые компоненты, потенциально сообщающие веществу оценочное значение и позволяющие метафоризировать образ грязи.

Анализ фреймо-слотовой структуры области-мишени выявил метафорическую оценочность, обусловленную физическими свойствами названного вещества. При выделении двух фреймов «Процессы речевого взаимодействия» и «Характеристика политической деятельности» был определен аксиологический потенциал каждого фрейма. Анализируемые контексты позволяют сделать вывод о способности грязи передавать свои качества и изменять состояние принимающего её субъекта / объекта, пачкать его, делать нечистым в морально-нравственном отношении. Метафорически выражаются негативные ситуации: через образы покрытия жидкой грязью – получение негативной и лживой информации из некачественных источников, очерняющей политического реципиента и превращающей его в аморальную личность; через интерпретацию грязи как объемного вместилища – пребывание в неблагоприятной политической среде, безнравственное и нечестное поведение в общественных отношениях. Перцептивный образ грязи в обоих фреймах может быть рассмотрен в качестве сильного по интенсивности проявления аксиологического знака в анализируемой когнитивной метафоре. В метафорической интерпретации синтаксических конструкций характеристики *политика – грязь / грязное дело* описываются ситуации влияния определенной среды на формирование морального облика политика, разложения нравственного состояния политического сообщества, сопровождающегося проявлением духовного опустошения, продажности, личного обогащения политиков в ходе выполнения ими своих должностных обязанностей и других экспликаций низменных чувств и инстинктов, отступающих от императивных принципов общественной морали.

Глава 2. Смысловое развертывание базовой метафорической модели *политика – это грязь*

Цель данной главы – выявить смысловое развертывание базовой метафорической модели *политика – это грязь* на основе базового признака когнитивного отклонения от нормы. Анализ сегментов метафорического поля позволит представить своеобразный «ассоциативно-иерархический портрет» [Методика построения ассоциативно-иерархического портрета... 2017] анализируемой концептуальной метафоры.

Цель достигается решением конкретных задач:

- провести кластеризацию метафорического материала на парадигматической основе: а) синонимических связей; б) метонимических отношений; в) тематической родо-видовой однородности;
- охарактеризовать кластеры «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор»;
- провести кластеризацию метафорического материала на основе ассоциативной когнитивной смежности;
- охарактеризовать кластер «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека».

Концепт *грязь* вербализирован вещественным существительным, специфика которого состоит в том, что в этом лексико-грамматическом классе «наиболее богато представлены категории нижестоящего уровня» [Калинина 2009: 242]. В целом для денотативной сферы «Вещество» характерна чрезвычайно сложная и дробная организация. Эта сложность объясняется тем, что все разнообразие видов материи передаётся в основном за счет категорий нижестоящего уровня.

Исходный образ грязи, лежащий в основе концепта, «является вектором конфигурации смыслов, присущих всей тематической группе, организуемой этим концептом» [Карасик 2009: 4]. Данную систему взаимосвязанных значений В.И. Карасик называет лингвокультурным кодом. Конфигурация смыслов тематической группы, связанных ассоциативными связями, на наш взгляд, является не жестко организованной логической классификацией, а кластеризацией образных средств вокруг базовой модели. Концепт *грязь* допускает открытый ряд

понятийного расширения, опирающийся на базовый признак когнитивного отклонения от нормы.

Кластеризация – это процесс группировки множества объектов в классы на основании схожих признаков. Классы не заданы заранее, они образуются на основе определенного алгоритма или ассоциативных связей. Кластерный подход, один из продуктивных методов современных исследований, используется в разных областях знаний. Прежде всего в машинном обучении, а также в автоматических процедурах распознавания текстов, основанных на статистических методах корреляции встречаемости искомых объектов, характеризующихся значимым превышением их частот над средним уровнем, см., например: [Шмулевич, Киселев 2007].

Автоматические процедуры используются и в методике кластерного дискурсивного анализа [Koller 2003]. Основу методики кластерного анализа метафорических моделей «составляет исследование распределенности метафорических выражений по структуре текста посредством программ-конкордансов (WordSmith, AntConc), которые позволяют увидеть, в какой части текста (начало, середина, конец) встречается то или иное метафорическое словосочетание» [Калинин 2021: 116]. В зависимости от этого исследователи устанавливают, какую функцию выполняет метафора в структуре текста.

Этот метод широко применяется в психолингвистике: «Кластерный анализ – один из психолингвистических методов, в основе которого лежит процедура классификации материала на произвольном основании. ...При назывании кластеров выявляются либо существенные для отнесения к какой-то категории признаки классифицируемых слов, либо образно ситуативные связи, функциональные признаки, отражающие эмпирический опыт говорящего» [Гридина, Коновалова 2015: 55–56].

Для кластеризации материала выбираются разные стратегии. В основе стратегии рациональной классификации могут лежать «стратегии кластеризации по принципу тематической однородности, ситуативной (метонимической смежности), родо- и видо-видовых отношений между словами, синонимической и антонимической связи, грамматической (в частности синтагматической) связи между единицами одного кластера» [Там же: 60].

К рациональной классификации собранного нами корпуса метафорических высказываний мы подошли с помощью кластеризации материала. Классы единиц, выделенные нами на основе разнообразных оснований для объединения образных средств, можем назвать «актантами “грязегенности”» [Козубовская 1999], имея в виду многообразие типов и разные объемы образуемых кластеров. На выходе могут быть кластеры, объединенные довольно широкой тематикой, и мелкие более тематически-специфические группы. Ряд кластеров допускает и иерархическую кластеризацию.

2.1. Кластеры на основе парадигматических отношений

2.1.1. Кластер «Грязь» на основе синонимических связей

При кластеризации материала рассмотрим прежде всего синонимические связи с базовой единицей *грязь*, которая образно номинирует категорию высокого уровня абстракции, понятийно связанную с морально-нравственной характеристикой – с отсутствием добродетели, наличием нечто плохого, злого, см. переносное значение лексемы *грязь* – «4. *перен.* Безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях» [ТСРЯ 2008: 175]. Данная аксиологическая категория вербализуется в формуле характеристики *политика* – *это ...* с помощью прямооценочных пейоративных языковых единиц:

– *мерзость* – абстрактное адъективное существительное от *мерзкий* – «Отвратительный, гадкий» [Там же: 440]:

Во-первых, политика – это мерзость, а во-вторых, вы обязательно напечатаете не то, что я скажу, – в этом я убеждаюсь постоянно (Репортер; 14.01.2000).

Негативные прямооценочные слова могут находиться в одном синонимическом контекстном ряду, усиливая негативно-оценочный эффект концептуальной метафоры, см., например:

Ведь есть некоторые, которые считают, что политика – это мерзость. Другие им возражают, говоря, что это не мерзость, а большая мерзость, а также гадость, пошлость и гнусность! (Континент; 15.01.2004):

– *гадость*, см. *гадкий* – «Очень плохой, мерзкий; вызывающий отвращение» [ТСРЯ 2008: 142];

– *гнусность*, см. *гнусный* – «Внушающий отвращение, омерзительный» [Там же: 156];

– *пошлость*, см. *пошлый* – «Нравственно неразвитый, безвкусный и грубопримитивный» [Там же: 713].

Будущее же не за экономистами и политиками, а за людьми культуры. Политики – это дрянь, – с металлом в голосе сказал он. – Тем более у нас в России лишь два настоящих политика (Комсомольская правда; 10.04.2002);

Но точнее всех выразился писатель-сатирик Михаил Задорнов: «Политика – это дрянь» (ЛДПР; 13.05.2002):

– *дрянь* – «(разг.) 2. О ком-чем-н. скверном, плохом, ничтожном» [ТСРЯ 2008: 218].

Это не политика, это бесстыдство (Эксперт; 25.07.2016):

– *бесстыдство*, см. *бесстыдный* – «Лишенный чувства стыда, противоречащий общественной морали, непристойный» [ТСРЯ 2008: 43].

Последнее противительное высказывание методом трансформации можно перевести в утвердительное с обязательным включением оценки: *такая политика – это бесстыдство*. «Семантика противительности сформировалась в языке именно с этой конкретной целью – целью выражения равнодушного отношения к объекту» [Милованова 2010: 639].

Синонимичными к варианту *политика – это грязное дело* также могут выступать другие лексемы со смысловым компонентом деятельности или предметной области:

В последнее время коррупционные дела в самых разных странах, в том числе и в России, стали мощным и все более привычным средством политической борьбы. Рассуждения о том, что политика – это грязная сфера, в которой обращаются большие деньги, неизбежно прилипающие к рукам распорядителей, изрядно поднадоели (Московские новости; 22.11.1995);

Для меня политика — грязная игра, выбор между крысиным дерьмом и битым стеклом, и я не хотел бы стать частью этого (Московский комсомолец; 23.10.2008);

*Даже в такой чуждой монастырь, как политика, следует вступать со своим уставом, поскольку **политика – грязная игра с грязными правилами** (Тихоокеанская звезда; 16.02.2005);*

*А вот знатоки политических интриг твердо знают: то, что называется в **политике «грязью»**, это искусная **игра на людских пороках** – продажности, подлости, зависти, лицемерии, соблазнах, страхе, алчности, мстительности, меркантильности (Орловские новости; 02.08.2007).*

Лексема *игра* приобретает конвенциональную оценочную характеристику в языке, см: словарное толкование слова *игра* – «7. Преднамеренный ряд действий, преследующий определенную цель; интриги, тайные замыслы» [МАС Т.1. 1981: 628]. Отрицательная коннотация, появляющаяся у слова, определяется аморальным поведением субъекта политической деятельности: «Абсолютное большинство политических метафор, связанных с концептами игры, имеет негативный прагматический потенциал, что обусловлено непосредственно предметной понятийной сферой. Игра изначально воспринимается как имитация деятельности, а не собственно деятельность: детские игры имитируют занятия взрослых» [Литвинова 2007: 103].

***Оглушенные политической свистопляской, мы часто забываем, что должны жить ради детей, будущего России** (Арсеньевские Вести (Владивосток), 21.06.2001);*

Вся эта свистопляска с планами политического вторжения **попахивает нехорошо* (Новая газета; 18.02.2021).*

Внутренняя форма лексемы *свистопляска* со значением «разнузданное проявление чего-н. отрицательного» [ТСРЯ 2008: 863] опирается на звуковую перцептивную характеристику действия. Этимологически лексема восходит к вятскому по происхождению слову, означающему тризну «по убитым ошибкою вятчанами устюжанамъ (в XIV вѣкѣ?), пришедшимъ на помощь и принятымъ за неприятели, за что первые прозваны ...**свистоплясами**; въ этотъ день (четвертая суббота отъ Пасхи) свищуть в глиняныя уточки и дудочки, на оврагѣ, у часовни» [ТСЖВЯ 1994. Т. 4: 67]. Использование «звуковой» языковой единицы в политическом контексте поддерживается глаголами звучания *загрохотали* *грязные технологии*, *оглушенные политической свистопляской*, семантику неодобрения

усиливают глаголы из других перцептивных сфер: *свистопляска попахивает нехорошо*.

Смысловое восприятие свистопляски как деятельности поддерживается контекстными глагольными сопроводителями, указывающими на протяженность действия во времени: *началась / понеслась / будет продолжаться / закончится свистопляска* и др.

2.1.2. Кластер «Грязь» на основе метонимических отношений

В современной лингвистике «метонимия описывается как семантический переход, возникающий на базе «смежности» двух ситуаций. При метонимическом сдвиге семантическое отношение между двумя значениями возникает в границах общей для них концептуальной области, и назначение механизма метонимии — в выделении, акцентировании некоторого фрагмента этой области» [Рахилина, Карпова, Резникова 2009: 421].

Базовая структура может подвергаться модификациям разного рода. Если метафора, по мнению Е.В. Падучевой, представляет собой категориальный сдвиг, то метонимия – это «сдвиг фокуса внимания» [Падучева 2004: 158]. Ученые на разном языковом материале обращаются к описанию метонимических сдвигов: на материале глагольной лексики [Кустова 2004], на сопоставлении литературного языка и сленга [Розина 2005]; на материале прилагательных рассмотрены актуальные тенденции метонимического переноса признака с деятельности на лицо [Сандакова 2004]; к анализу метонимии существительного и глагола обращается: [Петрова 2021] и др.

В первой главе мы писали, что перцептивный образ грязи представляет собой сильный по интенсивности проявления аксиологический знак в анализируемой когнитивной метафоре. Модусы перцепции – цвет, звук, запах, вкус – в совокупности создают мощную зону сенсорного напряжения, которая в анализируемом материале образует особый кластер метонимического сдвига перцептивных образов.

Для подтверждения своей мысли рассмотрим следующий пример. Прилагательное *черный* выражает цветовую характеристику грязи в концептуальной метафоре *политика – это черная грязь / черная грязь политики* и др. Метонимически это прилагательное может перейти из области-источника в

область-мишень и напрямую оценивать целевую сферу – политику: *черная политика*. Словосочетание приобретает метафорическую характеристику темного, злобного, безнравственного. Цветолексема *черный* исторически обладает в русском языке богатым номинативным потенциалом. Чёрный цвет в русской традиции означает «преступный, злостный, подлый», см: [Владимирова 2013; Кимов 2018; Костякова 2010].

*«Мы будем встречаться, обсуждать вопросы и разбираться с теми проблемами и территориями, штабами и людьми, которые ведут **черную политику** во время избирательной кампании, – пообещал секретарь политсовета регионального отделения «Единой России» Валерий Семенов (Независимая Газета; 25.01.2010);*

*В этой жизни, окно в которую открыл мне изгнанный людьми из города, но полный сил и готовый безупречно работать телевизор, не было всего того, что так отвратительно и мерзко: **черной политики**, серой лжи, бурой ненависти (Новая газета; 04.07.2016);*

*Беларусь поделена, разрушена, и по отношению к ней осуществляются самые гадкие приёмы **чёрной-пречёрной политики**, – писали «Белорусские ведомости» 14 сентября 1921 года (Родина; 09.07.2012);*

*В стране сформировалась «**черная политика**», аналогичная «черному рынку», «черному налу», «черному суду» и т. п. (Советская Россия; 11.12.1998).*

См. метонимический сдвиг цветового прилагательного *мутный*:

*Того же Сергея Миронова, который проводит, по оценке депутатов-коммунистов, какую-то **мутную политику**: то подпишет документ, который лидеры других партий не подписали, то уклонится от выполнения уже подписанных договоренностей о совместных действиях с другими партиями (Красный путь; 29.02.2012);*

*Во всей этой **мутной политике** скрывается один вопрос: почему власть так не любит и даже презирает свое население? (Московская правда; 11.04.2008);*

*Сегодня люди растеряны и подавлены: разбойные цены, беспредел, **мутная политика** (Удмуртская правда; 22.08.2000);*

*Есть мнение, что слово «кризис» уже стало просто отговоркой хапуг работодателей, нерадивых заёмщиков и **мутных политиков**, объясняющих этим*

очередные сокращения, урезания зарплаты, увеличение объёма работы и подорожание продуктов (АиФ Иркутск; 04.11.2015).

Следующий пример – прилагательное *вонючий*. В исходном значении оно обозначает неприятный запах грязи – *вонючая грязь политики*. Напрямую оценивая политику как *вонючую*, прилагательное характеризует ее безнравственность. Сам перенос перцептивных признаков из области-источника в область-мишень, с одной стороны, затрудняет метафорическую интерпретацию, требуя дополнительных когнитивных усилий. С другой стороны, становится результатом развития у прилагательных значений отрицательной морально-нравственной оценки:

Эти вонючие политики всегда отравляли людям жизнь (Губернские вести; 02.06.2000);

Мы повзрослели. Мы все теперь живем при угрозе терроризма, и настало время поговорить об этом. Но я не хочу учить людей жить так, как это делают вонючие политики! (ТВ Парк; 29.08.2005);

Политические игры и вонючие политики не смогут сбить страну с её пути! (Правда КПРФ; 20.06.2017);

Он не обнаружил ни вшей в волосах британских дипломатов, ни политического зловония, которое распространяет вокруг себя вышеупомянутый совет (Арсеньевские вести (Владивосток), 30.01.2008).

См. метонимический сдвиг других ольфакторных лексем:

Ты, шахтер, всю жизнь проживший в труде и правде, вдали от московского политического смрада, даже не представляешь всех уловок и подлостей, на которые способны режим и его пресса, чтобы сдуть вас с моста, как сдувают пену с пивной кружки (Советская Россия; 30.06.1998), где *смрад* – «отвратительный запах, вонь» [ТСРЯ 2008: 905];

Иными словами, я обязан всем поползновениям нынешней затхлои политики давать решительный отпор (Искра Уральская; 13.02.2004);

Конечно, маятник имеет свойство совершать резкие колебания, и геронтократия (власть пожилых) в правящей партии, в идеологии, в СМИ сменилась ювенократией (властью юных), но не в затхлои политике, не на прорывных направлениях государственного созидания, а чисто внешне – в управляемых СМИ, и особенно наглядно – на телевидении (Литературная газета;

22.06.2005), где *затхлый* – «с тяжелым запахом, испортившийся от гниения, сырости» [ТРСЯ 2008: 270]

Единичны примеры метонимического переноса тактильной и вкусовой перцептивной характеристики:

*Практически любой вариант будет означать продолжение довольно **вязкой политики*** (Российская газета; 06.05.2003);

*Это была какая-то **вязкая политика**, и никакого движения вперед не было* (Советский Сахалин; 23.05.2012);

*«К тому времени, как он (Трамп) уедет, он узнает и мир узнает, что люди здесь (в Британии) отвергают его и его **ядовитую политику**», – заявил представитель движения «Противостоять Трампу»* (Российская газета; 04.06.2019);

*У нас есть противоядие против этой **ядовитой политики** Запада?* (Комсомольская правда; 27.03.2018);

*Это какая-то **грязная, ядовитая политика*** (Время новостей; 22.01.2008).

2.1.3. Кластеры тематической однородности, выделенные на основе родо-видовых отношений

Исходный образ грязи, лежащий в основе концептуальной метафоры, объединяет в один тематический класс разноплановые лексические единицы, обозначающие негодные, ненужные остатки жизнедеятельности человека.

Вещественные существительные – это слова, называющие не только материю, из которой состоит природный или артефактный объект, но и «отходы существования объекта» [Калинина 2009: 19]. «Весь материальный мир с точки зрения Человека Потребляющего так или иначе расценивается как объект потребления и утилизации» [Олянич 2003: 169]. С этих позиций когнитивный интерес представляет содержимое вещного мира, связанного с областью утилизации всего ненужного человеку.

Отрицательная коннотация не вызывает сомнений: это все то, от чего приходится постоянно избавляться человеку. Концептуальное объединение разновидностей «актантов грязегенности» формирует в ментальной сфере человека утилитарно-оценочные категории, с одной стороны, пользы, с другой стороны, нечистоты и бесполезности.

2.1.3.1. Кластер «Отходы человеческой жизнедеятельности»

Отходы человеческой жизнедеятельности конкретизируются в человеческих биологических выделениях, которые отражают особый участок деятельностного опыта человека. Для современного общества человеческие биологические выделения, «шлакообразные продукты пищеварения становятся нечистотами, когда выходят за пределы прямой кишки» [Захарьин 2007: 137].

В современном обществе существует коммуникативное табу на обсуждение или упоминание физиологических процессов человеческого организма. Негативный характер метафоры детерминируется самой областью денотации: лексика, находящаяся в «тенево́й зоне», включает наименования результатов физиологических отправления и относится к грязным словам. «Упоминание о кале в обценной фразеологии является оскорблением, приравнивающим человека к нечистотам, а в народной смеховой культуре служит способом «отсылания» к телесному низу» [Левковская 1999: 437].

Современная лингвистическая дисциплина «Культура речи», сформулировав коммуникативные качества хорошей речи, в ряду последних выделила качество *чистоты речи*. Чистой, прежде всего, является речь, свободная от «элементов, чуждых литературному языку по нравственным и эстетическим соображениям» [Матвеева 2003: 397]. Аномальным является грязное слово, унижающее достоинство адресата. «К грязным словам относится так называемая обценная лексика, подвергающаяся в русской культурной традиции запрету на открытое употребление, особенно в письменной речи. В эту лексику входят скатологическая лексика в ее прямых значениях (табуированные номинации, связанные в своем первичном употреблении с обозначениями телесного низа и его физиологических функций) и русский мат» [Вепрева 2007: 89].

Таким образом, аксиологическая предвзятость таких слов заложена уже на уровне языка при характеристике политики как безнравственной сферы деятельности. Инвективная лексика намеренно оскорбляет или унижает морально-нравственную основу политики.

К таким единицам относятся слова *экскременты, испражнения, кал, нечистоты, дерьмо, говно*.

Данные единицы образуют стилистически маркированный ряд. К нейтральным можно отнести лексему *нечистоты*, в медицинском обиходе употребляются слова *экскременты, испражнения* и *кал*. Сниженными просторечными и грубыми являются слова *говно* и *дерьмо*. Две последние единицы являются единицами бранными в составе фразеологических оборотов.

Подтвердим наши рассуждения лексикографическими данными.

Толкование лексем:

– *кал* – «Содержимое кишечника, выделяемое при испражнении» [ТСРЯ 2008: 317];

– *экскременты*, см. *испражнения* – «То же, что кал» [там же: 308];

– *дерьмо* – «1. То же, что кал. 2. перен. О ком-чем-н. негодном, гадком (бран.)» [там же: 193];

– *говно* – «1. Экскременты, кал. 2. То же, что дерьмо (во 2 знач.) (бран.)» [там же: 156].

Лексема *дерьмо* является эвфемистической единицей по отношению к более грубой *говно*. См.: *дерьмо* – «вм. прям. наименования испражнений. Простор. бран. употр. как эвф. только в составе фраз., содержащих бран. слово г***о. эвф. фраз.» [СЭРЯ 2008: 109].

Наш материал показывает, что в анализируемых высказываниях эти единицы выступают в качестве контекстных синонимов, что позволяет объединить их в парадигму синонимически-градуального типа: *грязь – дерьмо – говно*:

Любая политика – дерьмо, или, мягче выражаясь, – грязь (Красноярский рабочий; 09.10.2014);

«Накануне выборов, как правило, происходит выброс грязи, вранья и извините, политического дерьма», – заявил вице-премьер (АИФ-Урал; 26.09.2007);

Руководящие единороссы в истории с Воробьёвым не обналичивают имён во избежание вляпаться в грязь, испачкаться в говне и прослыть сопричастным к трагедии и вранью и прочей адской nepотpeбцине (Правда Северо-Запада (Архангельск); 06.11.2013).

Лексема *нечистоты* имеет сложную семантику: с одной стороны, это «содержимое отхожих мест» (основное значение), с другой стороны – «отбросы» [ТСРЯ 2008: 521]. В данном кластере будут приведены контексты с основным значением слова.

Ниже проиллюстрируем рассуждения контекстами, включающими перечисленный ряд единиц:

Однако даже талантливые профессионалы в таком потоке лжи не могут долго продержаться на уровне – видно, как Доренко и его команда творчески деградируют и приходится им с головой нырять в ассенизаторский поток жидких политических нечистот (Томская неделя; 04.11.1999);

Можно сказать и проще: кандидаты не вываливали на головы друг друга ведра политических нечистот (Трибуна; 31.08.2004);

Политика, опрокинутая в географию, – назвал спор о названиях в стенах Думы профессор Университета дружбы народов Михаил Горбаневский, председатель правления Гильдии по документационным и информационным спорам. <...> Нужно было 20 лет прожить без коммунизма, нужно было, чтобы разные Ющенко и Гимну кинули в Россию экскрементами! – горячился глава фонда (Комсомольская правда; 15.07.2010);

Последние призвали тбилисцев выйти на улицы и вместе защитит себя от насилия «шизоидной власти» и «политических экскрементов» (Независимое военное обозрение; 14.12.2007);

В условиях тех политических испражнений — по-другому не скажешь, когда, казалось бы, истина, разумное решение не просто лежат на поверхности: их надо принять, и все будет нормально, пришлось некоторым доказывать, что белое – это белое, а черное – это черное... (Рабочий край (Иваново); 19.05.2005);

Затем другой виноторговец, президент Саакашвили, сообщил, что во всем мире грузинское вино именуется «напитком свободы». Сторонний наблюдатель не поймет, что же ему предлагают: то ли возвышающий душу эликсир, то ли чащу, полную кала и мерзостей (Известия; 06.05.2006);

Конечно, А. Проханов и В. Чикин, Г. Зюганов – это не политический навоз, это политическое говно, которое сильно воняет, а толку нет (Дуэль, Москва; 11.07.2000);

*Борис Ефимович, как-то осенью в газетном интервью вы заявили, что большая **политика** – это **дерьмо**. И тогда же вы добавили, что люди, туда приходящие, в скором времени волей-неволей обрастают **политическим дерьмом**. Любопытно, сколько его сейчас на вас? (Томский вестник; 06.03.1999).*

***Политика** – **дерьмо**, поскольку работа при либеральном строе также отупляющая и неблагодарна, как и при любом тоталитарном (Алтайская правда; 10.12.2004);*

*А Джонни Роттен здесь на каждом углу кричит, что «все **политики** – **дерьмо**, а политическая система – страна **Дерьмовия**» (МК в Чебоксарах; 12.07.2011);*

*В одной из бесед я вас спросила, каково **ковыряться** годами в **политическом дерьме** и быть «**чистильщиком**». «А я привонялся» – ответ. Но так можно и самому начать **пахнуть** (Аргументы и факты; 16.04.2014);*

*А вообще, я считаю, что вся **политика** – **дерьмо**, все «народные слуги» – козлы и мудаки (Новая Сибирь; 08.04.2000);*

*Не слишком разумные заявления некоторых наших **политиков** звучали особенно смешно на фоне таких сравнений. Люди, которые **по уши в** волшебном **дерьме**, лезут учить и наблюдать (МК; 10.11.2016);*

*А порядочные люди для того, чтобы **слить в унитаз всплывшее политическое дерьмо**, должны объединяться, забывая на время о разногласиях (Новый Петербург; 22.09.2005).*

Контексты вербализуют отрицательный аксиологический потенциал данных единиц в приложении их к политической сфере, см. оценку этих единиц в «Словаре русской ментальности»: *кал* – «символ бесполезной и грязной субстанции» [Колесов 2014. Т.1: 355]; *дерьмо* – «все дрянное и непристойное» [Там же: 201]; *говно* – «оценка, ...свидетельствующая о высшей степени возмущения. Символическое именование отвратительного и гадкого в человеческой жизни, деятельности и судьбе» [Там же: 160].

В этот ряд единиц вписывается лексема *фекалии*, значение которой обыденным языковым сознанием синонимизируется с перечисленными выше единицами. Но толковые словари уточняют специфику значения данного слова:

– *фекалии* – «*Спец.* Органические удобрения, состоящие из мочи и кала» [МАС 1984. Т. IV: 557].

Особенностью этого класса единиц является их способность выступать в функции удобрения. Лексема *фекалии* в значении удобрения выстраивается в один понятийный ряд с *навозом* и *птичьим пометом*. Контексты нашего корпуса отражают обыденное понимание слова:

*И предсказывали полную потерю доверия к правой оппозиции, если «Яблоко» срочно не пересмотрит свою стратегию. Или снимайте белые перчатки и делайте дело, пусть даже малость перемазавшись **политическими фекалиями**, или готовьтесь отойти в небытие!* (Регион-Информ. Политическая ситуация в регионах России.; 27.12.1999); *Наказание лишь частный случай, и если оно случится, то его применение будет единичным, Закон смое**т политические фекалии** в небытие, и во власть придут люди умные и знающие, желающие честно и преданно служить своей родной стране* (Дуэль; 26.09.2004).

К проанализированным выше нечистотам можно присоединить и отходы жизнедеятельности животного мира:

– *помет₁* – «Кал животных, птиц» [ТСРЯ 2008: 694];

– *навоз* – «Помет₁, а также смесь помета со стойловой подстилкой, употр. как удобрение» [там же: 474]:

*И как знать, прояви Евгений Сорокин большую настойчивость, поддержи его хотя бы 3-4 депутата, а, главное, не были бы закрыты политической задачей глаза председателя облдумы Гребенникова, то и не вяпалась бы наша область в очередной **политический навоз*** (Интер (Волгоград); 07.08.2003);

*Так что готовьтесь, дорогие друзья, нас с вами будут орошать **политическим пометом** до декабря* (Областные вести (Волгоград); 08.08.2003).

К биологическим отходам жизнедеятельности человека относятся выделения из других органов человеческого тела, например:

– *сопли* – «(*прост.*) Слизь, вытекающая из носа» [ТСРЯ 2008: 919]. Данное биологическое выделение также относится к «актантам грязегенности»:

России нужно протопить по-народному баньку, хорошенько с веничком попариться, помыться, надеть чистую рубаху... Словом, навести в доме

элементарный бытовой, политический и правовой порядок и только потом говорить об «Евангелии для новой России». **Без чистых рук, без большой помывки** наши **политики** и идеологи будут, используя лексикон В. Путина, «ещё 10 лет только **сопли жевать**» (Аргументы и факты; 26.04.2006).

Фразеологизм *жевать сопли*, являясь экспрессивно-разговорным, означает «медлить, бездействовать». Контекст синтагматически усиливает образ грязного политика отрицательно заряженным образным выражением его бездействия.

Еще одно биологическое выделение – это слюна человека, выделяемая из ротовой полости. Выплюнутый сгусток слюны, называемый *плевком*, в русском языке получает переносное употребление в составе словосочетания *плюнуть в лицо кому-н.* со значением ‘откровенно оскорбительного и крайне грубого поступка’:

*Репрессии, унижение, очернительство, **политические плевки** со всех сторон – все это испытали они в своей жизни, не поступившись принципами и честью ни на миг* (Сельская жизнь; 29.02.1996);

*И бывает очень обидно, когда люди, сделав дело, возвращаются, а вслед им летят **политические плевки*** (Красноярский рабочий; 07.08.2002);

*Анкара отказалась выдавать террористов – это был **политический плевок** в лицо СССР, и Брежнев не стерпел* (Независимая газета; 16.04.200).

2.1.3.2. Кластер «Мусор»

К негодным, ненужным остаткам жизнедеятельности человека относятся предметы, которые не представляют ценности для человека, являясь для него бесполезными. Они создают неприятную картину «заднего двора» жизни человека, являя собой заурядные атрибуты жизненного пространства. Единицы объединяются по признаку негодного для повседневной жизни человека: «отрицательная языковая коннотация не вызывает сомнений: сор – это все бросовое, грязное, ничего не стоящее, то, от чего приходится постоянно избавляться» [Кушкова 2007: 163]. См. также: «*мусор* – всякого рода сухие отбросы, утратившие свою ценность и приготовленные к уничтожению» [Колесов 2014. Т.1: 469]; «*сор* – негодные остатки по завершении дела, всякий бытовой **мусор**, любое ставшее ненужным явление» [там же. Т.2: 302].

Направленный в сферу политики вещный мир всего старого и ненужного создает негативную ауру сфере политической работы, ставя под сомнение

утилитарную значимость пользы этой деятельности. Статус мусора маркирован негативным, нечистым, представляется низом бытия, усиливая смысл нравственной грязи.

В современном обществе отношение человека к мусору становится антропологической проблемой философско-культурологического уровня [Гончаренко 2015; Кожаринова 2017; Осипова 2011; Фуртай 2011 и др.]. Мусор меняет свои характеристики в зависимости от культуры эпохи, в которой он существует. Если в традиционной крестьянской культуре органические отходы использовались как удобрение, то в городской среде большой объем мусора создавал уличные свалки, грязь и зловоние, поскольку отходы носили неорганический характер. «Индустриальная культура выстраивает следующие отношения с мусором: отторжение, табуирование, вытеснение в сферу запрещенного, присваивание маркера ‘оскверненности’» [Кожаринова 2017: 100]. Современная эпоха, напротив, пытается реабилитировать и эстетизировать ранее презираемый мусор, который сегодня становится источником вдохновения и материалом для творчества [Гончаренко 2015]. Эстетизация мусора и грязи как способа очищения, «приручение» отбросов формирует целое направление искусства, получившее название *трэш-арт*, вписавшееся своими чертами в стилистику постмодернизма.

Метафора мусора имеет латинский синоним – квисквилиарная метафора «(термин образован от латинского слова *quisquiliae*, *agum f* — 1) отбросы, сор, мусор; 2) подонки, сброд (в первом значении встречается в произведениях древнеримского комедиографа Цецилия Стация и древнеримского писателя Апулея; во втором значении — в трудах Марка Туллия Цицерона)» [Дзюба 2017: 36].

Кластер «Мусор» объединяет единицы по признаку «нечто негодное для повседневной жизни человека»: это все бросовое, грязное, ненужное. К мусорогенной среде, к актантам «мусорогенности» можно отнести такие единицы, как *мусор, сор, пыль, отбросы, помои, ветошь, лохмотья, старье, рухлядь, хлам, утиль, осколки, обломки* и др. Внутри этой группы возникают тематически более мелкие кластеры, но прежде, чем обращаться к характеристике перечисленных единиц, выделим группу с родовой семантикой, которая определяет кластер обобщенно: *политический мусор / сор / пыль*.

Концепт *мусор* так же, как и базовый концепт *грязь*, являясь общим родовым понятием для большой группы единиц с конкретной семантикой, вступает в ассоциативные синонимические связи с прямооценочными пейоративными языковыми единицами, которые обозначают все то, что стало неуместным: *ерунда*, *чепуха*, *никчемность*:

– *ерунда* – «(разг.) 1. Вздор, пустяки, нелепость. 2. О чем-то **несущественном, незначительном**» [ТСРЯ 2008: 226];

– *чепуха* – «(разг.) То же, что ерунда» [Там же: 1086];

Никчёмность → *никчёмный* – «**Ни для чего ненужный, плохой и бесполезный** (разг.)» [Там же: 523], например:

...*Чтобы не загружать всякой **политической ерундой** такого занятого человека, как Владимир Путин* (Московский комсомолец; 29.10.2010);

*Так что американец получает весьма нелишнюю ему сегодня дозу здорового, не замутненного никакой **политической ерундой** патриотизма, а для любознательного россиянина это прекрасная возможность познакомиться с американским провинциальным самосознанием* (Книжное обозрение; 13.07.2009);

*Речь идет о затягивании обсуждения реформаторских инициатив президента в море **политической ерунды и чепухи*** (Воронежские вести; 17.11.2000);

«*Я обычный гражданин, уставший от **политической чепухи**, исходящей из Вашингтона, обременяющей граждан и ограничивающей религиозные и экономические свободы*», – сказала Борович (Независимая газета; 17.04.2019);

*Волна **политической никчёмности**, слякотности и пустоты захлестнула всю чешскую жизнь – такую мрачную картину рисовал либеральный пражский 'Час', выражая взгляды, близкие будущему президенту Чехословакии Томашу Масарику и партии реалистов* (Родина; 01.08.2014);

*А вот истошные вопли некоторых депутатов, за которыми скрывается их **политическая никчемность**, меня раздражают* (Звезда (Пермь); 09.02.2006).

Толкования лексем *мусор* и *сор* находятся в отношениях взаимной идентификации: *мусор* – «Отбросы, сор» [ТСРЯ 2008: 467], *сор* – «Мелкие сухие отбросы, мелкий мусор» [там же: 920]. Хотя слово *сор*, несмотря на лексическую близость, является более содержательной.

Семная структура слова *sor* включает сему *размера* ('мелкий') и «как следствие — разъятость (образуется путем отделения мелких частиц от более крупных предметов); множественность при сохранении однородности (т. е. без различия того, от каких предметов он образовался)» [Кушкова 2007: 163], а также сему *агрегатного состояния вещества* ('сухой'), отсутствия собственной формы «(как следствие разъятости и сухости)» [там же]. Кроме того, А. Кушкова подчеркивает связь сора с нечистотой: «сор не только «грязен» сам, но и делает грязным то, с чем приходит в контакт» [там же], а также с остаточностью: сор вторичен по своей природе, и в этом смысле всегда «стар».

Приведем метафорические высказывания с данными единицами.

Политический мусор

К метафорическому мусору те или иные политические партии относят своих конкурентов, подчеркивая ничтожность и никчемность своих соперников, тем самым утверждая собственную значимость в глазах общества:

Для расчистки политической арены от действительно оппозиционных, в первую очередь рабочих и коммунистических организаций (или, как выражается замминистра юстиции Е. Сидоренко, «политического мусора»), власть имущие используют метод постепенного, но перманентного ограничения свободы действий через реформирование законодательства (Искра Уральская; 26.03.2004);

«Не хватает культуры диалога» – На днях один из наших медийных политиков назвал нашу оппозицию «лягушками с Болотной», «козявками в нечистом носу», «политическим мусором» (Магаданская правда; 22.02.2013);

До полного абсурда ситуацию довел, как водится, Жириновский. Владимир Вольфович, как известно, не воздержан на язык. Но тут он превзошел самого себя, наговорив в адрес «Родины» совсем уж обидных слов, вроде того, что эта партия – «политический мусор» (Трибуна; 28.06.2005).

Чистка от негодного может проходить и внутри одной партии. В основе избавления от ненужного и застарелого лежит конструктивная мотивация – стремление к обновлению политического коллектива, избавление от членов, зараженных морально-нравственной распущенностью и другими пороками, не украшающими члена партии:

Причин они приводят две – недовольство своим местом в партийных списках и неприятие Алексея Митрофанова, которого называют «Ксенией Собчак в штанах» и «политическим мусором» (Газета Слово; 14.09.2007);

*Позицию Аграрной депутатской группы активно поддержал и руководитель фракции ЛДПР Владимир Жириновский. Лидер либерал–демократов подчеркнул, что просто неприлично покидать группу или фракцию, выпестовавшую их, а пост и льготы руководителя комитета оставлять при себе. Последних он определил как «бомжей и **политический мусор**» (Парламентская газета; 27.11.1999).*

Способность к самокритике – один из путей очистки членов партии:

*Постоянно проверять свою работу, широко внедрять в процессе этой проверки демократический стиль в работе, не бояться критики и самокритики – это для нас единственное эффективное средство борьбы против засорения голов наших товарищей и организма нашей партии всякого рода **политическим мусором** и политическими микробами (Секретные материалы; 01.06.2009).*

Возможна критика в адрес своей партии по составу членов вплоть до выхода из нее:

*«Справедливая Россия», позиционирующая себя как вторая партия власти, превратилась в своего рода пылесос, засасывающий **политический мусор**, не нужный «Единой России», – отметил депутат (Советская Россия; 29.09.2007);*

*О решении покинуть фракцию «НИ» также сообщил депутат Александр Крутов. «Осталось совсем немного доделать свои дела, связанные с законопроектами, – сказал он. – Я не вижу смысла в ней быть, ибо фракция представляет популистскую партию, обманку, партию, которая вышла охотиться за голосами избирателей, которая **собирает** весь **политический мусор**» (Новые известия; 12.09.2007).*

Политический сор

Метафорическое употребление лексемы *сор* в политическом дискурсе наблюдается в составе прецедентных текстов:

*Самое главное в этом контексте – это, конечно, вопрос о том, из какого **политического сора** растет сенатор Арашуков (Новая газета; 01.02.2019).*

Знаменитая ахматовская строка из стихотворения 1940 г. *Когда вы знали / из какого сора / растут стихи / не ведая стыда*, утверждающая мысль о том, что поэт

способен создать высокую поэзию из любого сора повседневности (у А. Ахматовой стихи растут подобно сорнякам – одуванчику, лопухам, лебеде), в политическом контексте трансформируется в идею прямо противоположную: в сенаторе проявляется тот политический сор, на основе которой он вырос до уровня политической элиты.

Большое количество контекстов включает в свой состав фразеологический оборот *выносить сор из избы*:

Я не хотел доводить дело до крайностей, выносить политический сор из избы: речь-то о нашем городе, о Петербурге. Но в прошлом году я был вынужден сделать последний шаг – направил президенту письмо с предложением о передаче дела в Конституционный суд. Если будущий глава государства сочтет нужным, он сможет это сделать (С. А. Цыплевый) (Санкт-Петербургские Ведомости; 26.02.2000);

Казанский кремль еще со времен первого президента Татарстана Минтимера Шаймиева время от времени отправлял в почетную ссылку (политический сор здесь редко выносят из избы) некогда влиятельных чиновников, вставших в оппозицию власти (Независимая газета; 24.03.2015).

Использование лексемы *сор* в метафорическом употреблении чаще всего связано с фразеологизмом, указывающим на человеческую непорядочность, *выносить сор из избы* – «2. Разглашать где-либо или кому-либо то, что касается узкого круга лиц и чего не должны знать другие» [ФСРЯ 1986: 95]. Этнографическое исследование *сора* показывает, что «запрет «не выноси сор из избы» может быть редукцией полной формы выражения «не выноси сор из избы после захода солнца». [Кушкова 2007: 164]. Несмотря на объяснения носителей языка, которые они дают обрядовому действию (уйдет благополучие дома, возникнет угроза жизни и здоровью человека), «данные запреты связаны с окончанием дневного цикла, предполагавшего полное «собрание дома», от членов семьи до вещей, являющихся его принадлежностью, — в противном случае пространство дома как бы «размыкалось» вовне в пограничное время (ночь), когда был наиболее вероятен контакт с чужим и потенциально опасным внешним началом» [там же].

Политическая пыль

В этот же синонимически-градуальный ряд наряду с *мусор* – *сор* вписывается и лексема *пыль*, имеющая значение – «Мельчайшие сухие частицы, носящиеся в воздухе или скапливающиеся на поверхности чего-н.» [ТСРЯ 2008: 782].

К анализу образа пыли в художественной картине мира Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева обращается Е.Е. Завьялова [Завьялова 2009а; 2014]. В одной из работ исследователь проводит градацию трех понятий: пыли, сора и мусора. «**Пылью** будем называть твердые частицы, находящиеся в воздухе во взвешенном состоянии или осевшие на какую-либо поверхность; **сором** – более крупные однородные частицы, остатки от предметов; **мусором** – еще более крупные части предметов и целые предметы, обладающие признаками вторичности, нечистоты» [Завьялова 2009б: 252].

Контекстный материал, включающий словосочетание *политическая пыль*, выявляет негативную оценочность нескольких метафорических смыслов:

1) контексты реализуют идею очищения от пыли, загрязняющей политическое пространство:

Однако, возможно, что новая метла в образе Николая Львова все-таки будет выметать политическую пыль из регионального отделения партии несколько менее интенсивно (Правда Севера; 25.06.2004);

2) в основе образной семантики фразеологизма *поднимать пыль* лежит идея ухудшения качества воздуха (пыльным воздухом трудно дышать). Поскольку ядерными компонентами концепта *воздух* являются ‘дыхание’, ‘жизнь’, ‘движение’ [Бэ Сон Хен 2006; Ливенец 2007], то нарушение процесса дыхания, обеспечивающего саму жизнь, в метафорическом морально-нравственном аспекте нарушает ценностную целостность (бытовую и бытийную) природы человека:

«Политическая пыль», как выразился российский вице-премьер по поводу скандала, действительно немного улеглась, но последствия пыльной бури Москва будет ощущать еще очень долго (Новые Известия; 01.10.1999);

Может возникнуть вопрос: зачем заново поднимать едкую политическую пыль, если через пару месяцев – новые выборы? (Владивосток; 28.01.1999);

Под патронажем все тех же политиков создавались всевозможные «комиссии» по контролю за подготовкой к отопительному сезону, которые

реально повлиять на ход работ не могли, а вот политической пыли поднимали подчас столько, что обчихаешься (Воронежские вести; 29.10.2003);

3) значение фразеологизма *пыль в глаза пускать* (разг.) – «хвастаясь, обманывать, форсить» [ТСРЯ 2008: 782] несет негативную оценку. Иллокутивный эффект достигается комбинацией смыслов обмана, бесчестного действия, хвастовства, сознательно преувеличенного введения в заблуждение. Политический обман в дополнение к бытовому «направлен на поддержание внешнего благополучия того или иного института в ущерб реальной ситуации и на статусное повышение того агента института, который рапортует о фиктивных достижениях» [Карасик 2009: 10]:

Между тем за этой политической пылью в глаза становится все более очевидно, что платить за усердно надуваемый мыльный пузырь Чубайса придется властям (Трибуна; 09.06.2001);

Его позиция в этом вопросе как раз и покажет, действительно ли белорусский лидер хочет объединения или он просто пускает политическую пыль (Вечерняя Москва; 15.08.2002);

4) фразеологизм *стереть в пыль* имеет значение «с кем-то жестко расправиться, уничтожить морально, психологически или физически, превратив в ничто, в самый мелкий мусор» несет негативную морально-нравственную оценку:

И никакие усилия не позволяли начальнику всероссийской трубы скрыть злорадство и желание дождаться именно того часа, чтобы не заплатили, чтобы размазать мордой об стол, стереть в политическую пыль, вытереть сапоги и – на-ка-затъ (Псковская губерния; 13.01.2010);

Растертая Кремлем в политическую пыль и пущенная по ветру либеральная оппозиция вновь пытается собраться в гранулы (Дело (Санкт-Петербург); 28.01.2008).

Типология мусора. Опираясь на работу Ф.В. Фуртай [2011], дадим типологию мусора, в рамках которой разместим наш материал.

1) Темпоральный вид отходов

Это самый архаичный пласт мусора, сюда относятся пищевые отходы (скорлупа, кости, кожура) и старая ветхая одежда. Темпоральный мусор «включает в себя все то, что утратило/завершило свое функциональное бытие, в силу того, что

предмет либо разрушен, либо его состояние таково, что восстановление его прежних функций не представляется возможным: вещь перестала быть таковой, утратила свою органическую сущность» [Фуртай 2011: 48].

Единичны примеры метафорического употребления пищевых отходов в виде кожуры, костей, скорлупы:

Что если очистить человека от социальной, культурной, биологической, политической кожуры, останется не пустое место, а некая положительная величина (Эксперт-Урал; 28.02.2005);

*Именно в этом и состоит механизм так называемого «плавающего большинства» и «многоцентрия», когда президент, исполняя роль Карабаса Барабаса, манипулирует центристскими политическими партиями, марионетками, время от времени бросая **обглоданные политические кости** то откровенно проголодавшимся «левым» (знамя и гимн), то откровенно зажравшимся «правым», сберегая их любимое детище – принципиальный для них курс либерморских экономических преобразований* (Экономическая газета; 01.03.2001);

*Духу у парламентариев хватило лишь на поправки к закону об ИНП, что, впрочем, позволяет снять с него **политическую скорлупу*** (Трибуна; 13.05.2010).

Наш материал выявил целый ряд активно функционирующих единиц, номинирующих темпоральный вид мусор в политическом контексте. Метафорические контексты с этими лексемами реализуют оценочный образ негодных к политической жизни организаций, несостоятельность в профессиональном плане политических субъектов.

Политические обломки

См. *обломок* – «отбитый или отломившийся кусок чего-н.» [ТСРЯ 2008: 539].

*Минувшая война – не война наций, не война русских и чеченцев, но война «**политических обломков**» СССР, денег и экстремизма* (Торговая газета (Москва); 18.04.2007).

Политические осколки

См. *осколок* – «1. Отколовшийся кусок, часть расколовшегося предмета» [ТСРЯ 2008: 577].

Эти два **политических осколка** ельцинского периода «демократической бури и натиска» в Москве могут рассчитывать на 2–3% голосов романтических демократов или «отвязанных» протестантов (Правда; 01.12.2005);

Пока к «новорожденному» прибились лишь **«политические осколки»**, так и не сумевшие найти себя в других партиях и движениях. Станет ли подобный, весьма рыхлый конгломерат «несостоявшихся» прочным союзом – весьма сомнительно. Пока тут больше вопросов, чем ответов (Российская газета; 04.08.2000);

Ведь евробюрократы рассматривают так называемые новые независимые государства не на основании их политических вывесок, а по их реальному политическому бытию, то есть в качестве **политических осколков** бывшего СССР (Стратегия России; 26.11.2013).

Особенностью последних двух единиц, входящих в кластер «Мусор», является их регулярное употребление в форме множественного числа: *обломки, осколки*. Множественное число актуализирует «скопление» частей целого вещественного или конкретного существительного [Захарова 2018: 224].

Следующая группа единиц, объединенная семами «ветхого», «дряхлого», «бесполезного», является достаточно многочисленной в русском языке, что подчеркивает характерное для русской лингвокультуры пейоративное эмоционально-оценочное отношение к старому и бесполезному. Метафорические контексты подчеркивают жалкое существование и политическую неполноценность политических акторов, подкрепляемую наличием неодобрения.

Идея моральной беспринципности, выявленная в базовой метафорической модели *политика* – это *грязь*, дополняется отрицательной характеристикой профессионально-деловых качеств политических акторов. Представление о старом связано «с такими признаками, как ‘слабость, немощность’, ‘давность, длительность существования’, ‘угасание, разрушение’, ‘изношенность’» [Крючкова 2006: 76]. Метафорическая оценка дряхлости политических субъектов, потери активности, неплототворности в работе на благо народа реализуется в контекстах, включающих лексемы *ветошь, старье, рухлядь, утиль, хлам*, объединенных, кроме семы непригодного, семой старого.

Политическая ветошь

См. *ветошь* – 1. Ветхое платье, ветхие вещи» [ТСРЯ 2008: 85] → *ветхий* – «Разрушающийся от старости; дряхлый» [там же].

Что же нам ожидать от этой раздерганной, распыленной политической ветоши? (Советская Россия; 12.04.2005)

Если Иванов давно уже публично растратил себя, то относительно свежий Медведев намного раньше, чем за два года до выборов, истаскается на телеэкранах до состояния политической ветоши (Завтра; 02.11.2005).

Политический хлам

См. *хлам* – «(разг.) Негодные старые вещи, все бесполезное, ненужное» [ТСРЯ 2008: 1064]:

Отношение депутата к этим людям однозначно – он называет их «политическим хламом» (Калининградская правда; 26.05.1999);

Нам надо в канун третьего тысячелетия избавиться от этого политического хлама, провести большую чистку (Pro et Contra; 15.12.1999);

У Бориса Ельцина как единственного стопроцентно легитимного политика появилась возможность сбросить накопившийся за годы его правления ядовитый политический хлам с парохода истории (Компания; 08.03.1999)

Политический утиль

См. *утиль* – «Отходы, вещи, негодные к употреблению, не пригодные для переработки в качестве вторичного сырья» [ТСРЯ 2008: 1038].

Хотя бы потому, что от Америки участвовать в нем будет Джордж Буш, уже списанный в политический утиль (Известия; 24.10.2008);

Намерение списать Россию в политический утиль основывалось на убеждении, что она больше не представляет для Соединенных Штатов никакой ценности (Монитор (Н. Новгород); 26.11.2001).

У губернаторов нет возможностей для роста, они не могут перейти в бизнес-структуры, потому что власть для них ближе и дороже бизнеса. А раз так, они остаются уныло сидеть на своих местах и рано или поздно отправляются избирателями в политический утиль. Однако если дать этому слою руководителей перспективу роста, это поможет избавиться страну от регионального застоя (Известия; 23.03.2004);

Политическое старье

См. *старье* – «(разг.) Старые, подержанные вещи» [ТСРЯ 2008: 938].

Надежда Савченко уже заявила, что придет в Верховную раду (она остается депутатом) и там продолжит борьбу против «политического старья» (Независимая газета; 17.04.2019);

*При всем том российскому министру финансов Алексею Кудрину отнюдь не свойственно обращаться ко всякому **финансово-политическому старью*** (Ставропольские губернские ведомости; 28.11.2007).

Политическая рухлядь

См. *рухлядь* – «(разг.) Всякий старый домашний скарб, пожитки» [ТСРЯ 2008: 845].

*Когда выступает **политическая рухлядь**, как Касьянов, это смешно просто* (АиФ; 20.09.2016);

*Сметающий все преграды сверхмощный импульс не мог прийти из превратившихся в **политическую рухлядь**, наполовину сгнивших имперских центров, из помешанных на упадочной эстетике декаданса столиц* (Завтра; 02.11.1999);

*«**Политическая рухлядь Европы**», «продажный и опасно глупый», – таким с некоторых пор представляется лорд Джадд в окружении Масхадова* (Независимая газета; 21.01.2003).

Политические лохмотья

См. *лохмотья* – «1. Крайне ветхая, изорванная одежда» [ТСРЯ 2008: 417].

*Неслучайно в народе всё чаще стали вспоминать советское время. А там: «Наша цель – коммунизм!», «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи!». И эта совесть, эта честь и этот ум разодрали страну на географические лоскуты и **политические лохмотья**. Да так, что диссиденты, отсидевшие в заключении, ахнули от того, что сделали те, кто их посадил!* (АиФ; 11.02.2015).

Политический пепел

См. *пепел* – «пылевидная серая масса, остающаяся от чего-то сгоревшего» [ТСРЯ 2008: 621].

«В сказках пепел наделен даром оборотничества так же, как и золото, но это оборотничество, восходящее к представлениям архаического, дохристианского

обычая погребения — сожжения. Из пепла, как из семени, вновь появляется то существо, которое было сожжено, в том или ином облике» [Новичкова 1996: 147].

Все контексты с лексемой *пепел* включают эту единицу в состав фразеологизма как *феникс, возродиться / восстать из пепла* в значении «О способности преодолевать трудности». Упоминание огненной птицы есть в раннем христианстве, где она стала символом победы над смертью, триумфа вечной жизни, воскресения из мертвых. Феникс упоминается в древнерусских книгах: «Есть птица в велицей Индеи, нарицаемая Фюникс. Та убо птица единогогнезднаца есть: не ймееть ни подружия своего, ни чад, но сама токмо в гнезде своем пребываеть... Егда же состарееться, возлетитъ на высоту и возимаеть огня небесного и зажигаетъ гнездо свое, и тут и сама сгораеть. Но и паки в пепле гнезда своего опять нараждаеться» (псковский сборник «Матица златая», XV век). Образ феникса хорошо известен в русской лингвокультуре. На Руси под влиянием мифов о Фениксе сложились сказки о сияющей жар-птице.

Феникс как символ возрождения, употребляясь в публицистическом дискурсе, вносит в контекст положительную семантику:

Как известно, этот город возник на карте России как военный порт и крепость. В конце XX столетия город, как феникс из пепла, восстал после военной разрухи, развил промышленную и транспортную инфраструктуры и стал крупнейшим индустриальным центром России (Красная звезда; 03.10.1998).

Часто этот фразеологизм употребляется в СМИ с определенной долей иронии при характеристике политической деятельности:

”Российский либерализм, как птица Феникс, все норовит восстать из пепла”, — считает Гайдар (Профиль; 19.04.2004);

Карты слегка спутал Жириновский с восставшей из пепла ЛДПР (Новая газета; 06.12.1999).

В первом контексте ироническую тональность придает разговорный глагол *норовить*, значение которого «Настойчиво стремиться сделать что-н. или добиться чего-н.» [ТСРЯ 2008: 528]. Во втором контексте произошла трансформация фразеологизма: зооним *Феникс* заменен названием партии *ЛДПР*. Замена компонента снижает положительную коннотацию фразеологизма. См. еще ряд контекстов с иронической тональностью:

*После череды карьерных неудач, начавшихся с поражения на губернаторских выборах осенью 2000 года, а закончившихся потерей должности начальника рыбного порта, экс-губернатор Леонид Горбенко придумал способ **восстать из политического пепла** (Комсомольская правда; 16.02.2005);*

*Не успели мы подзабыть отцов русской демократии «Чубайс и Ко», прославившихся тем, что с помощью «великих» реформ в начале 90-х сделали себя богатыми, а народ нищим, как они, отряхнувшись, точно **птица Феникс**, **возродились из политического пепла** (Тульские известия; 01.07.1999);*

*Конечно, может **восстать из политического пепла** Валерий Троеглазов, но неизвестно, устроит ли столь одиозная и непредсказуемая фигура Москву (Частник (Иваново); 06.09.2006).*

2) Технологический мусор

Это вид мусора, который остается после обработки сырья. Разница между сырьем и готовым продуктом и представляет собой технологический мусор, это своего рода излишек. В связи с данным типом мусора обычно вспоминают знаменитую фразу Микеланджело о работе над скульптурой: «Я беру камень и отсекаю все лишнее».

Политические отходы

См. *отходы* – «2. Обычно мн. остатки производства, обычно годные для использования, переработки» [ТСРЯ 2008: 601].

*Но тем, кто делает из эфира мусоропровод, а из газетных полос производство по утилизации **политических отходов**, нет, не нужны (Московский комсомолец; 05.11.1999);*

*За 10 лет свобода в России достигнута – дело за тем, чтобы научиться ею пользоваться. Но извращенные ценности советской России всего лишь заморожены, лежат в рефрижераторе и в любой момент могут быть извлечены и приготовлены. Наша задача – переработать эти **политические отходы** так, чтобы никто и никогда не смог ими воспользоваться. Станьте необходимой в России партией-оптимистов (Оренбургская неделя; 06.06.2001);*

*Пачка газет на столе производила, скорее, впечатление **свалки политических отходов**, вязкой, зловонной и экологически опасной, где годами копилась напластования дикой злобы на весь мир (Знание – Власть!; 1997; 23);*

*Им сообщество коллег-политиков в блате отказало, а значит, вчерашние вершителю судеб переехали на свалку **политических отходов** (МК; 08.09.2004);*

Пейоративную образность *политических отходов* подкрепляет негативная маркированность локусной характеристики мусора: места (в последних двух контекстах – *свалка*), куда выбрасывается мусор, понимаются как обязательно грязные.

3) «Морально изношенный» мусор

В современной массовой культуре ценностные изменения привели к тому, что мусором становятся вещи, которые не потеряли свою функциональность, но морально устарели. Качественным становится актуальное и модное. В действие вступают темпорально-аксиологические механизмы моды, лозунг которой – «Новое лучше хорошего» [Асс 1997: 22].

Данный тип мусора – достаточно трудная группа для интерпретации метафорического мусора в политике. К «морально изношенному» феномену в политический жизни российского общества мы отнесли группы, включающие

а) оппозиционеров с точки зрения людей, относящихся к одному профессионально-политическому сообществу:

*Со своей стороны генсек «Единого национального движения» Георгий Арвеладзе заявил, что «**оппозиционеры** – это **политический мусор**, который пора отправлять на свалку истории» (Время новостей; 04.07.2005);*

*Для расчистки политической арены **от действительно оппозиционных**, в первую очередь **рабочих и коммунистических организаций** (или, как выражается замминистра юстиции Е. Сидоренко, «**политического мусора**»), власть имущие используют метод постепенного, но перманентного ограничения свободы действий через реформирование законодательства (Искра Уральская; 26.03.2004);*

*«Не хватает культуры диалога» – На днях один из наших медийных политиков назвал нашу оппозицию «лягушками с Болотной», «козявками в нечистом носу», «**политическим мусором**» (Магаданская правда; 22.02.2013).*

В свою очередь, оппозиция также считает, что действующую власть необходимо менять:

*Идеолог **Партии регионов** Михаил Чечетов рассказал «Известиям», что **оппозиция** готова возглавить «народный бунт»: сейчас наблюдается такая*

активность масс, что действующую власть вынесут из кабинетов вместе со стульями прямо на свалку – как политический мусор (Известия; 25.03.2009).

В вышеприведенных высказываниях речь практически идет о конкурентной политической борьбе внутри партийного движения. Каждая из сторон субъективно считает своего политического противника «морально устаревшим», непригодным для выполнения своих функций.

б) морально устаревшую политическую информацию:

Или какую–то другую политическую дребедень, которую, так сказать, политологи, журналисты сочинили–написали и которая будет забыта как политический мусор на следующий день после выборов? (Вечерний Екатеринбург; 06.10.2006).

в) партии-симулякры:

Одна особенность феномена моды – это быстрая сменяемость модных стандартов моды [Ведрева 2020].

В группу «модного» мусора мы включили метафорические высказывания о партиях, которые не имеют шансов победить на выборах. Сюда входят партии-спойлеры, партии-симулякры [см. о понятии *симулякр*: Бодрийяр 2013], основной целью которых является «оттягивание» голосов у своих политических конкурентов. «О регистрации стали заявлять такие политические партии, как партия любителей пива, партия зеленых, различные националистические партии, партии-сквоттеры (организации, присвоившие себе старые партийные бренды)» [Аминова 2015: 128]. Для них характерна скорость образования, быстрая сменяемость и недолгая жизнь, сходство номинаций и неопределенность социальной идентификации. Названия партий включают частотные единицы политического лексикона, такие как «коммунистический», «гражданский» и «справедливый»: «Коммунисты России», Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), «Гражданская сила», «Гражданская позиция», «За справедливость!» и др.:

И тогда партии, которые еще десять лет назад наводили ужас на чиновников, приходя на выборном финише ноздря в ноздю с провластными кандидатами, превращаются в спойлеров – политический мусор, вращающийся на орбите партии власти и неспособный к самостоятельным телодвижениям (МК в Твери; 08.06.2018);

*Ну, Анпилов, Терехов – это маргиналы, **политический мусор**, призванный засорять мозги «электорату». Полагать, что ельциноиды пропустят в Думу этих «героев» октября 93–го, мог только человек, не завершивший курс лечения в клинике им. Сербского (Дуэль; 11.01.2000).*

4) Бытовой мусор (гарбидж – от англ. *Garbage*)

К данной группе относятся кухонные отходы и весь предметно-вещественный мусор, который гниет, разлагается, утрачивает «свою сущностную определенность» [Фуртай 2011: 51].

Политические помои

См. *помои* – «Вода с пищевыми отходами после мытья посуды, сливания остатков» [ТСРЯ 2008: 694].

Эта группа бытового мусора по своей метафорической «задаче» является синонимичной лексическим репрезентантам первого фрейма области-мишени «Процессы речевого взаимодействия». Помои, как и жидкая грязь, являются инструментом воздействия субъекта на объект с целью опорочить и нанести моральный ущерб:

*Несмотря на **ядовитые хрущевские политические помои, вылитые на Сталина, его портрет автомобилисты возили на ветровых стеклах до расстрела Верховного Совета и Советской власти** (Знамя; 17.06.1999);*

*Столько **политических помоев**, сколько **вылили** эти ребята на головы оппонентов в предыдущих кампаниях, область не видела ни до, ни после (Областные вести; 30.07.2004);*

*Видимо, посчитав такой расклад сил верным, фавориты президентской гонки стали **обильно поливать** друг друга **политическими помоями** (Санкт-Петербургские ведомости; 24.11.2001);*

*За полтора года до очередных общефедеральных выборов на страну с телеэкранов опять начали **выплескиваться фонтаны политических помоев** с целью окатить с головы до ног Компартию всевозможными обвинениями и измышлениями (Правда; 30.06.2006);*

***Политические помои** в газетах не успевали **просыхать**, и читатели кричали: **еще, да погуце!** (Новые известия; 27.11.1999);*

Кто с интересом, а кто и с отвращением, исключительно с целью пощекотать себе нервы видом и запахом политических помоев, наблюдает за тем, как Сергей Доренко «мочит» (тоже политический термин из самых последних) Ю. М. Лужкова (Биржа; 25.11.1999).

Политические отбросы

См. *отбросы* – «Негодные остатки чего-н» [ТСРЯ 2008: 583].

С помощью этого типа отбросов метафоризируются образы политиков-маргиналов, оказавшихся на периферии политического поля или за его пределами в силу морально-нравственной нечистоплотности.

Эта вероятность еще более возросла после того, как Гриша среди политических отбросов подобрал двух мокрушников, замочивших генерала Рохлю, и организовал вместе с ними «Комитет по борьбе с коррупцией» (Дуэль; 21.12.1999).

Патриотизм заложен в нас генетически, и рассуждения вроде «патриотизм – последнее убежище негодяев» отражает позицию политических отбросов (Тверская 13; 30.03.2004).

Дмитриевский говорит о том, что карикатурное представление о Сталине создано за границей благодаря торговым и дипломатическим представителям советской власти, которые долгое время набирались «из политических отбросов – людей ненужных и нежелательных внутри страны» (Время и Деньги; 05.12.2003);

С ним согласился и депутат Госдумы Андрей Савельев: Большинство из группы поддержки МБХ – такие доброхоты, которые Ходорковскому могут только напортить. Но проблема в том, что сейчас олигарх не нужен никому, кроме этих «политических отбросов» (Московский комсомолец; 14.09.2005).

5) Виртуальный мусор (спам)

Спам как «агрессивная форма медиального мусора» и неотъемлемая часть социокультурного пространства определяется как «любая незапрашиваемая информация в Интернете» [Осипова 2011: 120].

К разновидностям интернет-мусора относят: *флуд (flood)*, «автоматически воспроизводимый трафик, забивающий сетевые каналы»; *офтопик (off topic)* – «многочисленные письма, внедренные в почтовые рассылки, ...не связанные с

темой и нарушающие сетевой этикет» [там же]; *троллинг (trolling)* – провокационные сообщения, имеющие характер оскорблений и вызывающие конфликты между пользователями соцсетей; *интернет-вирусы*, размножение которых разрушает систему и, как следствие, процесс коммуникации и др.

Метафорически эта разновидность мусора используется для негативной характеристики результатов интеллектуальной деятельности политических акторов, подтверждая тем самым их профессиональную несостоятельность:

Подписанные президентами союзные программы – это, в сущности, политический спам (Новая газета; 08.11.2020);

Эта тоскливая до безысходности вялотекущая болтовня о том, кто из двух сидельцев останется в каком из двух кресел – унижительна для страны. Главная цель этого непрерывного политического спама, заполнившего все телеэкраны, заключается в том, чтобы никакой политически значимой численно части российского общества не пришла в голову простая мысль: А что, больше никого нет? (Псковская губерния (Псков); 15.09.2010);

Что касается событий в нашей стране, то на фоне разнообразного политического спама любопытными оказались результаты одного общероссийского социологического исследования (Тридевятый регион (Калининград); 23.08.2013).

2.2. Кластеры на основе ассоциативной когнитивной смежности

2.2.1. Кластер «Локусы мусора и отходов жизнедеятельности человека»

Когнитивно смежными к кластерам «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор» становятся локусы артефактного или природного характера.

Мусор органически входит в жизненное пространство человека, относясь к сфере человеческого быта. Мусор в полной мере социализирован. Когда к XIX веку отходы в связи с развитием промышленности превратились в помеху, потребовалась организация их сбора, а в дальнейшем и правильной утилизации. Очистка городских улиц от нечистот началась в XVI–XVIII вв. В городах западной Европы запрет выплескивать нечистоты на улицу относится к XVI веку. Проблема сбора и ликвидации мусора эволюционирует во времени и пространстве. По мере развития цивилизации весь мусор был изгнан на периферию существования

человека. Локусы связаны с социальными контурами правил очищения, формулируемыми обществом, с социализацией гигиенических предписаний.

Метафорическая маркированность пространственной ориентации мусора организована по двум векторам: личному и общественному. К общественному вектору относится линейная модель локуса, которая структурируется хронологически: *выгребная яма – помойка / свалка – сток / клоака – мусорный ящик / мусорная корзина*. Личный вектор включает единицы *сортир – туалет – унитаз*.

Места, куда выбрасывается мусор или выливаются нечистоты, понимаются как обязательно грязные. К ним относятся единицы городской культуры, указанные выше, либо изначально природные места: *болото*.

Рассмотрим отдельно каждую названную единицу.

2.2.1.1. Кластер «Артефактные локусы»

Толкование словосочетания *выгребная яма* – «помойная яма» [ТСРЯ 2008: 127].

*Не с Доренко надо бороться (он пешка, с ним несолидно), а с теми, кто допускает превращение общенационального эфира в сточную канаву, в **выгребную яму**, окуная в нее с головой не только Лужкова и Ко, но и всех зрителей, задыхающихся от невиданной вони (Известия; 05.10.2004);*

*В остальном же, как учит печальный мировой опыт, доверять англичанам, означает балансировать над **выгребной ямой** (Красная звезда; 17.09.2008);*

*Соединенные Штаты объявили, что выходят из Совета ООН по правам человека (СПЧ ООН). Госсекретарь Майкл Помпео назвал эту организацию огромным источником позора. Хейли заявила, что совет действовал как защитник нарушителей прав человека и **выгребная яма (!)** политической предвзятости (Независимая газета; 02.10.2012);*

*Все на конкретных цифрах(!) увидят, что «рыночные демократы», эти реформаторы быстрого приготовления, превратили Россию в проходной постоянный двор и **выгребную яму** одновременно! (Патриот; 02.12.2010).*

Толкование лексемы *помойка* – «Место для выбрасывания мусора, для выливания помоев» [ТСРЯ 2008: 694].

К политической помойке относят партии:

*Примазаться к «Единой России» – уже поздно. В партию власти таких не возьмут. А если возьмут, то кому же тогда оппозиционировать? Коммунистам перечить? Но это – те же пинки под зад, только больнее. Пойти в ЛДПР – клоунаде не обучены. Остается «Справедливая Россия». Этакая **политическая помойка** (Светлогорье; 16.09.2010);*

*Что касается моей политической принадлежности, надо отметить, что автор вообще не стесняется в выражениях и навешивании ярлыков. Из текста следует: все партии, включая партию власти «Единая Россия», являются **«политическими помойками»** (Караван + Я; 28.11.2007);*

– страну:

*На глазах всего мира Россия превращается в **политическую помойку**, образец псевдодемократии, отстойник безнравственной борьбы за власть. Все это оскорбляет чувства россиян, унижает их честь и достоинство Вечерняя (Москва; 14.12.1999);*

*Очень здорово, что Полина Викторовна с большим знанием предмета нарисовала ужасающую картину российской **политической помойки**, показав, что по степени разложения правящей элиты наша страна сегодня не имеет равных в мире (Литературная Россия; 27.01.2006).*

На политической помойке оказываются «негодные» политики:

*Подобный результат специалисты и знатоки немецкой политической сцены считают феноменальным, а потому не могут его внятно объяснить. Необычайная популярность и политическая живучесть молодого баварца остаются для всех загадкой. «Любой другой немецкий политик, оскандалившийся подобным образом, давно был бы выброшен обществом на **политическую помойку**», – в один голос заявляют эксперты (Известия; 01.03.2011);*

*По мнению Жириновского, Россия сейчас находится в состоянии скрытой гражданской войны. И в этих условиях необходима сильная, жесткая власть. «А пенсионерам из кремлевской администрации, собранным со всех **политических помоек**, и заявляющим, что они – партия власти, не в Думу надо идти, а в поликлиники и собесы», – заметил лидер ЛДПР (Комсомольская правда; 13.09.1999);*

*Покопавшись на российской **политической помойке**, г-н Пиховшек нашел трех достойных с его точки зрения представителей российской политической элиты: Руцкого, Лимонова и Новодворскую (Экспресс–Хроника; 14.07.1995);*

*Потом под того же Ельцина оттягивала от Компартии голоса «Правда и порядок» покойного генерала Лебеда. Создавал свою «конструктивную оппозицию» Селезнев, ныне заканчивающий свою политическую карьеру послом. Где теперь все эти партии–обманки и их лидеры? Сделали свое разрушительное дело, и попали на **политическую помойку** (За победу; 22.09.2004).*

Толкование лексемы **свалка** – «Место, куда выбрасывают, сваливают что-н.» [ТСРЯ 2008: 858].

*Народ Украины выбросил Ющенко на **политическую свалку**: на выборах 2010 г. он получил чуть более 5% (Завтра; 03.11.2011);*

*В любом случае Саакашвили обречён закончить свою карьеру на **политической свалке** (Слово; 05.09.2008);*

*Чтобы Вам, Александр Васильевич, было проще понять меня, напомним общеизвестное, а значит и бесспорное: Н. Денина отправили на **политическую свалку** (или **помойку**?) за разведение коррупции (Брянская правда; 03.10.2014);*

Наряду со словосочетанием *политическая свалка* в публицистическом дискурсе широко растиражированным является выражение *свалка истории*. Отчасти эти два словосочетания синонимичны. *Свалка истории* сначала обозначала место, куда попадают крупные исторические личности: известные политики, государственные деятели, национальные лидеры – политическая элита, которая, запятнав свою репутацию неблагоприятными поступками, в силу моральной несостоятельности оказывается в этом грязном месте. Ей противостоят порядочные и достойные люди с безупречной репутацией, личности, которые остаются в памяти народа:

***Выкинуть Ленина на свалку истории** – то же самое, что выкинуть Толстого и Достоевского (Аргументы и факты; 21.01.2000);*

*Тем временем **полковник Каддафи** продолжает держать удар, отнюдь не собираясь так просто отправиться на **свалку истории** (Известия; 28.03.2011);*

***Нынешний государственный аппарат** должен быть основательно очищен, а частично – выброшен на **свалку истории**, так как он глубоко заражен*

взяточничеством, карьеризмом, высокомерием (Московский комсомолец; 04.11.2000).

Выражение в современной речевой практике расширяет свой смысловой диапазон, на свалку истории сейчас посылают не только известных в истории личностей, но и события, идеологии, политических акторов любого уровня государственной власти.

Появление этой метафоры приписывают Льву Троцкому, который 25 октября 1917 первым употребил выражение, отправляя туда меньшевиков, покинувших II Всероссийский Съезд Советов в знак протеста против ареста Временного правительства. Но сам Л. Троцкий в «Истории русской революции» воспроизводит эту цитату иначе: «Тем, кто отсюда ушёл, как и тем, кто выступает с подобными предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в **сорную корзину истории!**» (выделение наше. – Ц.Я.) [Троцкий 1933: 73].

В более современном варианте *мусорная корзина истории* употребляется в текстах СМИ:

Но извечной трагедией интеллигенции было то, что силы, которые приходили к власти благодаря ее честной бескомпромиссной борьбе, выбрасывали в мусорную корзину истории саму интеллигенцию (Дело; 18.12.2006);

После крушения советского режима и развала СССР начался новый этап переделки истории. Все, что было свято для прежнего режима – революция, партия, вожди, достижения страны в различных областях жизни, – все было подвергнуто самой беспощадной критической переоценке и летело в мусорную корзину истории (Белгородская правда; 07.11.2009).

Толкование лексемы *клоака* – «1. Подземный канал для стока нечистот» [ТСРЯ 2008: 340].

И угораздило же гигиенистку в зрелом уже возрасте податься в политику, которая, как известно, дело исключительно грязное. Но ревнительница чистоты на удивление быстро освоилась с этой особенностью политической жизни и храбро пустилась в плавание по политическим клоакам (Вечерний Волгоград; 19.08.2011);

*В-третьих, среди руководителей СМИ (причем любого направления) есть лица, хотя бы не являющиеся воплощенным символом той грязной **политической клоаки**, в которой находится отечественная журналистика (Известия; 29.06.2000).*

*В общем, проработав несколько лет кремлевским обозревателем разных газет, Трегубова, видимо, все-таки сумела не превратиться из «диггера» (то есть, согласно ее определению, засланного исследователя кремлевской системы) в «мутанта» (то есть коренного обитателя российской **политической клоаки**) (Континент; 15.01.2004).*

*Наше глубокое заблуждение, что штурмовые отряды и **политическая клоака** для вождей мобилизуются из человеческой нечисти, из людского отребья (Известия; 06.05.2002);*

*Залиманцы, не сговариваясь, поверили премьеру, увидели в нем президента, который вытянет Украину из экономической и **политической клоаки** (Правда; 05.11.2004);*

*Мы должны объединить сегодня все политические силы в обществе для того, чтобы наша область была бы очень привлекательной для инвесторов, для администрации президента, для нашего правительства федерального. И пусть у нас будет не **политическая клоака**, а общество – пусть не единомышленников, а умных оппонентов (Вечерняя Рязань; 04.08.2005).*

Толкование лексемы **сток** – «Место, приспособление, по к-рому стекает жидкость» [ТСРЯ 2008: 945].

*Все равно на фоне этой пошлятины всетелевизионное **политическое «сток-шоу»** оказалось самым серым и самым пошлым (Новые Известия; 15.10.2002).*

*Сибирь – **политический сток** России ...Самое ценное, что в данный политический период представляет из себя Сибирь по отношению к метрополии — это, во-первых, её огромность, в смысле не только территории, но и неорганизованности. А во-вторых — пассивность её и гражданская обделённость. Пока Сибирь является отводным каналом для разрешения политических кризисов, до тех пор она обречена неизбежно на заброшенность и засорённость её собственной внутренней жизни (Красноярский рабочий; 03.08.2006).*

Толкование лексемы *ящик* – «1. Вместителище для чего-н., обычно четырехугольной формы» [ТСРЯ 2008: 1138] → словосочетание *мусорный ящик* – вместителище для мусора.

*А как было бы полезно, если бы то, что справедливо называется свалкой истории, было бы организовано по всем правилам социальной гигиены уже в настоящем. Вот **мусорный ящик** для вождей, а это – для национальных лидеров, а тот – для гарантов процветания и счастья своего народа, разного цвета, чтобы было видно издали, веселенькие, емкие. Увы, готовых механизмов, отлаженных институтов расставания с прошлым в режиме настоящего времени не существует* (Новая газета; 29.04.2011);

*Вчера у здания Верховного суда состоялась акция протеста, участники которой объявили: «Судьи выбросили Бразилию в **мусорный ящик**»* (Коммерсантъ; 20.09.2013);

*Кто и зачем пытается сбросить нашу страну в **мусорный ящик** мировой экономики* (Комсомольская правда; 03.02.2015);

*Интеллигентнейший и деликатнейший Мигель Анхель Берналь, профессор юриспруденции столичного Национального университета Панамы, недавно в сердцах публично высказался: Страну нашу постепенно превратили в **мусорный ящик** для политических отбросов всего мира* (Правда; 23.10.1998).

Одним из знаменитых локусов грязи в общемировой культуре являются *авгиевы конюшни*. Толкование фразеологизма *авгиевы конюшни* – «1. Сильно засоренное, загрязненное или захламленное место» [ФСРЯ 1986: 205].

Этот фразеологизм обязан своим происхождением древнегреческим мифам о Геракле, согласно которым одним из его подвигов (точнее, шестым из двенадцати) была очистка конюшен Авгия, в которых находилось 3000 быков и которые не чистились 30 лет. Благодаря своей смекалке и силе Геракл очистил конюшни за один день:

*Когда в июле 2004 года 34-летний министр внутренних дел страны Станислав Гросс стал самым молодым премьером в Европе, многим показалось, что пропитанная коррупцией государственная система будет вычищена как **авгиевы конюшни*** (Известия; 11.09.2013);

*А избиратель-зануда, когда его приглашают на выборы главы города, понимает свою задачу буквально, без хитро вывернутых умственных конструкций: нужно отдать голоса компетентному, опытному человеку, который не станет тут же заглядываться на более высокие посты, не сделает горожан заложниками борьбы с центральной властью и готов работать в **авгиевых конюшнях**, не рассчитывая на немедленные политические дивиденды (Известия; 30.03.2005);*

*Новый мэр Сергей Собянин с энтузиазмом взялся за расчистку **авгиевых конюшен** и разгон «пенсионного фонда», заседавшего в бывшем здании СЭВ (Компания; 26.12.2011).*

Одной из главных примет формирующейся субъективности в социологии нечистот становится «приватизация» телесных отправлений. Канализация грязи в закрытые русла, отвод испражнений с помощью туалетов привели к «анонимизации грязи» [Захарьин 2007], к превращению явного в тайное с осуществлением контроля над функциями выделения. Происходит постепенная интимизация физиологических процессов – «люди начинают стесняться выполнять эти действия в присутствии других людей, а потому и создаются туалеты с отдельными кабинками» [Любутин, Кондрашов 2009: 80].

Д. Лапорт в своей книге «История дерьма», вышедшей в Париже в 1978 г. [Laporte 1978], пишет о туалете как о возникновении личного пространства человека. «Утверждается норма, согласно которой естественные потребности должны отправляться в уединении. Ограничивается количество людей, присутствие которых так или иначе допускается при отправлении естественных потребностей. Наряду с формированием нового представления об индивидуальности, это указывает и на новые формы социальной дистанции» [Гавришина 2003: 582].

В русской культуре «с актом испражнения связаны некоторые запреты и поверья, в частности запрещалось смотреть на испражняющегося человека, чтобы не поседеть (рус.). ...Запрещалось справлять нужду на дороге, т. к. считалось, что это делается «на стол лешему»; предписывалось это делать, повернувшись спиной на запад, а не на восток, чтобы не замарать находящегося с восточной стороны ангела-хранителя (с.-рус.). Если замечали, что кто-либо испражняется в

неположенном месте, то на испражнения бросали горячие угли, чтобы у нарушителя зад покрылся сыпью» [Левкиевская 1999: 439].

Толкование лексемы *сортир* – «1. То же, что уборная (во 2 знач.)» [ТСРЯ 2008: 921].

Но важно четко понимать, что сейчас вслед за собой в «политический сортир» Лукашенко тянет и Россию (Московский комсомолец; 28.03.2006);

Этот политический сортир смердит чем-то другим (Дуэль; 19.04.2002);

Толкование лексемы *туалет* – «4. То же, что уборная (во 2 знач.)» [ТСРЯ 2008: 1005] → *уборная* – «2. Помещение для отправления естественных надобностей» [Там же: 1014].

Политика – это туалет, санузел (Молодой ленинец; 24.10.2000).

Толкование лексемы *унитаз* – «Укрепленная на полу высокая раковина в уборной для стока испражнений, мочи» [ТСРЯ 2008: 1029].

«Партию «ЕдРо» в помойное ведро!», «Прогнившую «Единую Россию» пора слить в политический унитаз!» (Выборгские ведомости; 05.02.2010);

На трибуне появился Борис Немцов. Далее он напомнил иркутянам про выборы мэра, проехался по «кандидату от Дерипаски и его друга Путина», похвалил горожан, что те «смыли эту бригаду в политический унитаз», и назвал иркутян «красавцами» (Восточно-Сибирская правда; 25.03.2010).

К биологическим выделениям неприятного характера мы отнесли сопли и слюни. Одним из локусов размещения слюней является специальный сосуд.

Толкование лексемы *плевательница* – «Сосуд для сплевывания» [ТСРЯ 2008: 650].

Запад, в течение 10 лет сотрудничая с кремлевским режимом, умело подталкивал страну к катастрофе. Слегка побрехивал, смеялся над Ельциным, над всеми нами, но такого наката на Россию, как сейчас, Запад никогда себе не позволял. Теперь он превращает Россию в мировую плевательницу и все паскудные ругательства, которые у них как у русофобов внутри наслоились, сейчас выплеснулись (Советская Россия; 12.09.2000);

Россия потеряла почти всех своих союзников. Утрачен и растрянжирен колоссальный потенциал и гигантские ресурсы. Нас уже ликвидируют не только как мировую, но даже как значимую региональную державу. При нынешней власти

Россия просто превратилась во всемирную плевательницу (Советская Россия; 17.05.2003).

2.2.1.2. Кластер «Природный локус нечистот»

Одним из природных локусов нечистого является болото. На связь болота с мусором указывают этнолингвистические наблюдения: «Место, куда выбрасывался сор, понималось как обязательно «грязное» — либо изначально (что, собственно, и делало **возможным выбрасывать на него мусор, например, болото**)...» [Кушкова 2007: 167].

Толкование лексемы *болото* – «1. Избыточно увлажнённый участок земли со **стоячей водой и зыбкой поверхностью**, заросший влаголюбивыми растениями» 2. *перен.* Общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности. *Болото обывательщины.* 3. *ед.* В старых народных представлениях: топь, трясина как место обитания нечистой силы» [ТСРЯ 2008: 54–55].

Развернутая аксиологическая интерпретация концепта *болото* представлена В.В. Колесовым в «Словаре русской ментальности»: «БОЛОТО – символ внешнего покоя, таящего опасность гибели. Видимость Болота – неподвижность и тишина – обманчива: трясина и топь губительны для человека своим постепенным (*болото затягивает*) или неожиданным (*провалиться в болото*) действием. Болото вызывает неприятное физиологическое (как к вязкому и зыбкому) и нравственное (как к ненадёжному и скрытно предательскому), и только в постоянных его жителях привязанность к родному Болоту достигает глубины апологического поклонения («*всякий кулик своё болото хвалит*»). Расширение понятия: ‘топкое низкое место со стоячей водой’ (природный уровень) > ‘грязь’ (**моральный уровень**, ср. «*плескали на него болото*») > ‘застой, косность, отсутствие живой деятельности’ (социальный уровень)» [Колесов 2014. Т. 1: 57–58].

Часть контекстов опирается на ассоциативные связи, которые выстраивают связь болота с общественной бездеятельностью, с отношением «к болоту как очагу мертвящей жизни» [Леонтьева, Мокиенко 2021: 18]:

*И наша задача, в недалеком прошлом да и нынче еще советских людей, в том, чтобы продержаться на поле оппозиции до тех пор, пока не поднимется и не окрепнет наша смелая талантливая левая молодежь, которая сумеет повести за собой не только левый Авангард, но и тех людей, то есть **политическое***

«болото», которые еще не совсем понимают, что без возврата права на достойную судьбу для каждого человека жизнь дальше уже просто не пойдет и непременно застопорится, как застопорилась она и в нынешней России (За СССР; 25.04.2005);

*В итоге появилось «Отечество», которое, забрало всех, кто был чуть правее, – а это как раз те миллионы, то **политическое болото**, которое обеспечило Ельцину победу на президентских выборах (Омская правда; 01.09.1999);*

*Однако Андрей Остальский, независимый журналист, работающий в Британии, сказал «НГ», что судьба референдума находится **в руках аморфной части избирателей**, – тех, кого можно назвать **политическим болотом** (Независимая газета; 25.02.2016);*

*Они означают, что средний класс необязательно следует в фарватере именно консервативных партий. Он в то же время представляет и то самое **политическое «болото»**, за которое и идет наиболее напряженная борьба в ходе предвыборных кампаний, а его роль в обществе, несмотря на в целом консервативный характер средних слоев, в наибольшей степени зависит от политики, проводимой правящей партией (Власть; 15.10.1999);*

*Отсутствие в регионе серьезной радикальной оппозиции исполнительной власти на протяжении многих лет было неизменным элементом политической жизни. Именно из-за этого **Прикамье называли «политическим болотом»** (Новый Компаньон; 19.05.2004).*

Кроме того, аксиологическая составляющая метафорической модели с концептом *болото* представляет собой негативную оценку политического объединения, «поскольку его изнанку составляют наихудшие нравственные проявления – распространение сплетен, злобствований, предательств» [Леонтьева, Мокиенко 2021: 18]:

*Другое дело, **«политическое болото»** и новые партии. Эти берут на вооружение тактику Жириновского-Шандыбина конъюнктурно, понимая, что драгоценное время, оставшееся до выборов, быстро утекает, а с имиджем не все в порядке (Тверская жизнь; 18.02.2003);*

В 2003 году для Борьки Фрицева снова наступила горячая пора. Выборы. Как много в этом звуке для сердца политика слилось. А кроме того, нынешний год у

думских сидельцев четыре последующих кормит. Сколько ила со дна **политического болота** поднимет всенародный плебисцит – представить страшно, но вполне возможно. Во главе правых сил вместе с боевой подружкой Хамакадкой снова будет шествовать испытанный политик Борька Фрицев (ФельдПочта; 22.09.2003).

«Единая Россия» отреклась от правительства. Но сделала это не открыто, а трусливо. Тем самым дискредитировала не только кабинет Фрадкова, но в не меньшей степени и себя. Теперь ясно, что в «партию власти» рядилось **политическое болото**. На него нельзя надеяться не только избирателям, но и тем, кто этому болоту придавал солидный политический вид (Правда; 11.02.2005);

Наша беда сейчас в другом: ни одна из политических партий не отвечает интересам народа в такой степени, которая обеспечила бы наибольшую поддержку этой партии. Мы попали в **политическое болото** или на политический аккуратно подстриженный газон (Общая газета; 30.04.1998).

Из демократов ушел и Ельцин, и Яковлев, из консерваторов тихонько отодвинули Лигачева. Оставшиеся у власти на момент ГКЧП – **политическое болото, не политики, а серые чиновники** (Мир новостей; 05.06.2007);

Но мы выступаем против той системы, когда за яркими политическими лидерами идет **серая депутатская масса**, играющая или роль **политического болота**, или записных ораторов, – говорит председатель РЗД Елена Панина (Комсомольская правда; 18.09.1999);

Обычно к «центристам» политологи и журналисты относили тех **политиков**, кто не имеет четких идеологических позиций. Кто не относится ни к «красным», ни к «белым» и, «плывя по середине реки, иногда загребает левым веслом, а иногда – правым». В народе прочно укоренился ленинский и более «грубый» термин для такого рода деятелей **«политическое болото»** (Нижегородские новости; 08.12.1998).

Выводы

Анализ ассоциативно-иерархического портрета концептуальной метафоры **политика** – это грязь позволяет сделать вывод о принципиальной открытости метафорических моделей, о способности базовой метафорической модели к детальному развертыванию с включением в открытый ряд новых компонентов.

Анализ языковой семантики единиц, объективирующих концептуальные смыслы, демонстрирует положение о размытости границ концептуальной метафоры, об обусловленности языковой семантики прагматическими условиями ее реализации.

В данной главе мы рассмотрели развертывание базовой модели *политика – это грязь* на основе синонимических и метонимических связей.

Кластеризация метафорического материала на основе синонимических связей расширила объем номинаций, закрепленных за концептуальной метафорой *политика – это грязь*, и интенсифицировала ее аксиологический модус. Кластер «Грязь» на основе метонимического сдвига составили словосочетания перцептивных прилагательных со словом *политика*, которые сформировались на базе прямого оценивания прилагательными области-мишени (*черная / мутная / вонючая / затхлая / вязкая / ядовитая политика*).

Тематическая однородность на базе родо-видовых отношений позволила подробнее рассмотреть кластеры «Отходы человеческой жизнедеятельности» и «Мусор», а также кластеры, связанные с локусами грязи артефактного и природного характера. Эти кластеры находятся в прямой концептуально-семантической и аксиологической преемственности с базовой метафорой. Регулярная реализация аксиологического потенциала лексических заполнителей кластера «Мусор» расширила круг оценочных характеристик политических акторов, добавила к негативной оценке морально-нравственного облика политического мира и пейоративную характеристику профессионально-деловых качеств политических акторов. Ядерные когнитивные смыслы данных кластеров вербализуются синонимически-градуальными группами лексем (*мусор – сор – пыль; грязь – дерьмо – говно*). Структурная организация кластера «Мусор» имеет иерархическую организацию; лексические репрезентанты видовых разновидностей мусора объединены в группы по признакам темпоральности, технологических остатков, предметно-бытовых и виртуальных отходов. Ассоциативно-метафорический тезаурус грязи в целом имеет негативную коннотацию.

Глава 3. Кластер «Бестиарий как составляющая грязи и мусора»

Задача данной главы – дать характеристику кластеру «Бестиарий как составляющая грязи и мусора», выделенному на основе ассоциативной когнитивной смежности.

Определимся с термином *бестиарий*, выбранным для названия кластера. Лексема этимологически восходит к средневековому Бестиарию (лат. *bestia* – животное, зверь, и *-āgius*, суффикс, субстантивирующий прилагательное), сборнику зоологических статей, являющемуся своеобразным путеводителем по миру животных, реальных и вымышленных. Описание животных в средневековых Бестиариях отражало не только их свойства, но и нравственное значение животных в жизни людей: все зоонимическое пространство Бестиария делилось на животных, олицетворяющих добро, и на представителей сил зла, см. об этом, например: [Дорогайкина 2017; Ильина, Модагалиев 2021; Махов 2019]. В современном понимании бестиарий – это круг животных, несущих ту или иную концептуальную нагрузку в творчестве конкретного писателя. Поэтому сегодня ученые пишут о бестиариях М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А. Блока, криминальном бестиарии А. Конан-Дойля и др. Кроме того, бестиарный код может быть объединен общей тематической константой, см. название конференций, которые проводятся в РГГУ (Москва) с 2011 года и посвящены, например, Бестиарию ненависти, Бестиарию движений, Бестиарию антитез и др.

Образ животного – одно из традиционных концептуальных полей в российской политической метафоре, имеет долгую историю употреблений в качестве метафоры. В.И. Жельвис отмечал, что еще в XVII веке протопоп Аввакум писал о своих политических противниках: «Знаю все ваше злохитрство, **собаки**, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна воры...» (выделение наше. – Ц.Я.) [Жельвис 1999: 117].

В российском политическом дискурсе зоометафоры имеют особую лингвистическую ценность. «Они объективируют реалии и явления, объекты и субъектов политических процессов в понятиях и терминах мира фауны» [Керимов 2013: 58]. Зоометафоры приобретают переносное значение на основе описания

образа жизни, окружающей среды, внутренних или внешних взаимоотношений видов животных.

Внешние характеристики или жизненные привычки животных отличительны и уникальны, поэтому «концептуализация мира политики происходит посредством его представления через хорошо известный и понятный мир животных» [Агафонова 2011 : 85], «but it is not only human behavior that is metaphorically understood in terms of animal behavior; people themselves are also often described as animals of some kind» – *но не только человеческое поведение метафорически понимается в терминах поведения животных; самих людей часто описывают как некое животное* (перевод наш. – Ц.Я.) [Kövecses 2010: 153].

В наш бестиарий мы включили весь животный мир. Слово *зверь* распространяется на всех представителей фауны: кроме млекопитающих, к ним относятся также птицы и насекомые. Критерием отбора животных послужила их связь с локусами грязи и мусора. Задача данного раздела – выявить бестиарное выражение безнравственного поведения политиков во всем многообразии оттенков и смыслов.

Дегуманизация политиков происходит за счет сравнения их с животными: «animalistic dehumanization represents the denial of one's human uniqueness, specifically those attributes that distinguish human beings from animals, such as ...morality», – *анималистическая дегуманизация представляет собой отрицание своей человеческой уникальности, в частности тех качеств, которые отличают людей от животных, таких как ...нравственность* (перевод наш. – Ц.Я.) [Haslam 2006: 260]. В иерархической оппозиции человек – животное «человек позиционирует себя в качестве нормы» [Рябов 2021: 84]. Зоомир, связанный с грязью и мусором, воплощает отсутствие «нормальных» человеческих качеств. Исследователи, занимающиеся изучением зоологических метафор, см., например: [Будаев 2009, 2016; Варварина 2021; Выборнова 2019; Горшунов 2021; Керимов 2013; Рябов 2021; Хураганчык 2014; Юрьева 2022 и др.], пришли к единому мнению о том, что метафоры животного мира проявляются в негативных оценках политического дискурса: зооморфные «наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Скляревская 1993: 91].

Мы разделили зоокластер на пять групп, а именно: дикие животные, домашние животные, мелкие дикие животные – грызуны, птицы и насекомые, имеющие отношение к грязи или мусору на основе ассоциативной когнитивной смежности: среда обитания, привычки или поведение животных могут быть связаны с миром нечистого бытия.

Рассмотрим отдельно каждую группу.

3.1. Первая группа – дикие животные

Данный класс заполняют **шакалы** и **гиены** – плотоядные животные, называемые падальщиками, поскольку они не охотятся, а питаются добычей, находящейся в стадии разложения. Обычно эту падаль они находят или отбирают у других животных-охотников. Символическими чертами, приписываемыми этим животным, являются подлость, коварство, трусливость, алчность и жадность, которые в политическом пространстве характеризуют личные и социальные характеристики безнравственного поведения как конкретных политиков, так и крупных политических акторов.

Для шакалов характерна, с одной стороны, злоба и наглость, которая приравнивается к беззаконию, с другой стороны, трусость, жадность и коварство. Среда обитания шакалов – Африка и Азия, поэтому в русском политическом дискурсе ассоциативная плотность характеристик объекта, т.е. степень их закреплённости в сознании человека [Терешко 2019], обусловлена часто литературными источниками. Благодаря «Книге джунглей» Р. Киплинга имя героя романа шакала Табаки стало нарицательным. Подлый характер и хитрый лицемерный нрав Табаки составляет симбиоз с главным хищником – тигром Шерханом. Герои Киплинга сегодня вошли в политический дискурс также во многом благодаря президенту В.В. Путину, который употребил эти образы в своем Послании Федеральному собранию:

Легко предположить, что вместе с США в список недружественных стран попадут и те, кого в Послании Федеральному собранию Владимир Путин охарактеризовал как «подвывающих Шерхану шакалов Табаки». Сами государства в Послании названы не были. ...несложно догадаться, что речь может идти о некоторых странах Восточной Европы и бывших советских республиках (Независимая газета; 27.04.2021).

Деление на Шерхана и Табаки в политическом тексте – это своеобразное взаимодействие агрессивных жестких политических лидеров и трусливых, хитрых политических подхалимов:

*Стоило только **Вашингтону** сменить тактику и стратегию в отношении Украины, ослабить поводок и допустить некие вольности **местным политикам**, как они сразу договорились о переделе сфер влияния без участия чужаков. **Штатовский Шерхан** голод утолил, пришло время **местным шакалам** обгладывать кости (Советская Россия; 16.04.2016);*

*Жизнь настоящего политика не всегда напоминает Валдайский форум. Путин не уступил давлению американцев и возражал против интервенции в Ирак в 2003 году. **Россия не унилась до роли шакала Табаки, подъедающего за Шерханом объедки добычи**, что, между прочим, прямо предлагало Путину в это время чуть ли не все экспертное сообщество (Известия; 07.10.2013).*

Обычно шакал метафорически используется для характеристики внешнеполитической деятельности государств. При этом описание поведения политического шакала-падальщика носит характер сюжетного разворота:

*«Страна, как загнанная лошадь, брошена. И на нее спущена **стая шакалов**, и своих, и забугорных. Ах, с каким вожделением, с какой **жадностью и цинизмом** кинулись они терзать еще живое тело! Ужасно видеть искаженные злобой и жадностью лица! Цинизм политиков передается народу, в людях исчезает всякое подобие совести. Таким букетом гадостей начинается капитализация России...» (И.А. Васильев) (Советская Россия; 17.07.2014);*

*Происходящее явно устраивает Токио, который не хотел бы остаться в стороне от нового передела сфер влияния в мире, затеянного США. **Японский шакал** хочет поучаствовать в пиршестве, даже если ему достанутся при этом лишь объедки с барского стола (Советская Россия; 19.05.2007).*

В образе политических шакалов может скрываться и хитрая внутриполитическая подковерная борьба в личных интересах:

*Сегодня мы имеем три реально существующие, действующие партии со своей позицией, тогда как **все остальные – шакалы политического поля, готовые перебежать и подъесть, где что получится, получать голоса любым***

способом. Взять, к примеру, переход Митрофанова из ЛДПР в «Справедливую Россию» (Независимая Газета; 06.09.2007);

*Например, те же выборы. Они превратились у нас в полигон для мошенников, разве не так? С некоторых пор словосочетание «честные выборы» воспринимается в России почти как «парнокопытный крокодил». Уже давно во власть проходят по большей части **ворье** и **политические шакалы**. В результате – институт власти, институт выборов полностью дискредитированы (Политический маркетинг; 24.06.2005).*

***Гиены** встраиваются в один ряд с образом шакала, поскольку их образ жизни и повадки во многом перекликается с шакальими:*

*Игра оппозиции с Саакашвили (и наоборот) напоминает **попытку гиен сожрать раненого льва**. Стая пытается взять зверя измором, но самые нахальные, нетерпеливые «охотники» переходят условную черту, и лев истерично рвет их на куски. Вчера «раненый» Саакашвили расправлялся с «армейским филиалом» оппозиции, по своему обыкновению, шумно, с применением танков, авиации и антироссийских фантазий (Комсомольская правда; 06.05.2009);*

*«**Гиеной Европы**» назвал в своё время Польшу Уинстон Черчилль за ту её жадность, с которой её тогдашние правящие круги приняли в 1938 году участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства (Красная звезда; 07.12.2015);*

*Точно известно лишь то, что умирал Сталин в полном одиночестве, в окружении **стаи политических гиен** (Труд; 08.12.1996).*

Очень часто шакалы и гиены употребляются рядом в одном перечислительном ряду:

*Это и некоторые **политики**, вроде патологического критика Явлинского, всезнающей Хакамады, поучающей, как нам надо жить, и некоторых других. А в это время **стая хищников, гиен и шакалов** окончательно разворовывала страну – то, что не успели или не смогли, где-то поперхнувшись, сделать за годы первого правления. А сейчас, **влезая с нечистыми руками** в энергетику, в железные дороги, авиапромышленность, добивают последнее (Советская Россия; 30.12.2000).*

*Словосочетания, основанные на символических образах анализируемых животных: **шакалы журналистики; гиены пера; российские акулы пера и шакалы***

диктофона; все **шакалы** прессы и **гиены** телевидения и др., являются эмоциональными метафорическими синонимами к слову *журналист* в современной публицистике. Негативная оценка профессиональных качеств связана с тем, что честный журналист, социальная позиция которого выступать в роли общественного контролера деятельности политических акторов, сталкивается с новыми этическими вызовами современности, когда выверенная информация может заменяться грубыми фейками, когда заведомо лживое изложение фактов накладывается на недопустимо злобные, обличающие нападки журналиста на объекта описания с целью вызвать сильную эмоциональную реакцию читателя.

3.2. Вторая группа – домашние животные (свинья)

Мифическая нечистоплотность **свиньи** является стереотипной характеристикой животного в коллективном сознании, ограничивающего «возможности свиньи земной, грязной сферой» [Шестопад, Новикова-Грунд 1996: 12]. В социополитических контекстах свинья метафорически обличает современное общественное бытие. Свинья как эталон низменных инстинктов и нечистоплотности, бытовой и моральной, относится к типу архетипических концептов, под которыми понимаются понятия, «активно транслируемые, закрытые для модификации, не переводимые в иные формы выражения, не допускающие критического восприятия» [Карасик 2003: 43]. Переносное значение лексической единицы *свинья* закреплено в словаре: «4. *Перен.* О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (*разг.*) [ТСРЯ 2008: 863]. Наряду с лексемой *свинья* употребляются лексические единицы, указывающие на самцов домашнего животного, – *боров* и *хряк*, например:

Наши демократы вываливают на всеобщее обозрение, не смущаясь тем, как в такой ситуации выглядят они сами и их господин. А впечатление такое, что Чубайс, как жирный боров, ворочается в вонючей грязи кремлевских политических интриг и хрюкает от удовольствия (Липецкие известия; 16.02.2000).

При развороте свиной темы в данном политическом контексте мотив грязи является основополагающим, сопряженным с утратой нравственных ориентиров, где духовное родство с боровом демонстрирует скотское нутро и человеческую несостоятельность политика, который сравнивается с перекормленным домашним животным и не требует дальнейшей детализации.

Одним из способов выражения негативной оценки безнравственного поведения является предикативная функция зоонима, при которой «происходит совмещение ролевого субъекта и объекта оценки, выраженной зоонимом» [Красильникова 2021: 14], например:

Три бабки шумно ругают Порошенко. – Он же свинья. Добрался до кормушки, нажрался и улегся (Комсомольская правда; 11.11.2017).

Слово *свинья* в синтаксически обусловленном (в позиции предикативного центра), квалификативно-оценочном [Золотова 1988: 25] значении часто используется как оскорбление, поскольку высказывание, включающее имя существительное с ярким оценочным значением в роли сказуемого, «подчёркивает экспрессивность речи и категоричность выражаемой оценки» [Герасименко 2017: 16], например:

Лукашенко регулярно начал осыпать своих конкурентов самыми разными изысканными «комплиментами», называя их, например, «пузатыми буржуями», «жуликами» или «хряками» (Эксперт; 29.06.2020);

Попков вызвал оппозиционного блогера на боксерскую дуэль, когда Навальный в своем аккаунте в ЖЖ назвал волгоградского депутата «едроссовским хряком» (Независимая газета; 13.03.2014).

Стереотипное пренебрежительно-оскорбительное прозвище русского народа *русские свиньи* приписывает нации бытовую нечистоплотность и некультурное поведение, например:

Бывший посол Азербайджана в Белоруссии, Молдове и Пакистане Исфандияр Вагабзаде в перепалке с Жириновским заявил, что русские — свиньи. Вагабзаде заявил, что проливал кровь в Афганистане, исполняя советский «оккупационный долг», работал на русских в Иране, а вся русская нация — воняет как свиньи, во всем мире не продохнуть (МК; 12.08.2021).

Данное прозвище обычно используется при внешней идентификации русского народа, см., например, анекдот про Штирлица:

Полковник Максим Максимович Исаев-Штирлиц зашел в родной московский туалет. Его взору предстали грязные унитазы, измаленные стены и дымящиеся окурки. – И дым отечества мне сладок и приятен! – патетично воскликнул Исаев. – Свиньи. Русские свиньи, – прошипел Штирлиц.

Собранный материал позволил выявить примеры внутренней негативной самоидентификации, под которой понимается «самоутверждение от противного, ...выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего ... антипода» [Гудков 2004: 271], например:

Николай Павлович, дорогой наш член Союза писателей России, а ведь вы – свинья. – Позвольте!.. – Не горячитесь. И я свинья. И весь наш российский, прежде всего русский, народ – тоже свиньи. Да, да, все мы, отцы, матери, дедушки, бабушки, – свиньи, за кого нас и принимает просионистская орда хозяев Останкинской башни, если позволяем так изгаляться над моралью, втягивать своих детей – внуков – правнуков в самый оголтелый разврат ума и чувств! Если на наших глазах, а значит, и при нашем соучастии идет процесс освинячивания молодежи, подростков, детей. И не переставая летят с телеэкрана ошметки грязи идеологизированного накала, сжигающего в душах все благородные устремления, что наработало человечество. Но – раз «свиньи терпят» – а вот им еще и еще! (Патриот; 15.02.2006).

Автор объединяет окружающих его соотечественников на основе негативной солидарности, в основе которой лежат бездействие и равнодушие русских, иногда определяемые как терпение, черту, входящую в ментальную характеристику русской нации. Неизменным у русских остается также отношение к идеологии как к грязному делу.

Метафорическое употребление зоонима *свинья* встречается в политическом дискурсе в составе фразеологических единиц. Пословица *Свинья грязь найдет* «характеризует человека, имеющего пагубные наклонности и привычки, предрасположенного к дурным поступкам, постоянно попадающего в какие-то сомнительные истории» [Ням Тхи Ван Ань 2018: 117], например:

Заглавие газетной статьи: *Ложь – их жизненное кредо.*

Говорят, свинья грязь найдет, а наши недруги (которых верхушка кличет партнерами) придумают причину нападков на Россию. Как и ранее, это зовется идеологической борьбой (Смоленская правда; 08.08.2019);

У этих купленных журналистов прав только их босс, который им платит. Вот к таким СМИ у меня аллергия. Ведь, отработывая данные им их боссом

деньги, журналисты действуют по принципу, сформулированному нашими мудрыми предками: **«свинья грязь найдет всегда»** (Курская правда; 15.04.2010).

В христианской традиции свинья является символом плотских грехов и чревоугодия. Поэтому многие фразеологизмы имеют библейскую основу. Так, анализируемая пословица «восходит к Новому Завету, ко 2-му соборному посланию апостола Петра, в котором он говорит о последствиях отступничества от Господа и осуждает лжепророков и лжеучителей, оставивших прямой путь истины, путь правды и погрязших в грехах и пороках. «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познавши, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: **и вымытая свинья идёт валяться в грязи»** (2Пет. 2:21–22)» (выделение наше. – Ц.Я.) [Дубровина 2010: 579].

Следующий фразеологизм тоже указывает на безнравственное поведение субъекта, в том числе и политического: **«Подложить кому свинью — совершить по отношению к кому-л. непорядочный, низкий поступок, подлость»** [МАС, Т.IV: 50], например:

*Организаторы свары в Госдуме вольно или невольно (а это уж совсем из рук вон...) подложили президенту если уж и не здоровенную **политическую свинью**, то уж средней величины **хрюшку** наверняка (Площадь свободы (Тольятти); 09.04.2002);*

*Пирровой победой на внеочередных президентских выборах Михаил Саакашвили **подложил изрядную свинью** и себе, и курирующему его вашингтонскому «обкому» (Профиль; 21.01.2008).*

С помощью следующего фразеологизма может получать негативную характеристику безнравственного поведения группа внешних политических оппонентов:

*И тоже в связи с Навальным: **спецдокладчики ООН обвинили в отравлении оппозиционного политика власти России. Ну и к чему оправдываться, что-то доказывать, метать бисер перед этими хрюкающими и подхрюкивающими?** (МК; 03.03.2021).*

Фразеологическая единица *метать бисер перед свиньями* имеет библейское происхождение и восходит «к Нагорной проповеди Иисуса: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его

ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мат. 7:6). В этом высказывании заключена мысль о том, что бесполезно говорить о высоких материях с людьми, которым они недоступны или неинтересны; не стоит пытаться приобщить к духовным ценностям тех, чьи души и ум неразвиты, или тех, кто сознательно не желает духовного развития» [Дубровина 2010: 363].

Внешний облик свиньи (голова и глаза) также метафоризируется. В языке фиксируются в качестве ругательств фразеологические единицы *свиная морда*, *свиная харя*, *свиное рыло* в переносном значении уродливого, безобразного лица человека, метонимически характеризующего в целом его отрицательный морально-нравственный облик, например:

*Город! Хочешь ли ты и дальше тратить на еду 44% семейного бюджета? Если нет, наведи мосты с деревней! Деревня! Хочешь ли ты и дальше получать копейки за свой тяжкий труд? Если нет, прорывайся в город, к потребителю. Серп и молот – изначально не так уж плохо было придумано. Жаль, что между ними вклинилось **мафиозно-чиновничье свиное рыло*** (Новая газета; 13.11.2009);

*А хорошие люди сторонятся политики, **не желая испачкаться**. По сути, **власть – это свиное рыло, а государственный аппарат – стойло*** (Красное знамя (Краснознаменск); 20.08.2005);

*В центре — образ «несправедливой власти». «Лицо Системы». Или чаще: «**свиная харя Системы**»* (Дружба народов; 15.09.1997).

Фразеологизм *ни ухом ни рылом* используется для негативной характеристики некомпетентных политиков, не владеющих необходимыми профессиональными навыками:

*А назначение Е. Сатиро на пост министра региональной и национальной политики, который никогда ранее этими вопросами не занимался (кстати, из 26 членов правительства **6 человек на своем новом посту**, как говорится, «**ни ухом, ни рылом**»)* (Советская Россия; 11.08.1998).

Для номинации глаз свиньи (маленьких, заплывших, с тяжелыми веками и бегающим взглядом) обычно используется диминутив *свиные глазки*. Человек с таким типом глаз обычно получает отрицательную характеристику. Эрнст Неизвестный, российский скульптор с мировым именем, так описывает свои

впечатления о знакомстве с представителями политической элиты советского и постсоветского времени:

Хрущев. Умен необычайно. Свиные глазки светятся такой, я бы сказал, анимальской хитростью... Зверюга.

*Ельцин. Из-за телевизора, который может из красавца сделать лепешку, а из лепешки – красавца, я видел его **грубым, неотесанным** коротышкой-крестьянином. Такой **хряк с неблагородными ушками Подгорного и со свинячьим лицом Хрущева** (Аргументы и факты; 08.10.1996).*

«Грязную» оценочность получают и артефактные метафоры свиной атрибутики – помещение для содержания свиней, которое нуждается в серьезной чистке, а также корыто, из которого кормят свиней:

*Как бы ни был Навальный несимпатичен значительной части русской интеллигенции, он на практике взялся за лопату, чтобы **вычистить** российские **политические свинарники**, в то время как достойные представители нации сгрудилась вокруг этих свинарен, чтобы **обсудить, какой гадкий запах оттуда доносится** (Сегодняшняя газета (Красноярск); 18.09.2013);*

*У нынешней власти помимо наследственных пороков «административно-командной системы» появились новые: нечувствительность к бедам людей, неумение признавать ошибки, **жадность до номенклатурного «корыта»** (Аргументы и факты; 12.01.2005);*

*Регулярный гость программы «Московия» (ТВ-Центр) профессор Н. Леонов справедливо назвал панические вопли Гайдара «**визгом поросенка, которого оттаскивают от корыта**» (Советская Россия; 22.09.1998).*

Таким образом, метафорическое употребление зоонима *свинья* в разных его проявлениях переводит пороки и поступки политических акторов в разряд нечеловеческих, характеризует политический мир как лишенный моральных принципов и не обладающий необходимыми профессионально-деловыми качествами.

3.3. Третья группа – мелкие животные-грызуны (мыши и крысы).

В славянской мифологии «мыши и крысы – нечистые животные, относимые в народном сознании к гадам» [Гура 1997: 403], «наделены дьявольскими свойствами» [там же: 404].

Мышь из-за своего размера и невзрачного серого цвета считается мелким и слабым животным, поэтому в политическом дискурсе она часто выступает в метафорическом образе политического деятеля или партии, не имеющих необходимого веса и авторитета среди политических партнеров и электората. Небольшие размеры зверька служит базой для нравственных характеристик, подчеркивающих ничтожность и слабость политического актора, например:

*Единой России просто некому противостоять, – сказал Александр Никитин, – остальные в списках партий – просто **политические мыши!*** (Московский комсомолец в Саратове; 05.12.2007);

*В КПРФ и ЛДПР считают, что дать право называться партией сообществу из 500 человек (сейчас – 40 тыс.) – это слишком. «Зачем **плодить политических мышей?**» – спросил как-то в зале заседаний коммунист Николай Харитонов (Московский Комсомолец; 28.02.2012);*

*Вам не смешно, что карликовая оппозиция наплодила столько кандидатов? Этак, образно выражаясь, можно и до **мышей** прийти. – Можно, да. Эта ситуация показывает **размер и силу оппозиции**. Они – лилипуты (Московский комсомолец; 06.06.2007).*

Слабость животного, проецируясь на мир политики, характеризует и неэффективность политической деятельности. В политическом дискурсе активно эксплуатируется пословица *Гора родила мышь*, которая «обобщает типическую ситуацию, в которой многообещающее начинание имеет ничтожный результат. Это позволяет также включить в характеристики дополнительные коннотации» [Хажирокова 2016: 87]:

*Недавний скандал с оскорблением беременной журналистки переполнил чашу терпения и породил целую волну слухов: мол, теперь-то уж точно Жириновского отправят на покой, он всем надоел, от него решено избавиться...**Гора**, однако, **родила мышь**: думская комиссия по этике ограничилась тем, что предложила лидеру ЛДПР принести пострадавшим извинения и сообщить об этом в СМИ (Известия; 24.04.2014).*

Фразеологизм часто реализуется в трансформированном виде, например:

*И вот какую **мышь родила власть Российской Федерации** – получайте свой «национальный проект» (Советская Россия; 04.10.2005);*

Это даже не гора родила мышь. Это мышь родила мышонка. На место неяркого, забитого, почти незаметного правительства Михаила Касьянова пришло еще более незаметное и неяркое – правительство как абсолютный ноль (Известия; 15.03.2004).

Мышь как вредоносный грызун может манифестировать свою деструктивную сущность, наносящую ущерб окружающим, например:

Грызуны, как и шакалы, тоже чиновники, но только более низкого ранга. Этакая чиновничья мелочь. На уровне домоуправлений, жэков, районных администраций... Грызуны – это и налоговая полиция, и таможня, и ГАИ. Грызуны непобедимы! (Советская Россия; 09.09.2014).

***Крыса** в русской культуре связана с разными образами. Так, крыса соотносится с образом мелкого и ничтожного человека, представленного в качестве чиновника-бюрократа невысокого ранга: *канцелярская / чернильная / архивная крыса*. Чаще крыса воспринимается как символ разрушающего и злобного начала, и в политическом дискурсе крысами оскорбительно называют корыстных и коррумпированных политиков, например:*

*Когда демагоги чубайсовско-гайдаровского пошиба объявили Лигачева «динозавром коммунизма», он напомнил, что после эпохи динозавров наступает эпоха крыс. Слова Лигачева оказались пророческими. Восторжествовавшие вскоре **крысы разрушили и растащили то, что долгие годы героически создавалось руками трудового народа под руководством Коммунистической партии** (Советская Россия; 11.05.2021);*

Политические крысы ...съели больше 140 млрд долларов народных денег за один присест! (Своими именами; 03.04.2012).

Крыса как неуловимое, злобное животное, которое портит и уничтожает все вокруг, вызывает отвращение. Образ крысы, перенесенный на мир политиков, становится одним из способов категоризации с отрицательным коннотативным потенциалом всего политического бомонда, например:

*Ненавижу современных **политических крыс** и блюдолизов (Вечерний Томск; 09.11.2011);*

Новая рубрика газеты «Тыл и крысы» – сатирическая полоса о нашем существовании и жизни тех, кто рулит страной (Новая газета Понедельник; 31.05.1999).

Ущерб, причиняемый крысами, становится яркой приметой «крысиной» характеристики политического мира: тема воровства, мотив кражи – еще одна черта нравственного падения человека из политической среды, например:

В конце 2015-го область госзакупок непривычно обнажилась. Тендеры перешли в электронный формат. Реформа закрыла от крыс сразу две бюджетные дыры: теперь ни украсть, ни замутить не выгодную для государства сделку – круг поставщиков расширился, гражданское общество и предприниматели могут контролировать процесс (Новая газета; 05.02.2016);

А в правительстве крысятничества, как вы говорите, и коррупции нет? – Есть. Эта ржа есть везде. И меня по-прежнему удивляет, почему мэр не понес ответственности за своих заместителей (Наше время (Якутск); 15.06.2007).

В последнем контексте для характеристики правительства используется абстрактное существительное *крысятничество*, образованное от глагола *крысятничать* в значении «презр. жарг. крим. Воровать, красть у своих» [Химик 2004: 281], пришедшего в современную разговорную речь из уголовного жаргона.

Широкую употребительность в политическом дискурсе получает образ *крысы, бегущей с тонущего корабля*. Идиоматическое выражение употребляется для презрительной характеристики тех, кто пытается скрыться при возникновении какой-либо опасности, бросая окружающих на произвол судьбы, например:

Не ради же тех «политических крыс», которые уже покинули или вот-вот покинут корабль по имени Россия? (Аргументы и факты; 26.01.2005);

Два дня спустя с открытой критикой социальной политики Путина выступил Сергей Миронов, который был назначен на нынешний пост не без поддержки Путина; один из функционеров «Единой России» на днях его обозвал «крысой, бегущей с корабля» (Профиль; 15.02.2010);

Понятно, почему Саакашвили никак не может допустить второго тура: во втором туре он гарантированно проигрывает. Во втором туре с Мишиного тонущего корабля побегут крысы (Профиль; 21.01.2008).

3.4. Четвертая группа – птицы (ворона)

Семиотика ворона / вороны широко представлена в русской культуре, см.: [Сумцов 1890; Гура 1997: 530–542]. Смещение ворона и черной вороны «(вероятно, как самца и самки) — факт общеславянского языкового сознания» [Алексеев 2019: 377]. Когда некоторые славянские группы перестали встречать черную ворону, они «перенесли известное название на серую ворону, похожую по образу жизни и поведения» [там же]. Это хищная птица, которая питается падалью и чует ее на расстоянии.

Внутренняя форма слова *ворон* (др.р. и ц.сл. слова *гаврань* ‘ворон’) способствует формированию негативных коннотативных признаков: «нельзя исключать связь с праславянским глаголом *gavrati, находящем современные соответствия в болг. диал. гавря ‘пачкать’, рус. диал. гавря ‘гниль’, гавраться ‘пачкаться’, гаврить ‘пачкать’. В этом случае внутренней формой названия ворона будет — ‘пачкающий, грязный’» [там же: 378]. Предложенная этимология подтверждается данными других словарей: так, этимология рус. гнѣздо предполагает связь с о.-с. *gnojъ ‘навоз’ [Фасмер 1986. Т.1: 420].

Этимологию слова поддерживает культурный контекст: ворон /ворона считается хищной птицей, наделенной определенной мифологической семантикой. Это вещая птица, способная предсказывать будущее, связана с иным миром, со смертью, нечистой силой, вестник зла. Выделение отрицательных признаков ‘нечистота, зло, смерть’ становится основой для метафорического переноса образа птицы на область политики.

Анализ материала показывает, что представители политического мира чаще представлены в форме собирательного существительного среднего рода с суффиксом *-j-* *воронье*. Метафорическое *воронье* характеризует политиков как объединение людей на основе общих негативных качеств – алчности, корыстолюбия, жадности. Слова со значением ‘группа лиц’, образованные по данной словообразовательной модели, «носят уничижительную окраску» [Русская грамматика 1980 Т.1: 206]. «Оценочные номинации подобного типа наглядно демонстрируют общие национальные аксиологические ориентиры в оценке качеств человека» [Смирнова 2021: 64], в том числе и отрицательных, например:

И когда в полыхающей Хову-Аксы (Тува) вошел ОМОН и вороньем

слетелись политики – пришел конец всему. Большинство русских продали свои квартиры жаждущим тувинцам за копейки, завод без русских встал (Комсомольская правда; 17.08.2010).

Контексты конкретизируют объединения политиков-хищников, жаждущих что-либо присвоить и захватить. Это могут быть:

В России правит бал олигархическое и чиновничье воронье, полностью зависящее от зарубежных партнёров (Парламентская газета; 18.12.2009);

Стараниями Березовских, Чубайсов, Гайдаров, Кириенок, Немцовых, Черномырдиных, Степашиных – всего воронья, обсевшего Россию (Советская Россия; 20.01.2000);

«Соколы» Жириновского оказались хуже воронья (Московский комсомолец; 12.10.2002);

Произошла формальная перегруппировка старого «политического воронья» и никаких существенных изменений в следующие четыре года ожидать не приходится (Гудок; 01.12.1998);

Про генералов и сказа нет – сегодня это черное воронье, остервенело терзающее тело армии в России (Советская Россия; 21.11.2002).

На оппозиции черного и белого оперения птицы строятся некоторые фразеологизмы. Если весь политический мир метафорически эксплицируется как черное воронье, то исключение из большинства предстает в образе белой вороны, устойчивого выражения, называющего политика, резко отличающегося от окружающих и в политическом контексте являющегося редкой положительной фигурой, например:

Газетный заголовок – *Белая ворона Европы. Надо признать, что 73-летний Земан – самый необычный из всех президентов современной Европы. Оставаясь сторонником евроинтеграции и ничего не имея против участия своей страны в НАТО, он, тем не менее, выглядит белой вороной на фоне других политиков, в массе своей безликих, послушно следующих указаниям из Вашингтона и Брюсселя. Он и не прозападный, и не промосковский, а, как верно заметил один эксперт, «политик, воплощающий в себе чешский национальный характер»* (АиФ; 31.01.2018);

Сегодня в партии слишком мало белых ворон, которые не боятся

нестандартно мыслить и высказывать свою точку зрения (Босс; 15.08.2012).

Политические объединения могут быть представлены и словосочетанием *воронья слободка*, образно называющим коммунальную квартиру со скандалами и склоками, пришедшим в прецедентный культурный лексикон из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Метафорически вороньей слободкой в политической сфере называют «коллективы, где царят зависть, интриги, взаимное недоброжелательство» [Серов 2005: 103–104], например:

*Созданием позитивной повестки дня никто в наших политических кругах по-прежнему не занимается. Все слишком заняты. **Оппозиция – разборками в своей «вороньей слободке».** А власть – ее разорением* (Московский Комсомолец; 22.11.2012);

*Для пропаганды включена вся мощь **телевизионной «вороньей слободки»*** (Московский Комсомолец; 19.12.2015);

Все это прямо относится к современной «вороньей слободке» – к СНГ: Туркменбаши заявил, что ему надоело продавать России газ по \$65 за тысячу кубометров (Наша Версия; 26.06.2006).

Ворон / ворона – птица со зловещим криком, который «производит неприятное впечатление по сочетанию острых режущих звуков *кр*. Воронье граянье (полет с криком) с древнейших времен в России считается недобрый знаком» [Сумцов 1890: 4–5], который пророчит несчастья. В современном русском языке глагол *каркать* развивает переносное значение: «2. *перен.* Говорить, предвещая что-н. неприятное (разг. неодобр.)» [ТСРЯ 2008: 325]. Злопыхательская, неконструктивная критика политических акторов обычно вызывает осуждение, которое метафорически вербализируется с помощью глагола *каркать*, см. например:

*И пусть себе **критикует и каркает** какая-нибудь политическая «ворона», ей ведь не отвечать перед народом за свои вопли. А власть за свои решения будет отвечать всегда* (Комсомолец Каспия; 02.12.2011);

Оппозиционеры направо и налево каркают о развале России, о крахе федерализма, изоляции страны (Белгородские известия; 30.11.2004);

*Сегодня наша журналистика не хочет петь, она не хочет быть соловьем, ее устраивает роль **каркающей вороны*** (Волгоградская правда; 25.09.2007).

Телевизионное воронье, зло каркающее над саврасовским пейзажем

поруганной ныне России (Советская Россия; 15.11.1997);

Гайдар, Чубайс, Кириенко не слезают с экрана, критикуют, каркают, поучают, будто они ни при чем (Советская Россия; 03.11.1998).

Круговая порука и соучастие в плохих делах – еще одна черта безнравственного поведения политиков, которая метафорически тоже получает свою «воронью» экспликацию, например:

Они не понимают, что ворон ворону глаз не выклюет и что суды чести среди чиновников будут работать лишь тогда, когда честным станет подавляющее большинство государевых слуг (АиФ; 27.08.2014);

Ворон ворону глаз не выклюет – есть закон существования номенклатуры, особенно в условиях российского государства (Профиль; 02.07.2001).

В СМИ часто встречаются обвинения в адрес политики, проводимой Россией. Ее критикуют за излишнюю доверчивость и недальновидность, которые оцениваются как глупость и неспособность к рефлексии и самооценке. Метафорическая вербализация критики – использование басни И.А. Крылова «Ворона и лисица» в качестве прецедентного знака, например:

Выходит, как в басне Крылова: Россия выступает в роли Вороны, выронившей сыр исключительно по собственной глупости и беспечности (АиФ; 23.02.2005);

Смогут ли договориться Россия с Америкой? Валерия Новодворская, политик – Я не думаю, что они стремятся договориться. ...В итоге Косово получит независимость, ПРО американцы построят, а Россия будет продолжать каркать во все воронье горло (Комсомольская правда; 02.07.2007).

Таким образом, ворона выступает как олицетворение разных пороков, для характеристики безнравственного поведения политиков берутся отдельные черты птицы, имеющие семиотическую нагруженность. Так возникает негативное сложно-смешанное изображение политического мира при опоре на разные символические черты вороны.

3.5. Пятая группа – насекомые

Насекомые – очень важный образ не только в политической метафорике. Обращение к этому классу живого мира имеет большие культурные традиции.

Образы насекомых вписаны в контекст русской литературы XIX века, см.

исследования энтомологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого: [Богач 2017; Ватутина 2013; Козубовская 2011; Кравченко 2019; Нагина, 2019; Шеина 2015 и др.]. Инсектный сюжет наполняет поэзию и прозу XX века. Достаточно вспомнить пауков в поэзии символистов (Блок, Белый, Брюсов), стрекоз Кузмина, мух Хлебникова и обэриутов (Олейников), бабочек Набокова, пчел Мандельштама, клопа Маяковского, тараканов Булгакова и Муху-Цокотуху Чуковского, инсектарий Платонова, который созвучен с романом Пелевина «Жизнь насекомых». Картину дополняют насекомые западной культуры XX века в целом, впечатляют образы мух у Сартра и Камю, кузнечиков у Дали и других сюрреалистов, которые закономерно переходят в кинематографические образы.

«В XX веке инсектный код можно считать одним из субвариантов телесного кода, он выступает как глобальный метатроп авангарда. ... Авангарду в высшей степени свойственно переживание самоотчуждения как проекции гротеска и абсурдности. Инсектный код является одной из ярких вариаций этого отчуждения» [Злыднева 2004: 241]. В пространственно-количественной характеристике код описывается второй частью оппозиций *целое/ дробное, крупное/ ничтожное, единое/ множественное*, «акцентируя мелкое, распыленное, нецелостное начало мира» [Там же].

Образы насекомых носят амбивалентный характер. С одной стороны, они обладают негативной семантикой: к ним относятся насекомые, отмеченные человеческой телесностью или бытом, «связью с повелителями низа» [Топоров 2008: 712] (*клоп, вошь, блоха, таракан, муха*), они ассоциируются с болезнью, мусором, ничтожным существованием, войной, Апокалипсисом; с другой стороны, обладают позитивной семантикой (чаще всего она связана с образами *пчелы, муравья и божьей коровки*). При этом *муха, комар, клоп и блоха* доминируют над *пчелой, муравьем и бабочкой* [Ханзен-Лёве 2003; Hansen-Løve 1999]. Исследовательский интерес для нас представляют насекомые, которых относят к классу нечистых.

В политическом дискурсе возможна реализация негативно-метафорического значения в обобщенном образе *политические насекомые*. В образе насекомых – «достойные презрения люди» [Вайс 2008: 20], например:

Период оттаивания от тоталитарной заморозки и торжества политического пережня и политических насекомых, когда в политике процветали неряшливая профанация и наглая ложь а ля Чубайс – Гайдар – Кириенко или российский маккартизм в духе Березовских – Боровых – Новодворских, закончился явным отвращением народа к этим сценариям из разряда третьесортной продукции западных спецслужб (Советская Россия; 13.07.1999);

Новоявленное политическое насекомое Волошин, открытое самодержцем среди навозных куч собственной Администрации (Дуэль; 25.05.1999);

Поскребите Илюхина или Селезнева, и под хитиновой оболочкой политического насекомого вы найдете похабного обывателя, молящегося на свою дачку-тачку... (Дуэль; 24.08.1999).

Обратимся к материалу и покажем, какие конкретные «нечистые» насекомые представлены в политическом дискурсе.

Одним из часто встречаемых образов является **муха**, которая «ассоциируется с нечисто-плотным в отношениях и вкусах обществе» [Ватутина 2014: 220]. Мух относят к нечистым насекомым: образ ведьмы-мухи, муха как предвестница смерти [Гура 1997: 437–440]. Это хтонические существа, «воспринимаемые как нечисть», поэтому подвергаются ритуальному изгнанию [Там же]. В.Н. Топоров отмечает главные характеристики, определившие символическое значение образа мухи: малые размеры, назойливость, нечистота насекомого. Муха – носитель зла и греха в христианской традиции [Топоров 2008: 699–700].

В объективной действительности на роль предвестницы смерти претендует муха-цеце, опасная своими укусами, приводящими к смертельному исходу. Политический дискурс использует метафорически образ этой мухи для характеристики политиков, позиции которых наносят смертельный урон населению, например:

Вы посмотрите, кто в Давосе, помимо Черномырдина, представляет от Госдумы экономические интересы России: Чубайс, Кириенко, Хакамада, Титов... То есть те самые «правые», которые недавно заявили, что через российский парламент они будут «добиваться прекращения вмешательства государства в экономику» («Парламентский час», РТР, 30 января 2000 г.). Это те самые

политические мухи-цеце, которые считают, что «избыточные социальные гарантии – источник несвободы» (Время, Омск; 01.02.2000).

Признак ‘нечистоты, порчи’, основан «на способности мух пачкать своими испражнениями различные предметы, фиксируется в выражениях *мухи засидели* (что-л.), *засиженный мухами*, обозначающих нечто ‘грязное, испачканное, практически не пригодное к использованию» [Вознесенская 2021: 837], см., например:

В телевизионных отчетах с учредительного съезда показывались исключительно слетевшиеся на сладкое оппозиционное блюдо политические мухи: Ампилов, Зюганов, Жириновский, Макашов и прочие (Московские новости; 23.09.1997).

Признак нечистоты и порчи манифестируется с помощью устойчивого выражения *мухи – отдельно, котлеты – отдельно*, истоки которого лежат в известном факте: мухи, слетаясь на еду в больших количествах, начинают портить продукты питания, откладывая на них свои отходы жизнедеятельности, а также перенося бактерии, вирусы и яйца паразитов. Происхождение идиомы связывают с известным анекдотом: *Приходит мужчина в столовую на обед и заказывает котлету. После обеда официант спрашивает понравилось ли ему? — В целом хорошо, но, когда я приду к Вам в следующий раз, принесите мне мухи отдельно, а котлеты отдельно*. Крылатая фраза зафиксирована во фразеологических словарях со значением: «Нельзя сравнивать несравнимые вещи, суть разных вещей должна быть обособлена» [Белко 2000: 24].

Выражение получило широкое распространение в политическом дискурсе. Источники указывают, что первым из политиков, озвучившим эту фразу в прямом эфире, был генерал-губернатор А. Лебедь в 1992 году. Но популярность идиома получила при употреблении ее президентом В.В. Путиным в 2002 году на переговорах по созданию Союзного государства России и Белоруссии: *Не должно быть юридической шелухи и каши, с которыми мы потом не сможем разобраться. Нужно, чтобы наши партнёры поняли для себя, определились, чего они хотят. И нужно понять, чего мы хотим, чего хотят наши партнёры. Котлеты отдельно, мухи отдельно должны быть* [rusvesna.su›news/1443174971].

Идиома стала широко употребляться для характеристики других социальных

ситуаций. При этом в роли мух выступают разные объекты, объединяемые признаком ненужного или плохого. Складывается еще одно оценочное значение идиомы: «нужно отделять хорошее от плохого, нужное от ненужного». Признак плохого и ненужного приписывается мухам, например:

Народ не желает «смешивать котлеты с мухами», т.е. парламентские выборы с надуманным «референдумом» (Советская Россия; 27.11.2007);

А в навязанном России устроителями капитализма «валовом внутреннем продукте» перемешаны «котлеты с мухами»: в «продукт» включаются и неоправданно раздуваемые расходы, паразитическое пожирание плодов народного труда (Советская Россия; 17.09.2016);

Мы к 1 июля 2011 года неразумно приняли ряд решений: сначала по акцизам, потом по страховым взносам. И так совпало, что к моменту запуска Таможенного союза мы подбросили в мясные котлеты пару мух (РБК-daily; 14.07.2011).

Политический дискурс вписывает оппозицию котлеты – мухи в новый контекст социально-имущественного расслоения общества. В качестве мух выступает малоимущая часть населения страны или продукт, предназначенный для этой части общества, а в «котлетный» перечень попадают крупные политики, олигархи, высокооцениваемые объекты недвижимости и т.д. (список представляет собой открытый ряд предметных имен), а также продукт, потребляемый данными субъектами, например:

В Сочи будет рай земной для Путина, Медведева, Кудрина, Батуриной, Лужкова, Чубайса, Кириенко, Гайдара, Дерипаски, Зурабова, Собчак Ксюши, Миронова, Грызлова, Жукова, Володина, пустоговорун Исаева, ну и так далее. Эти люди отделили нас от себя, как «мух от котлет». Они у нас все отобрали и разделили, а народ шел и голосовал за тех, кто их довел до такой тяжелой жизни (Советская Россия; 26.04.2008);

О последнем можно напомнить реплику президента о разделении мух и котлет: Вся страна видит, что котлеты достались эффективным мародерам (по Чубайсу – эффективным собственникам), а... все остальное – этому... как его... электорату! (Советская Россия; 17.04.2004);

В общем, без особого пиетета простая служащая районной администрации

обычного российского города наконец-то расставила в нашей стране все по своим местам: «мух» (российских военнослужащих) – отдельно, «котлеты» (дефицитные и дорогостоящие квадратные метры) – отдельно (Красная звезда; 23.12.2006);

Интересы государства теперь никак не связываются с интересами каждого из граждан России. Как говорил наш президент, мухи отдельно – котлеты отдельно. Вот и разжирели на котлетах наши миллиардеры. А все остальные – это те, кому мухи... (Советская Россия; 29.01.2004);

Вам на государственном блюде подают мух вместо котлет (Советская Россия; 06.03.2010).

В вышеприведенных контекстах актуализируется признак ‘маленький размер’ насекомого, трансформируемый в образ ущербно бедного, ничтожного представителя российского электората, в образ маленького человека. Аналогичную символику мухи можно найти в творчестве Ф.М. Достоевского, у которого «признаки ‘беззащитности’, ‘уязвимости’ мухи воплощаются словами «униженная и оскорбленная», имеющими чрезвычайную значимость в художественном мире Достоевского» [Вознесенская 2021: 836].

В образе мухи может выступать и политическая элита, в этом случае лексема муха сопровождается атрибутивным характеристикатором *жирная*, например:

Родные и близкие Александра Степановича Паникина были убиты горем, над гробом шумно гудели, каждый пытаясь записать его в соратники, жирные политические мухи, внутренне глубоко чуждые ему люди: М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев... (Слово; 25.08.2017).

Данный контекст актуализирует признаки ‘назойливость’ и ‘надоедливость’, получившие «отрицательную» репутацию в русской культуре, см. также:

Подберезкин же исключен из думской фракции КПРФ, а его присоединение к «Отечеству» квалифицировано «как эффект политической мухи», которая назойливо жужжит, раздувая свою значимость (Тамбовская жизнь; 25.08.1999);

Что ж, с предпринимательством, которое в нашем случае можно сравнить с котлетами, разобрались. Но что делать с мухами, которых от котлет далеко отогнать невозможно? (Регион-Информ; 16.12.2003).

Таким образом, ассоциации с грязью далеко не единственные в семиотике

«политической» мухи, метафорический образ создает целый спектр аналогий.

Слепень – кровососущее насекомое, которое садится на поверхность потной кожи человека или домашнего скота и кусает их. Эти крупные мухи также распространяют болезни, тесно связанные с нечистотой. Их часто называют мухами-вампирами, и в политическом тексте они метафорически актуализируют признаки хищения, кровожадности и назойливости, например:

Недаром лоббистов называли слепнями, вьющимися над быком, без которых тот и пашет вяло, и тупеет на глазах. А почему многие из политиков и чиновников — лоббисты? А потому, что все мы, включая весь цивилизованный мир, давно существуем в реалиях политического рынка, где политики — такой же товар, как и любая система идеологии (Аргументы и Факты; 05.05.2010);

Силу противникам России дает именно то, что они соединились в систему: политики с кулаками гориллы и разумом ребенка-дебила, бизнесмены – роботы монетаризма, буржуа-потребитель и наши демократы, попутчики всех этих духовных лидеров; Россию вовсе не убили, а загнали, как лошадь, в болото, где облепили ее оводы и слепни (Советская Россия; 21.06.1994).

Часто метафорическая вербализация образа слепня реализуется в рамках оппозиции *народ – власть*, например:

И загнал народ обратно в стойло, где тот до сих пор благополучно пребывал, пока его кровь высасывали российские властно-финансовые слепни (Россия; 17.09.1999);

Второй эшелон партноменклатуры, пересев в новые кресла, набивает себе карманы, только уже под демократическими лозунгами. (Знаете притчу: сидел на базаре нищий, голое тело которого облепили слепни. Мимо проходил человек и, пожалевав его, согнал насекомых. «Добрый человек! – взмолился нищий. – Зачем ты прогнал их? Ведь эти слепни уже напились моей крови и сидели просто так. А сейчас прилетят новые, голодные...») (Независимая газета; 02.10.1992).

Следующий обитатель политического инсектария – **таракан**, образ которого «традиционно связан с совокупностью негативных оценок» [Будаев 2022: 38], обусловленных связью насекомого с бытовой грязью, мусором, пищевыми отходами, которые сосредоточены в местах скопления мусора, например:

Политические тараканы с жуткими аббревиатурами типа МРП-ПДП,

*РКП-КПСС, ВКП(б), РПДП(б), ДРП(м), КПТП и КРДМС гордо объявляли себя истинными пролетариями, клеймили прочих мелкобуржуазными уклонистами, а потом тихо **отправлялись на политическую помойку** (Наша Версия на Неве (16.03.2009));*

*Подобно своим российским и европейским братьям, югославские коммунисты превратились **в кучку политических тараканов**, занятых в основном междоусобными потасовками **на свалке истории** (Спецназ России; 15.07.2004).*

Исследователи традиционной русской культуры делают вывод о «бинарном восприятии тараканов, которые ...выступали в качестве эманации как вреда, так и блага» [Спиридонова, Обнорская 2022: 209]. Культуролог В. Елистратов пишет о полифункциональности и «в высшей степени диалектичности» образа таракана: он «стремится занять **все пространство** культуры: он и хороший и плохой, и мудрый и глупый, и злой и добрый, и объект поклонения и объект гонения» [Елистратов 2006: 222].

Последняя цитата одновременно с оценкой амбивалентности насекомого подчеркивает ключевые характеристики архетипизации таракана: его живучесть и вездесущность, плодовитость и изворотливость. Данные признаки активно метафоризируются в политической сфере, используются при оценке многочисленности чиновников при неэффективности их работы, например:

*Шла подготовка кандидата в преемники Ельцина Черномырдина на президентский пост, но **чиновничья тьма тараканья**, олигархи перегрызлись за власть и съели Черномырдина (Астраханская правда; 30.08.2006).*

«Образ непобедимого таракана коррелирует с образом политика-приспособленца» [Каранкевич 2019: 50], например:

*Всё чаще к элите у нас причисляют **не профессионалов**, предлагающих обществу конкурентоспособные и высокотехнологичные товары, идеи и решения, а людей при должности или тех, которые умело обслуживают начальство. Тех, кого В. Путин недавно в сердцах назвал «тараканами». Они и плодятся по-тараканьи. Поголовье чиновников в России с 1999 года возросло почти вдвое и достигло 1,5 млн особей (АиФ; 24.06.2009);*

*Вы, либералы, всегда придерживаетесь **тараканьей психологии**, оставляя для себя в законе дыры и щели, в которые вы научились ловко нырять*

(Советская Россия; 29.11.2001).

Насекомых, обитающих в доме, воспринимают как нечистых, поэтому подвергаются «изведению, ритуально-магическому изгнанию» [Гура 1997: 416].
Идея уничтожения мусора реализуется и в политическом тексте:

Один из активных перестройщиков, бывший главный редактор «Огонька» Виталий Коротич также считает: беда Горбачева в том, что не смог разогнать тараканье царство чиновников, обросших всевозможными служебными благами (Парламентская газета; 06.03.2001).

Вездесущность и надоедливость как дискредитирующие качества могут быть характерны для поведения отдельных политиков, например:

А Россия — вечно здесь все не как у людей — наоборот, вымирает потихонечку, одного Жириновского навалом: совсем достал по всем телеканалам — хуже таракана (Знамя; 15.10.2005).

Зооморфная метафора может быть привязана к вопросам политической борьбы, носящей нечестный подковерный характер, например:

Следующие выборы в Государственную Думу, следующие выборы мэра города... Если не будет этой тараканьей возни, подозрений и реальных подтасовок... Если будут сформированы избирательные комиссии из честных и ответственных людей... Это все реальные вещи! Прошедшие выборы губернатора — показательны. Ведь какая была жуткая вакханалия! (Арсеньевские Вести (Владивосток); 14.11.2002);

Фразеологический корпус, включающий «тараканьи» образы, реализуется в политической сфере. В нашем материале мы обнаружили идиомы

тараканы в голове, см.:

Россия выживала, как могла, приходила в себя, разбиралась со своими тараканами в голове (Известия; 12.01.2010) – о странностях политического поведения на государственном уровне;

и тараканьи бега, см.:

Понятно, что, доводя упрощение регистрации до такого уровня, власть устраивает тараканьи бега, в которых будет участвовать масса партий (Берег (Воронеж); 21.06.2012) – традиционная ирония по поводу иллюзорности такого важного дела, как выборы, о тех, кто делает карьеру ради карьеры.

Образ *вшей* и *клопов* напрямую связан с телесной нечистотой. Эти насекомые паразитируют на теле человека, высасывая кровь и распространяя болезни, например:

Демократические фракции – это кусок мыла. Без них тело парламента покрывается грязью, вшами и дурно воняет (АиФ; 13.12.2006);

Почему у Ходорковского нет перспектив? Потому что в глазах обычных людей он – клоп, насосавшийся народной крови. Как, собственно, и Прохоров, и все остальные (АиФ; 30.05.2012);

Известная своей открытостью и прямой Л. Слиска не побоялась обсудить случившееся с корреспондентом «АиФ». Засранцы они, – охарактеризовала она нацболов. – Да мало ли у нас еще таких клопов вонючих? У них одна цель – повонять и уйти», – презрительно бросила г-жа Слиска, вселяя уверенность в то, что «клопов» скоро повыведут (АиФ; 05.01.2004).

Расчеловечивание образа политических акторов усиливается одорически значимым компонентом – клоп имеет неприятный запах. «Наличие запаха – это чаще всего фиксация отклонения от нормы. Одним из самых распространенных описаний запаха является введение в текст оценочного указателя» – прилагательного *вонючий* и глагола *повонять* [Басалаева 2021: 162]. Метафорический образ в последнем контексте дополнен идеей изгнания нечистых насекомых.

«Вошь во фразеологии предстает как весьма неприятное существо, присутствие которого в жизни человека олицетворяет неблагоприятные условия существования (бедность, грязь, уродство), и связывается с отрицательными психическими характеристиками личности» [Вознесенская 2013: 99]. В политическом дискурсе эти характеристики реализованы в выражении *вошь на аркане*, которое обычно относится к населению страны, например:

*Власть не чувствует фальши своих отношений с народом. Вот снова вознамерилась украшать грудь «рабочих и крестьян» звёздами героев. Но не повторится ли старая советская история: **грудь в медалях, а в кармане – вошь на аркане?*** (Аргументы и Факты; 19.12.2012);

*Сегодня, когда **в кармане**, как говорится, **вошь на аркане**, народ такими фокусами не развеселишь и не успокоишь. Так что речи депутатов и политиков*

народ проверяет не на слух по «Говорит Москва», а при выходе из «Пятёрочки» по чеку или дома по опустевшему холодильнику (АиФ; 02.03.2016).

Переносное употребление получает и производное прилагательное *вшивый*, имеющее значение «ничего не стоящий, очень плохой, ничтожный» [Большой толковый словарь Кузнецова 2001: 165]. Лексема часто функционирует как оскорбительный атрибутивный или предикативный характеристизатор при номинациях разных социальных групп общества, например: *Демократы вшивые; вшивый интеллигент; вшивые* – субстантивированное прилагательное (латышские националисты о русских); *войки они вшивые* (русская пресса об американцах) и др.

Производное существительное *вшивость* фигурирует в составе идиомы *проверка на вшивость* в значении «испытание человека на честность и порядочность». Данную проверку государственные деятели не всегда выдерживают, например:

Немцов до сих пор возвращается к этому «автомобильному» эпизоду своей биографии: решение о пересадке на «Волги» скорее было, простите за выражение, проверкой на вшивость российской бюрократии. Могу сказать: бюрократия оказалась вшивой» (Советская Россия; 18.09.2003);

С. Глазьев, независимый депутат Госдумы: «Я был готов к тому, что ряд моих партнеров по блоку может не выдержать... проверку на вшивость» (АиФ; 17.11.2004).

Испытанию могут подвергаться и результаты деятельности политических и экономических акторов:

Законопроекты, поступающие в Госдуму, будут проверяться на «коррупционную вшивость» (Вёрсты; 24.12.2002);

Импортозамещение как проверка на вшивость (Московский Комсомолец; 21.08.2014).

В политическом дискурсе активно употребляется лексема *гнида* – «1. Яйцо вши» [ТСРЯ 2008: 156] в переносном негативно-оценочном значении по отношению к политикам: «2. Перен. Ничтожный, подлый человек (прост. бран.) [там же]:

*В очередной раз благодарим наших партнеров из журнала Der Spiegel, позволивших нам прикоснуться к тайникам мысли господина Саакашвили, поскольку интервьюировать эту **гниду** самостоятельно не имеем ни желания, ни возможности (Профиль ; 25.08.2008);*

*Это не журналист, а абсолютно беспринципная **гнида** (Новая газета; 01.06.2018);*

*Первый Министр иностранных дел РФ Козырев был эталонной **гнидой**, идеально отвечал политическому клише «компрадор» (Газета Завтра; 08.04.2020).*

Часто единица, как и слово *свинья*, используется в роли оскорбительной номинации при обращении:

*«Ублюдок, **гнида**, пустозвон!..» Тут отключили микрофон (Из стенограммы заседания Госдумы) (Комсомольская правда; 03.11.1999).*

Блоха, следующее насекомое-паразит в политическом инсектарии, как и вошь, ассоциируется с бедностью: если продолжить идиому *в одном кармане – вошь на аркане*, то в синонимичный ряд встанет блоха: *в другом – блоха на цепи*, ср. еще один вариант идиомы: *в кармане вошь на аркане да блоха на цепи*.

Метафорические употребления слова *блоха* основаны на актуализации признаков ‘малый размер’, «бессчетность – дробность, ...подвижность» [Терновская 1995: 197]. По отношению к образу политика и его деятельности актуальные семы переходят в класс коннотативных признаков ‘ничтожность’, ‘незначительность’, ‘множественность’ и ‘нечистота’, например:

*А Россия стоит на месте. **Политика утрачивает масштаб**. У нас даже не политический базар, а **политический блошинный рынок**. Не знаю, беспокоят ли расплодившиеся на всех уровнях власти политические блохи Владимира Владимировича? Судя по последним мерам в кадровой политике – стали беспокоить. Беспокоят они и россиян (АиФ; 28.08.2013);*

*Состояние российской экономики есть концентрированное выражение **неумелой политики**. Мое глубочайшее убеждение, что в стране создана не экономика муравьев и термитов, а экономика **блох, вшей и клопов**. **Наша экономика больна педикулезом**» (МК; 25.04.2019);*

*А **политика** по-прежнему будет напоминать **блошиную возню!** (АиФ; 22.08.2012).*

«Блохами также называют всяческое зло» [Терновская 1995: 197], поэтому проявления безнравственного поведения политика реализуются в метафорических сочетаниях *блоха корысти, шкурничества, злобы* и др.

В словарном толковании слова *моль* присутствуют признаки порчи, поскольку она является «вредителем меха, шерсти, хлебных зерен, растений» [ТСРЯ 2008: 458]. Вездесущая моль, которая при чрезвычайно малых размерах наносит неисчислимый вред, является олицетворением ничтожности. На страницах советских газет в 20-е гг. XX века «слово *моль* нередко появлялось как символ «откровенного хищения» и «полуоткровенного жульничества» [Еременко 2016: 41].

Собранный материал характеризует весь политический мир как царство моли, безнравственного сообщества политиков, для которых постоянное стремление нажиться за счет других говорит о «забвении истинных духовных ценностей» [там же]:

Мы резко выступили против политики, проводимой «единороссами». Вообще, президенту сегодня не на кого опереться, потому что он имеет дело с «царством моли» (АиФ; 17.11.2004);

Дмитрий Rogozin, депутат Госдумы (об окружении президента): «Одна моль вокруг, посмотрите, одна моль. Он заходит... и одна моль, и даже нафталина нет!» (Московский комсомолец; 09.11.2004).

В нижеследующих контекстах выстраивается развернутая аллегория постоянного стремления к обогащению:

Я думаю, что в наше время на пространстве бывшего Союза синонимом слова «политик» является слово «паразит». Звонил я Проханову неоднократно, да не дозвонился, хотел спросить: «Александр Андреевич, а могли бы вы представить Россию платяным шкафом? И моль, которая восемь лет здесь хозяйничает? И самого себя, который эту моль уговаривает пожить на испорченном ею платье еще четыре года? Все моль сожрет, чем мы с вами стыдобу прикроем?» (Советская Россия; 30.12.2006).

Мотив внутренней грязи аморальной политической среды, имеющей нечеловеческий облик, эксплицируется насекомыми-паразитами:

Это все книги, стреляющие по врагам Отечества, по лицемерам-карьеристам, в свое время присосавшимся к компартии и воспевавшим все

деяния всех, кто наверху, **во имя корыстных интересов**. По тем, чья мораль как у моли или вши: **«Плевать, что это шапка самого Мономаха! Сожрем!»** (Патриот; 17.05.2007).

Выражение *потраченный / изъеденный / избитый / битый молью* получает переносное значение «о чем-то устарелом, отжившем» [ТСРЯ 2008: 458]. В зависимости от определяемого существительного оно имеет значение утраты значимости, потери морально-нравственных ценностей, например:

Полностью рухнула вся вертикаль власти, избитая молью коррупции, чиновничьим клановым семейным клановым и жадной неумной наживы за счет народа (Советская Россия; 27.02.2014);

За последние семь лет в президентских рейтингах социологов появилось лишь одно новое имя, и то уже битое политической молью, – нынешнего красноярского губернатора Александра Лебедева (Коммерсантъ-Власть; 16.03.1999).

Выводы

В кластере «Бестиарий как составляющая грязи и мусора» описан круг представителей животного мира, семантически связанных с концептами грязи и мусора. Зоометафоры объединены в рамках одного ряда значений, относящихся к характеристике морально-нравственных аспектов политического бытия. Конститутивную особенность зоосемантики составляет аксиологическая составляющая. Оценочные ниши со знаком «минус» заняли животные, дискредитирующие сущность государственной власти. Бестиарные моменты безнравственного поведения политиков на основе прямых ассоциаций с грязью (например, метафорический образ свиньи) не всегда главные в семиотике представленного зоомира. Так, в сближении масштаба мира насекомых и политиков концептуализируется ничтожность и незначительность партийной деятельности, которая обесценивает политическую жизнь. Метафоризация основана на широком спектре объективных аналогий действий и характеристик политических акторов и повадок и поведения животных. Метафорическая интерпретация обычно опирается на представления, сложившиеся в русской культуре. Кластер демонстрирует расчеловечивание политического мира, лишения его человеческих качеств путем приписывания политикам зооморфных черт. Бестиарное метафорическое уподобление напоминает мозаичную картину, в которую каждый из представителей

животного мира вносит свою лепту, тем самым создавая комплексный портрет современного политика, очерчивающий многомерность его морально-нравственного падения. Фразеологический материал поддерживает метафорический перенос, направленный на характеристику человека политического с точки зрения морально-нравственной системы координат.

Завершая анализ выделенных сегментов метафорического поля *грязи* в политическом дискурсе, еще раз подчеркнем, что концептуальная метафора – принципиально открытая и динамическая система. Когнитивная метафора *политика – это грязь*, являясь базовой метафорической моделью, демонстрирует широкий спектр возможного метафорического развертывания. Предложенная схема кластерного представления материала характеризуется единством тематической соотносительности значений, ассоциативных уподоблений, являющихся языковой репрезентацией соотношения понятийных сфер, объединенных общей сакрализацией низкого, нечистого, перенесенного в морально-нравственную сферу, в область морально-нравственного разложения.

Анализ метафорических интерпретаций *грязи* как когнитивного нарушения допускает бесконечные понятийные расширения. Любое нарушение культурных кодов мы можем отнести к феномену грязного. Так, концептуальная оппозиция *чистота / грязь* транспонируется в сферу религиозной морали, в духовно-этическое: *святость / грех*.

Обращаясь к потенциальному развертыванию базовой метафоры, можем сказать, что локусами *грязи* может быть тело человека, и тогда *грязь* как результат загрязнения концептуализируется в виде политической нечистоплотности, грязных рук политиков, грязного белья, в котором можно рыться. Локусом *грязи* может быть дом человека, где грязным местом (по сравнению с остальными помещениями) является кухня (о политической кухне как отрицательно заряженной когнитивной метафоре, см.: [Вепрева 2019]). На основе антонимических связей может быть развернуто охарактеризован второй член оппозиции *грязь – чистота*.

Сьюзен Зонтаг, американская писательница, режиссер и философ, в своей работе «Болезнь как метафора» пишет: «The subjects of deepest dread (corruption, decay, pollution, anomie, weakness) are identified with the disease. The disease itself becomes a metaphor» «Предметы глубочайшего страха (коррупция, разложение,

загрязнение, аномия, слабость) отождествляются с болезнью. Сама болезнь становится метафорой» (перевод наш – Ц.Я.) [Sontag 1978: 58]. Таким образом, еще одно концептуальное развертывание базовой метафоры – это линия *заразы* и *микробов* как ее разносчиков, *гноя* как как продукта выделения при воспалении живого организма, *гнили* и *плесени* как продуктов разложения. Нечистоты – это убежище не только для микробов и насекомых как распространителей заразы, но и животных. Класс гадов (*змей, гадюк* и других рептилий) можно присоединить к политическому bestiарию. К разряду вредного и ненужного стоит отнести объекты растительного мира – *сорняки*.

Отсылка через любой компонент метафорического уподобления ко всему ассоциативному полю базовой метафоры показывает глубинную сложность организации когнитивной метафоры.

Заключение

Современные СМИ стали основной средой бытования политической жизни общества. В пространстве масс-медиа концептуальная метафора создает оценочный контекст, на фоне которого читатель воспринимает политические новости.

Наше исследование показало общую пейоративную характеристику политической деятельности в СМИ. Все феномены политической жизни (власть, политические партии, политические обстоятельства, политические ситуации, общество, люди), являя собой политическое бытие и присущие ему качества, одновременно предстают и как аксиологическая реальность, обладающая ценностной структурой, как аксиологический фрагмент метафорической картины мира. Отрицательная оценка связана с информированием о злоупотреблениях властью политиков, о слабости их политических решений, о безнравственности и бесчестности их поступков. Публичная критика действий политических элит реализуется в рамках концептуальной метафоры *политика – это грязь*. Оценка, будучи выраженной в метафоре, получает особые семантические возможности, определяемые взаимодействием дескриптивных и оценочных компонентов в исходном и результативном значениях образного имени.

Донорская база рассмотренной метафоры, относясь к миру неживой природы, реализует в публицистическом дискурсе многоаспектные когнитивные признаки, каждый из которых, проецируясь на сферу политики, характеризует политическую жизнь в негативном смысле.

Концептуальная сфера донорской базы упорядочена при помощи фреймо-слотовой структуры, включающей 3 фрейма, каждый из которых формируется слотовыми конкретизаторами. Определение различных видов агрегатного состояния грязи (жидкое, вязкое и твердое состояние) показало процентный приоритет жидкой грязи. Анализ фрейма перцептивной характеристики грязи продемонстрировал заполняемость контекстами всех пяти видов перцептивного образа: визуальное; аудиальное; осязательное (тактильное); вкусовое; обонятельное осознание.

Система перцептивных компонентов, входящих в концептуальную структуру, аксиологически заряжена отрицательной коннотацией, тем самым поддерживая и усиливая общий пейоративный смысл концептуальной метафоры.

Среди характеристик области-источника важной для конструирования концептуальной метафоры явилась архетипическая оппозиция *чистота – грязь*, где грязь воспринимается как когнитивное отклонение от нормы, которое стало основой концептуального развертывания базовой метафоры, кластерного лингвокогнитивного моделирования на базе общего признака.

Анализ структуры области-мишени, метафоризирующей грязь, выявил особенности, обусловленные физическими свойствами названного вещества, а именно: способность грязи передавать свои качества и изменять состояние принимающего её субъекта, пачкать его, делать нечистым в морально-нравственном отношении. Метафорически выражаются негативные ситуации: через образы покрытия грязью – получение негативной и лживой информации из некачественных источников, очерняющей политического реципиента и превращающей его в аморальную личность; через интерпретацию грязи как объемного вместилища – пребывание в неблагополучной политической среде, безнравственное и нечестное поведение в общественных отношениях.

Основным средством метафорической вербализации выступает синтаксическая кваликативно-оценочная модель, в которых субъект является носителем оценочного признака, а предикатом – существительное, выражающее оценку, данную как постоянный, органически присущий предмету признак. В метафорической интерпретации синтаксических конструкций характеристики *политика – грязь / грязное дело* описываются ситуации влияния определенной среды на формирование морального облика политика, отступающего от императивных принципов общественной морали.

Фреймовая структура мишени-донора имеет точки пересечения с другими концептуальными сферами. Во второй и третьей главах диссертационной работы мы рассмотрели развертывание базовой модели *политика – это грязь* на основе парадигматики: синонимических и метонимических связей. На основе тематической родо-видовой однородности проведена кластеризация метафорического материала, тесно связанного с образом грязи. Были выделены

кластеры отходов человеческой жизнедеятельности и мусора. На основе ассоциативной когнитивной смежности выделены кластер, связанный с локусами грязи артефактного и природного характера, а также кластер «Бестиарий как составляющая грязи и мусора». Все рассмотренные группы метафорического развертывания отражают морально-нравственные деструктивные изменения политической действительности. Способность метафоры пересекаться с когнитивно смежными сферами говорит о принципиальной открытости когнитивно-фреймовой структуры концепта.

Перспективы развития темы диссертационной работы связаны с описанием максимально широкого количества метафорических моделей политической сферы с базовым компонентом «когнитивное отклонение от нормы». Интересным представляется сопоставление анализируемой концептуальной метафоры на разных этапах развития российского общества, использование образа грязи в разных типах дискурса (например, *грязная экономика, мусорные журналы* и т. д.). Возможно прикладное развитие темы – изучение эффективности воздействия концептуальной метафоры *политика – это грязь* на массового адресата.

Список использованной литературы

I. Словари и справочники

1. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
2. Белко В. К. Жгучий глагол : Словарь народной фразеологии / В. К. Белко. – Москва : Зеленый век, 2000. – 285 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / РАН. Институт лингвистических исследований ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2001. – 1536 с.
4. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 2 : учеб. пособие / Л. М. Васильев. – Уфа : Издательство Башкирского университета, 2000. – 146 с.
5. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – Москва : Наука, 1988. – 440 с.
7. Колесов В. В. Словарь русской ментальности : В 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. – Т. 1. – 592 с.; Т. 2. – 592 с.
8. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва : Филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю. А. Ларионова. – Москва : Аделант, 2014. – 512 с.
10. Левкиевская Е. Е. Кал / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – Москва : Институт славяноведения РАН, 1999. – С. 437–439.
11. МАС – Словарь русского языка : В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1. – 702 с.; Т. 2. – 736 с.; Т. 3. – 749 с.; Т. 4. – 795 с.

12. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта, 2003. – 432 с.
13. Русский ассоциативный словарь : [В 2 т.] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. – Москва : АСТ : Астрель, 2002. – Т. 1. От стимула к реакции. – 781 с.; Т. 2. От реакции к стимулу. – 992 с.
14. Русская грамматика : В 2-х т. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – 783 с.
15. Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – Москва : Локид-Пресс, 2005. – 677 с.
16. ССРЯ – Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : В 2-х т.: Ок. 145 000 слов / А. Н. Тихонов. – Москва : Русский язык, 1985. – Т. 1. – 856 с.; Т. 2. – 887 с.
17. СЭРЯ – Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.
18. ТСЖВЯ – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. Москва : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
19. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : (82000 слов и фразеологических выражений) / [Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин] ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.
20. ТСУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940 (В 4-х т.). Т.1 – 1566 с.
21. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1986. – 543 с.
22. Фасмер – Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – Санкт-Петербург : Терра-Азбука, 1996. – Т. 1. – 576 с.; Т. 2. – 672 с.; Т. 3. – 832 с.; Т. 4. – 864 с.
23. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В. В. Химик. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 768 с.

24. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка : Пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская – Москва : Просвещение, 1971. – 542 с.

II. Научная литература

1. Агафонова О. И. Употребление метафор с зооморфным компонентом в англоязычном политическом дискурсе / О. И. Агафонова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 6 (101). – С. 82–88.

2. Аксенова Н. В. Концептуальная метафора как механизм языковой актуализации ценностей / Н. В. Аксенова // Англистика XXI века : материалы VII Всероссийской межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 января 2014 г. – Санкт-Петербург : Автономная некоммерческая организация консолидации образовательного пространства «Университетские Образовательные Округа», 2014. – С. 164–167.

3. Акулич М. М. Социология согласия : учеб. пособие / М. М. Акулич. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2002. – 240 с.

4. Александрова М. А. Репрезентация фрейма «согласие/несогласие» в современном английском языке / М. А. Александрова : выпускная квалификационная работа. – Санкт-Петербург : Российский государственный гидрометеорологический университет, 2018. – 56 с.

5. Алексеев А. В. Соотношение номинации и коннотации в синхронии и диахронии (на материале названий врановых) / А. В. Алексеев // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. – Москва : Книгодел, 2019. – С. 376–381.

6. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Академия, 2002. – 394 с.

7. Алиев В. Г. Теория организации : учебник для вузов / В. Г. Алиев, В. П. Варфоломеев, Э. А. Варфоломеева ; под ред. В. Г. Алиева. – Москва : Экономика, 2003. – 415 с.

8. Аминова Г. Г. Партии-спойлеры как угроза развитию политической конкуренции / Г. Г. Аминова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8, № 2. – С. 127–132.

9. Апресян Р. Г. К базовому определению морали / Р. Г. Апресян // Философский журнал. – 2014. – № 1 (12). – С. 78–91.
10. Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
11. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – Москва : Наука, 1982. – С. 5–23.
12. Арутюнова Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение) / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. – Москва : Русский язык, 1983. – 198 с.
13. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. События. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 342 с.
14. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
15. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
16. Асс Е. Разве мода безответственна? : Круглый стол / Е. Асс // Художественный журнал. – 1997. – № 18. – С. 22.
17. Ахренова Н. А. Особенности презентации концепта COVID-19: концептуальная метафора / Н. А. Ахренова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2021. – № 2 (34). – С. 47–54.
18. Бабина Л. В. Теория фреймов и термин «скетч-фрейм» / Л. В. Бабина // Принципы и методы когнитивных исследований языка : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 156–168.
19. Баранов А. Н. Дескриптивная теория метафоры / А. Н. Баранов. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
20. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации : (Когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Баранов ; Институт русского языка АН СССР. – Москва : [б. и.], 1990. – 48 с.

21. Баранов А. Н. Русская политическая метафора : (Материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : Институт русского языка РАН, 1991. – 193 с.
22. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / [отв. ред. М. Н. Володина]. – Москва : Издательство Московского университета, 2003. – С. 105–167.
23. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей / А. Н. Баранов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).
24. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики / А. Н. Баранов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2004. – Т. 63, № 1. – С. 33–43.
25. Баранов А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция') / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – Москва : Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с.
26. Басалаева Е. Г. Языковое воплощение опыта обонятельного восприятия человека в русском языке / Е. Г. Басалаева // Языковая личность в зеркале интерпретационных исследований : к 85-летию со дня рождения Ю. Н. Караулова : монография / под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2021. – С. 154–170.
27. Бегун В. В. Цинизм и пошлость в массмедийном дискурсе (лингвоэкологический аспект) / В. В. Бегун, В. А. Салимовский // Речевое общение и вопросы экологии русского языка : сборник научных работ, посвященный 80-летию профессора А. П. Сковородникова / под ред. Г. А. Копниной. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2009. – С. 33–42.
28. Берестнев Г. И. Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 83–99.

29. Богач Д. А. Образ паука в художественном мире Ф. М. Достоевского / Д. А. Богач // Челябинский гуманитарий. – 2017. – № 2 (39). – С. 7–12.
30. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. О. А. Печенкина. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204 с.
31. Болдырев Н. Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 12. – С. 33–43.
32. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с.
33. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательство Тамбовского университета, 2001. – 123 с.
34. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
35. Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Исследование типов знаний и проблема их классификации : сборник научных работ. – Тамбов : Издательский дом Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 25–37.
36. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с.
37. Борейко Т. С. Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Борейко ; Омский государственный университет. – Омск : [б. и.], 2006. – 21 с.
38. Борщёв В. В. Типы реалий и их языковое восприятие / В. В. Борщёв, Л. В. Кнорина // Вопросы кибернетики : Язык логики и логика языка : сб. науч. ст. Москва : [б. и.], 1990. – Вып. 166. – С. 106–133.
39. Брагина Н. Г. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке / Н. Г. Брагина, А. Н. Кузьмина // Русская речь. – 2019. – № 5. – С. 7–21.

40. Брэди Р. Современные проблемы освещения внешнеполитических конфликтов (опыт американской журналистики) / Р. Брэди. – Санкт-Петербург : Роза мира, 2008. – 211 с.

41. Бугаева О. В. Когнитивное направление организации дискурса в политической лингвистике (на материале исследований, посвященных политической метафоре) / О. В. Бугаева // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 4 (104). – С. 109–111.

42. Будаев Э. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2006. – № 17. – С. 35–77.

43. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 19–35.

44. Будаев Э. В. Когнитивная метафора и политический дискурс: методологические вариации / Э. В. Будаев // Дискурс, концепт, жанр : коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков, Э. В. Будаев. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 86–124.

45. Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1 (31). – С. 9–23.

46. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э. В. Будаев ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2010. – 48 с.

47. Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика: этапы развития / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2012. – № 2. – С. 7–20.

48. Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – Т. 110, № 1. – С. 6–13.

49. Будаев Э. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 43–50.

50. Будаев Э. В. Эволюция российской политической метафорики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 39–42.
51. Будаев Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – 3-е изд. – Москва : Флинта, 2018. – 248 с.
52. Будаев Э. В. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020а. – № 3. – С. 56–70.
53. Будаев Э. В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. – 2020б. – Т. 25, № 2. – С. 103–113.
54. Будаев Э. В. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ / Э. В. Будаев, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина. – Санкт-Петербург : Научно-технологические исследования, 2022. – 201 с.
55. Буренкова С. В. Фрейм как способ моделирования фрагментов поля в идеографической лексикографии (на материале лексико-семантической группы «Неуклюжесть») / С. В. Буренкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 2. – С. 73–82.
56. Бэ Сон Хен. Концепт «ВОЗДУХ» в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Бэ Сон Хен ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 2006. – 237 с.
57. Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде / Д. Вайс // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 16–22.
58. Ван Т. Модели концептуальных метафор этического концепта «зло» в русской фразеологии / Т. Ван // Балтийский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10, № 1 (34). – С. 327–330.
59. Варварина Я. В. Зооморфная метафора в политическом дискурсе / Я. В. Варварина, Е. Н. Подтележникова // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2021. – № 19. – С. 67–77.
60. Ватутина А. С. Инсектный сюжет в пьесе В. Маяковского «Клоп» / А. С. Ватутина // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2-1 (78). – С. 135–137.

61. Ватутина А. С. Постмодернистский образ насекомого как квинтэссенция высокого и низкого: Д. Пригов, В. Пелевин, Л. Петрушевская / А. С. Ватутина // Вестник Нижегородского университета. – 2014. – № 2 (3). – С. 219–223.

62. Ваулина И. А. Фоносемантическая экспрессивность русского слова: лингвистический и психолингвистический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / И. А. Ваулина ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 262 с.

63. Вепрева И. Т. Авгиевы конюшни политической лексики, или о феномене грязного слова в современном русском языке / И. Т. Вепрева // *Eigenes und Fremdes in der Slavia : Festschrift für Ewa Komorowska zum 50. Geburtstag* / Hrsg. Ursula Kantorczyk, Harry Walter. – Greifswald, 2007. – С. 89–94.

64. Вепрева И. Т. Что варят на политической кухне: аксиологический потенциал кулинарно-гастрономической метафоры в публицистическом дискурсе / И. Т. Вепрева, А. Мустайоки, Ц. Магсар // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21, № 2 (187). – С. 241–257.

65. Вепрева И. Т. Лингвосоциопсихологические аспекты модного слова / И. Т. Вепрева // Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 276–297.

66. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Вершинина ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 22 с.

67. Владимирова Л. В. Темпоральная номинация черный день в русском языке / Л. В. Владимирова // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 54–58.

68. Воейкова М. Д. Предикативная качественность / М. Д. Воейкова, Ю. А. Пупынин // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – С. 53–65.

69. Вознесенская М. М. Блоха в кармане да вошь на аркане. О насекомых в русской фразеологии / М. М. Вознесенская // Русская речь. – 2013. – № 6. – С. 97–104.

70. Вознесенская М. М. Муха под микроскопом русской литературы (Достоевский vs. Толстой, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Гончаров) / М. М. Вознесенская // Коммуникативные исследования. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 825–850.

71. Воробьева О. И. Политическая лингвистика: политический язык как сфера социальной коммуникации / О. И. Воробьева. – Москва : ИКАР, 2011. – 295 с.

72. Выборнова М. Е. Зооморфная метафора как средство характеристики политика (на материале современного английского языка) / М. Е. Выборнова // Вестник современных исследований. – 2019. – № 1.1 (28). – С. 38–41.

73. Вэнь С. Концептуальная метафора «горы» в русской и китайской лингвокультурах / С. Вэнь // Гуманитарные науки и образование. – 2019. – Т. 10, № 1 (37). – С. 144–148.

74. Гавришина О. В. Рецензия на кн.: Laporte D. Histoire de la merde. P.: Bourgois, 1978 / О. В. Гавришина // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – С. 579–586.

75. Гак В. Г. К проблеме общих семантических законов / В. Г. Гак // Общее и романское языкознание : [сборник статей] / отв. ред. Ю. С. Степанов. – Москва : МГУ, 1972. – С. 144–157.

76. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988. – С. 11–26.

77. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель ; отв. ред. и авт. вступ. ст. М. М. Розенталь. – Москва : Наука, 1972. – Т. 3. – 374 с.

78. Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое / Н. А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2017. – № 1. – С. 14–20.

79. Гловинская М. Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии / М. Я. Гловинская // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 69–76.

80. Гончаренко Н. Мусор и его изображение в творчестве художников поп-арта и «нового реализма» / Н. Гончаренко // Искусство и образование. – 2015. – № 5 (97). – С. 7–17.

81. Горшунов Ю. В. Зооморфные метафоры, обыгрывающие коварство, двуличие и лицемерие человека, в русской и английской лингвокультурах / Ю. В. Горшунов // Вестник Башкирского университета. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 144–150.

82. Григорьева Т. В. Метафорическая оппозиция белый – черный и ее роль в языковой интерпретации действительности / Т. В. Григорьева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (19). – С. 84–89.

83. Гридина Т. А. Креативные стратегии текстопорождения как отражение процессов кластеризации (экспериментальные данные) / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. – 2015. – № 1. – С. 55–64.

84. Гудков Л. Д. К проблеме негативной идентификации / Л. Д. Гудков // Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Д. Гудков. – Москва : Новое литературное обозрение : ВЦИОМ-А, 2004. – С. 262–299.

85. Гудков Л. Цинизм «непереходного» общества / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2005. – № 2 (76). – С. 43–62.

86. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва : Индрик, 1997. – 910 с.

87. Демьянков В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – Москва : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.

88. Демьянков В. З. Событийность в языке средств массовой информации / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования : тезисы докладов Международной научной конференции (Москва, 25–27 октября 2001 г.). – Москва : Издательство Московского государственного университета, 2001. – С. 59–60.

89. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования :

учебное пособие / [отв. ред. М. Н. Володина]. – Москва : Издательство Московского университета, 2003. – С. 116–133.

90. Дзюба Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е. В. Дзюба // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 31–40.

91. Додуева А. Т. Структура локализаторов и способы обозначения локумов в Карачаево-балкарском языке / А. Т. Додуева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 308–310.

92. Дорогайкина Е. М. Жанр бестиария как способ представления средневековой зооморфной картины мира / Е. М. Дорогайкина // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы : материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л. М. Скредлиной, Москва, 13–16 сентября 2017 г. – Москва : Московский городской педагогический университет, 2017. – С. 311–318.

93. Дуглас М. Чистота и опасность / М. Дуглас ; пер. с англ. Р. Громовой под ред. С. Баньковской. – Москва : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 288 с.

94. Елистратов В. С. Новый таракан / В. С. Елистратов // Нева. – 2006. – № 12. – С. 222–242.

95. Еременко Н. А. К вопросу об историко-литературном контексте драматической поэмы С. А. Есенина «страна негодяев» / Н. А. Еременко. – Современное есениноведение. – 2016. – № 4 (39). – С. 34–42.

96. Ермакова О. П. Глава I. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца 20 столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 32–66.

97. Ермакова О. П. Глава VI. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов / О. П. Ермакова // Русский язык / под ред. Е. Н. Ширяева. – Opole : Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 1997. – С. 121–165.

98. Ерофеева Т. И. Лексема «ПОЛИТИКА»: семантический анализ словарных дефиниций в русском языке / Т. И. Ерофеева, Ю. В. Жданова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4 (94). – С. 109–114.

99. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С. А. Жаботинская // Вестник Черкасского университета. Серия Филологические науки. – 1999. – Вып. 11. – С. 12–25.

100. Жельвис В. И. Инвектива в политической речи / В. И. Жельвис // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – С. 114–151.
101. Журавлев А. П. Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке (психолингвистическое исследование) : дис. ... д-ра филол. наук / А. П. Журавлев. – Калининград : [б. и.], 1974. – 341 с.
102. Заботкина В. И. Слово и смысл / В. И. Заботкина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : РГГУ, 2014. – 428 с.
103. Завьялова Е. Е. Концепт «пыль» в произведениях Н. В. Гоголя / Е. Е. Завьялова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2009а. – № 2 (7). – С. 44–46.
104. Завьялова Е. Е. «...Мелочь, которая ускользает от глаз» / Е. Е. Завьялова // Вопросы литературы. – 2009б. – № 3. – С. 252–268.
105. Завьялова Е. Е. Пургаментарный дискурс в наследии античных мыслителей / Е. Е. Завьялова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 4 (29). – С. 240–250.
106. Завьялова Е. Е. Понятие «нечистота» в трудах африканских апологетов / Е. Е. Завьялова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2 (35). – С. 152–157.
107. Завьялова Е. Е. Пургаментарные образы в греческой апологетике / Е. Е. Завьялова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 2 (31). – С. 189–195.
108. Завьялова Е. Е. Концепт пыли в творчестве И. С. Тургенева / Е. Е. Завьялова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2014. – Т. 73, № 1. – С. 32–36.
109. Зарипов Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. И. Зарипов ; [Место защиты: Военный университет]. – Москва : [б. и.], 2015. – 31 с.
110. Захарова Е. В. Вещественные имена существительные под семантическим микроскопом : материалы для занятий по современному русскому

языку / Е. В. Захарова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2022. – Т. 32. – № 5. – С. 937–946.

111. Захарова Е. В. К вопросу о количественной актуализации вещественных и отвлеченных имен существительных / Е. В. Захарова // Поволжский педагогический поиск. – 2015. – № 1(11). – С. 85–87.

112. Захарьин Д. Коллективное очищение в России. Антропологические и социально-исторические аспекты / Д. Захарьин // Антропологический форум. – 2007. – № 6. – С. 135–176.

113. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца 20 столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.

114. Зиммель Г. Из «Эккурса о социологии чувств» / Г. Зиммель // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1 / сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – С. 17–34.

115. Злыднева Н. В. Инсектный код русской культуры XX в. / Н. В. Злыднева // Категории и концепты славянской культуры : Труды отдела истории культуры / Институт славяноведения РАН; Отдел истории культуры славянских народов. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2007. – С. 243–252.

116. Иванов А. А. Политика «чисток» советского аппарата в 20–30-х годах XX века: причины, механизм и последствия / А. А. Иванов // Право и политика: история и современность : материалы международной научно-практической конференции, Омск, 20 ноября 2015 года. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 63–66.

117. Ильина Л. Е. Средневековый bestiary как сочинение, содержащее примеры нравственного поведения / Л. Е. Ильина, А. Н. Молдагалиев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2021. – № 4 (232). – С. 65–70.

118. Ильиных И. В. Ритуалы «политического послушания» : чистки советского аппарата на Урале на рубеже 1920–1930-х гг. / И. В. Ильиных // Историко-педагогические чтения. – 2007. – № 11. – С. 90–95.

119. Иманкулова Е. В. Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века / Е. В. Иманкулова // Человек в мире культуры. – 2012. – № 1. – С. 12–19.

120. Иоанесян Е. Р. Имплицитная оценка и аргументация / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. – 2020. – № 1. – С. 62–67.
121. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 224 с.
122. Калинин О. И. Когнитивная метафора и дискурс: направления и методы современных исследований / О. И. Калинин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 108–121.
123. Калинина Л. В. Лексико-грамматические разряды имён существительных как пересекающиеся классы слов: когнитивно-семасиологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. В. Калинина ; [Место защиты: Вятский государственный гуманитарный университет]. – Киров : [б. и.], 2009. – 44 с.
124. Камчатная П. С. Использование «черного пиара» в международной политике / П. С. Камчатная, М. С. Савенкова // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 44-4. – С. 50–54.
125. Капусткина О. Ю. Слот «любовь» в рамках фрейма «межличностные отношения» / О. Ю. Капусткина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 13 (228). – С. 74–79.
126. Каранкевич В. В. Спортивный мир насекомых (энтомологическая метафора в немецком спортивном дискурсе) / В. В. Каранкевич, Л. В. Скороходова, А. С. Сырчина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019. – № 2 (61). – С. 49–55.
127. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
128. Карасик В. И. Архетипические концепты в общении / В. И. Карасик // Прямая и непрямая коммуникация : сборник научных статей. – Саратов : Издательство ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 43.
129. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода / В. И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10 (44). – С. 4–11.

130. Карасик В. И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4 (30). – С. 9–13.
131. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 408 с.
132. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 448 с.
133. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.
134. Кассирер Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 33–43.
135. Кезина С. В. Оценочность цветолексем и её актуализация в славянских языках / С. В. Кезина // Российский гуманитарный журнал. – 2013. – Т. 2, № 4. – С. 361–365.
136. Керимов Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Д. Керимов ; Барнаульский государственный педагогический университет. – Барнаул : [б. и.], 2005. – 18 с.
137. Керимов Р. Д. Зоометафоры в языке немецкой политики (лингвокогнитивный аспект) / Р. Д. Керимов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 58–67.
138. Кибрик А. А. Когнитивный анализ дискурса: локальная структура / А. А. Кибрик // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – С. 595–634.
139. Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку / А. Е. Кибрик // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – Москва : Языки славянской культуры, 2015. – С. 29–59.
140. Кимов Р. С. Символика черного цвета во фразеологических единицах русской, английской и кабардинской лингвокультур / Р. С. Кимов, М. А. Апшева // *Apriogî*. Серия : Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 1–8.
141. Клушина Н. И. Власть, СМИ и общество (стратегия и тактики формирования общественного мнения) / Н. И. Клушина // Язык СМИ и политика /

под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Издательство Московского университета ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 262–283.

142. Клушина Н. И. Медиастилистика : монография / Н. И. Клушина. – Москва : Флинта, 2018. – 184 с.

143. Кожаринова А. Р. Мусор как продукт культуры: от утилизации к эстетизации / А. Р. Кожаринова // Горизонты гуманитарного знания. – 2017. – № 3. – С. 99–104.

144. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебник для студентов высших учебных заведений / М. Н. Кожина. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 462 с.

145. Козубовская Г. П. «Осколки» и «пепел» в поэзии русского романтизма / Г. П. Козубовская // *Studia litteraria Polono-Slavica*. – Т. 4. Утопия чистоты и горы мусора = *Utopia czystosci i góry smieci*. – Warszawa : SOW, 1999. – С. 213–235.

146. Козубовская Г. П. Энтомология Н. В. Гоголя / Г. П. Козубовская // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6 (31). – С. 26–29.

147. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1971. – 268 с.

148. Костякова Л. Н. Эстетические функции прилагательного «черный» в произведениях Б. А. Пильняка / Л. Н. Костякова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 21 (202). – С. 38–42.

149. Кравченко О. А. Мир глазами насекомых: специфика художественного видения современной культуры / О. А. Кравченко, С. В. Бондаренко // Культура в фокусе научных парадигм. – 2019. – № 9. – С. 24–28.

150. Красильникова Н. А. Патриотизм в концептуальных метафорах экологического движения в России, Англии и США / Н. А. Красильникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2005. – № 11 (51). – С. 20–23.

151. Красильникова П. Ю. Синтаксические закономерности реализации коннотаций зоонимов в поэтическом языке Саши Чёрного / П. Ю. Красильникова //

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2021. – № 4. – С. 13–22.

152. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2003. – 375 с.

153. Кропотухина П. В. Когнитивное исследование фитоморфной метафоры в современных политических дискурсах России и Великобритании : автореф. дис. ... канд. филол. наук / П. В. Кропотухина ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2011. – 24 с.

154. Крысин Л. П. Популяризация лингвистических знаний в средствах массовой информации / Л. П. Крысин // Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения : Материалы круглого стола, Москва, 14 ноября 2000 г. / [редкол.: И. И. Халеева и др.]. – Москва : [б. и.], 2001. – С. 57–61.

155. Крючкова Н. В. Специфика проявления концептуальных признаков в лексической системе языка и в ассоциативных связях (на материале концепта старость в русском языке) / И. В. Крючкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 75–79.

156. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Издательство РГГУ, 1995. – С. 144–238.

157. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1999. – № 5–6. – С. 3–12.

158. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.

159. Кузнецова Л. Э. Концептуальные метафоры в понятийной системе человека (на примере исследования концепта «любовь» в русском и английском языках) / Л. Э. Кузнецова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9, № 1 (30). – С. 49–55.

160. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – Москва : Высшая школа, 1982. – 152 с.

161. Куликова О. В. Фреймовое моделирование (на примере сильных глаголов немецкого языка) / О. В. Куликова // Типы знаний и их репрезентация в языке : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательство Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2007. – С. 77–89.
162. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Москва : Юрайт, 2015. – 415 с.
163. Курганова Н. И. Структурные параметры концепта ПОЛИТИКА через призму канадского газетного дискурса / Н. И. Курганова // Романия: языковое и культурное наследие – 2019 : Материалы I Международной научно-практической конференции, Минск, 16 мая 2019 года / редкол. : О. В. Лапунова [и др.]. – Минск : Белорусский государственный университет, 2019. – С. 26–30.
164. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
165. Кушкова А. Н. Семиотические заметки о соре в народных представлениях и обрядах славян / А. Н. Кушкова // Отечественные записки. – 2007. – № 35 (2). – С.163–177.
166. Лаврова С. Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект / С. Ю. Лаврова. – Череповец : Издательство Череповецкого государственного университета, 2017. – 240 с.
167. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : УРСС, 2004. – 252 с.
168. Ланцова И. В. Особенности формирования губернаторской власти в Иркутской области (1991–2015) / И. В. Ланцова, А. А. Звездина // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 2 (90). – С. 96–100.
169. Леви-Стросс К. Путь масок / К. Леви-Стросс ; пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. А. Б. Островского. – Москва : Республика, 2000. – 399 с.
170. Лексика и сценарии тактильного восприятия в аспекте создания исследовательского тезауруса / А. А. Варламов, С. Г. Иняшкин, А. В. Горбачева [и др.] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 47–61.

171. Леонтьева Т. В. Метафора болота в характеристиках социума / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 465. – С. 13–21.
172. Ливенец И. С. Концепт ВОЗДУХ в лингвокультурологическом аспекте: на материале текстов К. Паустовского и М. Шолохова : дис. ... канд. филол. наук / И. С. Ливенец ; Белгородский государственный университет. – Белгород : [б. и.], 2007. – 215 с.
173. Литвинова Т. И. Метафоры со сферами-источниками «спорт» и «игра» в немецком политическом дискурсе / Т. И. Литвинова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 101–105.
174. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект / Е. В. Лукашевич. – Москва ; Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2002. – 234 с.
175. Лунцова Н. Р. Функционирование СМИ в политическом процессе : На материале федеральных печатных СМИ : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Н. Р. Лунцова ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2003. – 25 с.
176. Любутин К. Н. «Прощай, немытая... Европа»: продолжение темы / К. Н. Любутин, П. Н. Кондрашов // Философия и общество. – 2009. – № 1. – С. 65–82.
177. Макиавелли Н. Государь («Князь») : соч. / Н. Макиавелли. – Москва : Планета, 1990. – 80 с.
178. Малышева Е. Г. Новая «холодная» война: милитарная метафора как базовая концептуальная модель репрезентации медиаконцепта «Арктика» / Е. Г. Малышева, А. Ю. Жигунов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 66–74.
179. Мамардашвили М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2002. – 832 с.
180. Маркарян В. Р. Критерии нравственности в политике / В. Р. Маркарян // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в

современном мире : монография / под общ. ред. И. И. Ивановской. – Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2020. – С. 240–251.

181. Махов А. Е. Нарративные вариации в средневековой бестиарии / А. Е. Махов // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 31–49.

182. Методика построения ассоциативно-иерархического портрета предметной области: иерархия категорий / С. В. Клименко, М. М. Шарнин, А. Х. Хакимова [и др.] // Ситуационные центры и информационно-аналитические системы класса 4i для задач мониторинга и безопасности (SCVRT2017) : труды Международной научной конференции, Москва – Протвино, 28–30 ноября 2017 года. – Москва – Протвино : Автономная некоммерческая организация «Институт физико-технической информатики», 2017. – С. 251–260.

183. Мещерякова О. А. Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина : дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Мещерякова ; Елецкий государственный университет. – Елец : [б. и.], 2011. – 457 с.

184. Милованова М. С. Семантика противительности и категория оценки / М. С. Милованова // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 639–642.

185. Мингалева О. В. Политическая метафора как механизм когнитивного моделирования действительности (на материале англо-американских, немецких и русских политических метафор) : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Мингалева ; [Место защиты: Военный университет Минобороны РФ]. – Москва : [б. и.], 2018. – 168 с.

186. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под ред. Ф. М. Кулакова. – Москва : Энергия, 1979. – 151 с.

187. Михалева О. Н. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Михалева ; Кемеровский государственный университет. – Кемерово : [б. и.], 2004. – 289 с.

188. Михальская А. К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике : учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов / А. К. Михальская. – Москва : Academia, 1996. – 190 с.

189. Морозова Е. И. Фреймовые структуры знаний в языке и дискурсе / Е. И. Морозова // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». – 2010. – Вип. 11. – С. 268–272.

190. Нагина К. А. «Роевая жизнь» и радость бытия в произведениях Л. Толстого / К. А. Нагина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29, № 2. – С. 234–239.

191. Некрасов С. И. Значение теории фреймов в современной науке / С. И. Некрасов, Н. С. Молчанова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 10. – С. 23–27.

192. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики : учебное пособие для студентов вузов / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.

193. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле (1873) / Ф. Ницше ; пер. с нем. В. Бакусева, В. Невежиной, И. Эбаноидзе и др. // Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Культурная революция, 1912. – 480 с.

194. Новичкова Т. А. Сор и золото в фольклоре / Т. А. Новичкова // Канун : альманах. Вып. 2. Полярность в культуре / сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1996. – С. 121–156.

195. Ням Т. В. А. Культурные коннотации зоонима свинья во фразеологических единицах русского и вьетнамского языков / Т. В. А. Ням // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 6 (87). – С. 114–123.

196. Озонова Л. Г. Репрезентация фрейма «радость» в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Г. Озонова ; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск : [б. и.], 2003. – 24 с.

197. Ольховикова Ю. А. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Ольховикова ; [Место защиты : Уральский государственный педагогический университет]. – Екатеринбург : [б. и.], 2009. – 22 с.

198. Олянич А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) / А. В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков. Человек и его дискурс. – Москва : Азбуковник, 2015. – С. 167–200.

199. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Ортега-и-Гассет Х. ; пер. с исп. Н. Д. Арутюновой // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 68–81.

200. Осетрова Е. И. Глава I. Властная коммуникация и ее роль в формировании образа власти // Власть в русской языковой и этнической картине мира : коллективная монография / отв. ред. И. Е. Ким, Е. И. Осетрова. – Москва : Знак, 2004. – С. 22–88.

201. Осипова Н. О. «Мусорный» ландшафт современной культуры / Н. О. Осипова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 3-1. – С. 117–121.

202. Павлова Н. С. Лексика с семой 'запах' в языке, речи и тексте : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Павлова ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2006. – 228 с.

203. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

204. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности / П. Б. Паршин // Рекламный текст: семиотика и лингвистика / [отв. ред. Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин]. – Москва : Издательский дом Гребенникова, 2000. – С. 29–35.

205. Паршина О. Н. Российская политическая речь : теория и практика / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : URSS, 2007. – 227 с.

206. Пахомов Л. В. Моделирование области-источника вокальной метафоры / Л. В. Пахомов, Е. В. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 54–68.

207. Пескова Е. Н. Метафора как средство реализации интенций в политическом дискурсе (на материале текстов региональных предвыборных

кампаний) : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Пескова ; Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск : [б. и.], 2006. – 171 с.

208. Петрова О. О. Лексическая метонимия (имя существительное ↔ глагол) / О. О. Петрова. – Калуга : КГУ им. К. Э. Циолковского, 2021. – 124 с.

209. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.

210. Пименова М. В. Политическая концептуальная система / М. В. Пименова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 47–55.

211. Погребняк Н. В. Воздействующий потенциал метафоры в современном политическом медиадискурсе / Н. В. Погребняк // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3 (136). – С. 118–125.

212. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.

213. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии / Г. Г. Почепцов. – Москва : Центр, 2003. – 381 с.

214. Празян Н. О. Лингвокогнитивные и прагматические основы использования метафоры и иронии в английском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Н. О. Празян ; Московский государственный университет. – Москва : [б. и.], 2011. – 199 с.

215. Радбиль Т. Б. Детерминологизация лексем «менталитет» и «ментальность» в обыденном языковом употреблении / Т. Б. Радбиль, Л. И. Жуковская // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 10 (2). – С. 383–386.

216. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – Москва : Русские словари, 2008. – 416 с.

217. Рахилина Е. В. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие / Е. В. Рахилина, О. С. Карпова, Т. И. Резникова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). – Вып. 8 (15). – Москва : РГГУ, 2009. – С. 420–425.

218. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира : идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 26–43.

219. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикер // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 416–434.

220. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 44–67.

221. Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге / Р. И. Розина. – Москва : Издательский дом «Азбуковник», 2005. – 302 с.

222. Руженцев С. Е. Проблема морали и политики в социокультурных процессах России : дис. ... д-ра филос. наук / С. Е. Руженцев ; [Место защиты : Ивановский государственный университет]. – Иваново : [б. и.], 2020. – 376 с.

223. Рыскина О. Ю. Репрезентация фрейма «принятие решения» в современном английском языке (на материале глагольной и субстантивной лексики) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ю. Рыскина ; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск : [б. и.], 2004. – 16 с.

224. Рябов О. В. Бестиарий мировой политики: когнитивные, политические и социальные функции использования животных метафор / О. В. Рябов // Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация) : материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2021 года / под ред. О. В. Рябова, И. О. Ермаченко, Т. Б. Рябовой. – Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. – С. 82–86.

225. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999–2000 гг.)» : дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Ряпосова ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 202 с.

226. Савинова О. Н. Трансформация медиасистемы в современных условиях: к вопросу аберрации функций СМИ / О. Н. Савинова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 1. – С. 198–200.
227. Самарин А. В. К вопросу об образной природе фрейма / А. В. Самарин // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 1. – С. 297–304.
228. Сальникова И. М. Метафора «Политика – это спорт» как способ концептуализации сведений о политической действительности : дис. ... канд. филол. наук / И. М. Сальникова ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : [б. и.], 2013. – 270 с.
229. Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке / М. В. Сандакова. – Киров : Старая Вятка, 2004. – 280 с.
230. Северская О. И. Политика и язык радио / О. И. Северская // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Издательство Московского университета ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
231. Селиванова И. В. Прагматический потенциал метафоры в политическом дискурсе (на материале рождественских речей Филиппа VI) / И. В. Селиванова // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2019. – № 4 (22). – С. 11.
232. Серิโอ П. Как читают тексты во Франции / П. Серิโอ // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. ; предисл. Ю. С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
233. Сидоренко Л. П. Двойственность функционального анализа Макиавелли / Л. П. Сидоренко, Н. Н. Петрова // Духовная сфера общества : сборник статей по итогам НИР кафедры философии и политологии за 2014 год / под ред. В. Б. Голубева. – Вып. 12. – Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2015. – С. 182–186.
234. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складневская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 150 с.
235. Смирнова Л. Г. Оценочный потенциал существительного в русском языке / Л. Г. Смирнова // Известия Смоленского государственного университета. – 2021. – № 1 (53). – С. 61–76.

236. Смирнова М. П. Семейная тональность в текстах таблоидных изданий : дис. ... канд. филол. наук / М. П. Смирнова ; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург : [б. и.], 2009. – 236 с.
237. Смирнова Т. М. Чистки соваппарата как часть повседневности 1920–1930-х гг. / Т. М. Смирнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – № 3. – С. 103–120.
238. Смольгина А. А. Применение «черного» пиара в кампаниях по выборам в Тюменскую областную думу / А. А. Смольгина // Тюменский исторический сборник. – 2015. – № 17. – С. 343–354.
239. Соколова О. Л. Парадоксальность значения вещественности / О. Л. Соколова // Сопоставительная лингвистика. – 2016. – № 5. – С. 83–86.
240. Солганик Г. Я. Введение / Г. Я. Солганик // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Издательство Московского университета ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – С. 8–26.
241. Спиридонова Е. В. Была бы изба – будут и тараканы (таракан как персонаж русского фольклора) / Е. В. Спиридонова, Н. В. Обнорская // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 16, № 2 (60). – С. 208–217.
242. Сумцов Н. Ф. Ворон в народной словесности (из «Этнографического обозрения», 1890, кн. 1) / Н. Ф. Сумцов. – Москва : Типография Е. Г. Потапова, 1890. – 26 с.
243. Тарасова И. А. Фреймовый анализ в исследовании идиостилей / И. А. Тарасова // Филологические науки. – 2004. – № 4. – С. 42–49.
244. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1977. – С. 129–221.
245. Терешко Е. В. Ассоциативная плотность зоонимов и стереотипы в нидерландском языке / Е. В. Терешко // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2019. – № 4. – С. 79–91.
246. Терновская О. А. Блоха / О. А. Терновская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – Москва : Международные отношения, 1995. – С. 196–197.

247. Топоров В. Н. Муха / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : Электронное издание / Гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : vk.com/ethnograph. 2008. – С. 699–700. Электронный ресурс. URL: // www.indostan.ru /biblioteka /knigi/2730/3412. pdf (дата обращения: 02.03.2022).
248. Топоров В. Н. Насекомые / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : Электр. изд. / Гл. ред. С. А. Токарев. – Москва : vk.com/ethnograph. 2008. – С. 712. Электронный ресурс. URL: // www.indostan.ru/ biblioteka/ knigi/ 2730/3412. pdf (дата обращения: 02.03.2022).
249. Трофимова Ю. В. Концепт «политика» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Трофимова ; Алтайский государственный университет. – Барнаул : [б. и.], 2004. – 20 с.
250. Троцкий Л. Д. История русской революции : В 3-х т. / Л. Д. Троцкий. – Берлин : Гранит, 1931–1933. – Т. 2, ч. 2. Октябрьская революция. – 1933. – 480 с.
251. Фуртай Ф. В. Мусор – от руин до свалки: аксиологические перспективы современной культуры / Ф. В. Фуртай // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – № 1 (2). – С. 48–56.
252. Ханзен-Лёве А. Муха и смерть / А. Ханзен-Лёве // Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве ; пер. с нем. М. Ю. Некрасова. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – С. 550–555.
253. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – Москва : Либроком, 2012. – 216 с.
254. Хажирокова Р. Х. Семантика зооморфной метафоры «мышь» в адыгских и русских пословицах / Р. Х. Хажирокова // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 6-2 (90). – С. 87–90.
255. Храброва Е. С. Роль и функции метафоры в создании портрета политического деятеля в российском и американском политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. К. Храброва ; Курский государственный университет. – Курск : [б. и.], 2010. – 20 с.
256. Хураганчык В. О. Функции вербально-визуальных зоометафор в политической карикатуре на английском языке / В. О. Хураганчык // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 14. – С. 72–76.

257. Цзэн Я. Реализация аксиологического потенциала политической метафоры в российском медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Цзэн Ялинь ; [Место защиты : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина]. – Москва : [б. и.], 2021. – 26 с.

258. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Эдиториал УРСС, 2002. – С. 340–369.

259. Чистякова Е. В. Концептуальная метафора как когнитивный механизм формирования оценочных смыслов, репрезентируемых ландшафтной лексикой современного английского языка / Е. В. Чистякова // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 321–324.

260. Чудакова Н. М. Концептуальная область «неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.) : дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Чудакова ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2005. – 277 с.

261. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2001. – 238 с.

262. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. – 248 с.

263. Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004) / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2 (3). – С. 41–50

264. Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2008. – Вып. 1 (24). – С. 86–93.

265. Чудинов А. П. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – 308 с.

266. Шаал Б. Изменчивость и универсалии. Межкультурные подходы к исследованию обонятельного гедонизма / Б. Шаал, К. Руби, Л. Марлье, Р.

Суссиньян, Ф. Кантор, Р. Э. Трембле ; пер. И. Чунихиной // Ароматы и запахи в культуре. Книга 1. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – С. 87–119.

267. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.

268. Шеина О. Г. «И радостно расправит стрекоза любовь мою...» (инсектные мотивы в любовной лирике М. А. Кузмина 1910–1920-х гг.) / О. Г. Шеина // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – 2015. – № 4 (4). – С. 23–28.

269. Шестак Л. А. Русская языковая личность : коды образной вербализации тезауруса / Л. А. Шестак. – Волгоград : Перемена, 2003. – 312 с.

270. Шестопал Е. Б. Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) / Е. Б. Шестопал, М. В. Новикова-Грунд // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 168–191.

271. Шилихина К. М. Семантическое развитие прилагательных ядовитый и токсичный : что «отравляет» нашу жизнь? / К. М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 86–93.

272. Шмулевич М. М. Метод кластеризации текстов, учитывающий совместную встречаемость ключевых терминов, и его применение к анализу тематического состава потока новостей / М. М. Шмулевич, М. В. Киселев // Математические методы распознавания образов. – 2007. – Т. 13, № 1. – С. 562–564.

273. Юдина О. Л. Морбиальная метафора в российском и британском управленческом дискурсе / О. Л. Юдина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – № 119. – С. 254–258.

274. Юрьева Е. Е. Зооморфная метафорика и её роль в формировании медиаобраза Президента Украины В. Зеленского (на материале российских СМИ) / Е. Е. Юрьева // Медиа и коммуникации: состояние, проблемы, перспективы : сборник статей Национальной научно-практической конференции (к 30-летию кафедры журналистики и русской литературы XX века), Кемерово, 23 октября 2021 года / под общ. ред. А. В. Чепкасова, Ф. С. Рагимовой. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2022. – С. 149–153.

275. Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – Москва : Издательство Московского университета ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.

276. Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка : Языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 200–215.

277. Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher / Ch. Baldauf. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien : Lang, 1997. – 357 S. (Sprache in der Gesellschaft; Bd. 24).

278. Bartlett F. C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology / F. C. Bartlett. – Cambridge : Cambridge University Press, 1932. – 300 p.

279. Brants K. Signs of Media Logic Half a Century of Political Communication in the Netherlands / K. Brants, P. van Praag // Javnost / The Public. – 2006. – Vol. 13. – No. 1. – P. 27–41.

280. Cottle S. Mediatized Conflict. Developments in Media and Conflict Studies / S. Cottle. – Maidenhead, England : Open University Press, 2006. – 217 p.

281. Faryno J. Заключение: Уроки и перспективы «чистоты/грязи/мусора» / J. Faryno // Studia litteraria Polono-Slavica. – Т. 4. Утопия чистоты и горы мусора = Utopia czystosci i góry śmieci. – Warszawa : SOW, 1999a. – P. 467–474.

282. Faryno J. Несколько общих соображений по поводу концептов «грязный/чистый» / J. Faryno // Studia litteraria Polono-Slavica. – Т. 4. Утопия чистоты и горы мусора = Utopia czystosci i góry śmieci. – Warszawa : SOW, 1999b. – P. 59–62.

283. Fauconnier G. Spaces, Worlds and Grammar / G. Fauconnier, E. Sweetser. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – 355 p.

284. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience / E. Goffman. – New York : Harper & Row, 1974. – 586 p.

285. Hansen-Löve A. А. Мухи – русские, литературные / А. А. Hansen-Löve // Studia litteraria Polono-Slavica. – Т. 4. Утопия чистоты и горы мусора = Utopia czystosci i góry śmieci. – Warszawa : SOW, 1999. – P. 95–132.

286. Haslam N. Dehumanization: An Integrative Review / N. Haslam // *Personality and Social Psychology Review*. – 2006. – Vol. 10, no. 3. – P. 252–264.
287. Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change / S. Hjarvard // *Nordicom Review*. – 2008. – Vol. 29, no. 2. – P. 105–134.
288. Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern / R. Hülse // *Zeitschrift für internationale Beziehungen*. – 2003. – Vol. 10, no. 2. – S. 211–246.
289. *Human Haptic Perception: Basics and Applications* / M. Grunwald (ed.). – Basel ; Boston ; Berlin : Birkhäuser Verlag, 2008. – 676 p.
290. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft / O. Jäkel. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien : Lang, 1997. – 346 S. (Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft; Bd. 30).
291. Koller V. Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text / V. Koller // *Metaphorik.de* : [сайт]. – URL: <http://www.metaphorik.de/05/koller.pdf> (дата обращения: 06.03.2023).
292. Kövecses Z. *Metaphor : A practical introduction* / Z. Kövecses. – New York : Oxford University Press, 2002. – 400 p.
293. Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 252 p.
294. Laporte D. *Histoire de la merde* / D. Laporte. – Paris : Bourgois, 1978. – 119 p.
295. Liebert W. A. Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache: Kognitive Linguistik und die Perspektiven einer kognitiven Lexikographie / W. A. Liebert. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien : Lang, 1992. – XVII, 262 S. – (Europäische Hochschulschriften: Reihe 1, Deutsche Sprache und Literatur; Bd. 1355).
296. McQuail D. On the Mediatization of War: A Review Article / D. McQuail // *The International Communication Gazette*. – 2006. – Vol. 68, no. 2. – P. 107–118.
297. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? / A. Musolff // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2000. – Vol. 21, no. 3. – P. 216–229.

298. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe* / A. Musolff. – Basingstoke: Palgrave, 2004. – 211 p.
299. Rigotti F. *Die Macht und ihre Metaphern: Über die sprachlichen Bilder der Politik* / F. Rigotti. – Frankfurt am Main, New York: Campus-Verlag, 1994. – 239 S.
300. Robinson P. *Theorizing the Influence of Media on World Politics: Models of Media Influence on Foreign Policy* / P. Robinson // *European Journal of Communication*. – 2001. – Vol. 16, no. 4. – P. 523–544.
301. Schank R. C. *Scripts, Plans, Goals, and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures* / R. C. Schank, R. P. Abelson. – Hillsdale (N. J.) : L. Erlbaum Associates, 1977. – 236 p.
302. Schippan Th. *Viren, Ampeln und Altlasten. Zur Metaphorik in der deutschen Sprache der Gegenwart* / Th. Schippan // *Deutsch als Fremdsprache*. – 1994. – Bd. 31, Heft 2. – S. 86–91.
303. Sontag S. *Illness as Metaphor* / S. Sontag. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 1978. – 87 p.
304. Thompson J. B. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication* / J. Thompson. – Oxford : Polity Press, 1990. – 370 p.
305. Weinrich H. *Metafora e menzogna: la serenita dell'arte* / H. Weinrich. – Bologna : Il mulino, 1976. – 162 p.
306. Weinrich H. *Sprache in Texten* / H. Weinrich. – Stuttgart : Klett, 1976. – 356 p.
307. 胡壮麟. 认知隐喻学. 北京大学出版社, 2004. 244 页. (Ху Чжуанлинь. Когнитивная метафора / Ху Чжуанлинь. – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2004. – 244 с.)
308. 束定芳. 中国认知语言学二十年—回顾与反思. 现代外语. 2009 (3) : 9. 248–256 页. (Шу Динфан. Двадцать лет китайской когнитивной лингвистике: ретроспектива и размышления / Шу Динфан // *Современные иностранные языки*. –2009. – Т. 3, № 9. – С. 248–256.)